4
0-59

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОНОМАСТИКА И НОРМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru
71117

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОНОМАСТИКА И НОРМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1976

В статьях сборника рассматриваются различные типы собственных имен — личные имена, фамилии, топонимы в отношении к норме (к литературной норме, норме употребительности, грамматической норме). Рассматриваются собственные имена в художественной литературе. Несколько статей посвящено вопросам склонения собственных имен, актуальным в настоящее время.

Ответственный редактор
Л. П. КАЛАКУЦКАЯ

4
0-59
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА Р[illegible] ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫК[illegible] АН СССР
71117

О $\frac{70102—157}{042(02)—76}$ 342—76

© Издательство «Наука», 1976 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы ономастики интересуют ученых всего мира. В июне 1972 г. в Софии состоялся XI Международный конгресс по ономастике[1]. Предметом своего наблюдения и изучения ономастику избрали не только лингвисты, но и историки и географы. В августе 1972 г. в Монреале состоялся Международный географический конгресс, одна из секций которого занималась проблемами стандартизации географических названий в национальном и межнациональном аспектах. При Организации Объединенных Наций создана постоянно действующая Группа экспертов, занимающаяся проблемами стандартизации географических названий мира.

Стандартизация географических названий в национальном и межнациональном аспектах является частным вопросом общей, практически не изученной проблемы — отношения ономастики к норме. Понятие нормы в лингвистике не имеет достаточно четкого научного определения[2] и употребляется в разных значениях. Оно включает

---

[1] XI Congres International des sciences onomastiques. Resumes des communications. Sofia, 1972.

[2] Ср. определение этого понятия в лингвистических терминологических словарях: *Ж. Марузо.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960; *И. Вахек.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964; *О. С. Ахманова.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

в себя норму литературного языка, норму грамматическую, норму употребительности и другие «нормы». Каждое из этих значений (сторон, аспектов) нормы имеет отношение к ономастике. Именно вопросам отношения ономастики к этой многоликой норме посвящены статьи данного сборника.

Сборник открывается статьей А. М. Комкова (входящего в качестве эксперта в Группу по стандартизации географических названий при Организации Объединенных Наций) «Проблемы стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах»,— название которой говорит само за себя.

Другие статьи сборника рассматривают различные типы собственных имен — личные имена, фамилии, топонимы в отношении к норме: литературной норме, норме грамматической, норме употребительности. Несколько статей посвящены вопросам склонения собственных имен, весьма актуальных в настоящее время и нуждающихся в более тщательной кодификации. В одном из разделов сборника обсуждаются проблемы, связанные со специфичностью функции собственных имен в художественной речи. В сборник включен обзор диссертационных работ по советской ономастике за 1947—1972 гг.

I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

А. М. Комков

ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ (НОРМАЛИЗАЦИИ) ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ АСПЕКТАХ

1. Среди многих проблем современной географии, обсуждавшихся на 22-м Международном географическом конгрессе 1972 г. в Канаде, были также проблемы топонимики. Эта отрасль научной и одновременно практической деятельности связана, как известно, с языкознанием и историей. Географическая номенклатура, т. е. собственные названия различных видов географических объектов, а также родовые географические термины, участвующие в формировании географических названий,— необходимый элемент географической информации. Нельзя решать задачи совершенствования методов сбора, обработки и передачи географической информации, в том числе ее картографического представления, не принимая во внимание географические названия.

2. Различительные и адресные функции географических названий требуют их правильного и стабильного написания в официальных документах, на картах и в любых других публикациях. В этом практически заинтересованы органы государственного управления, учреждения транспорта и связи, науки, просвещения и культуры, пресса, радио и телевидение всех стран мира.

Установление единой для каждого значимого географического объекта формы названия, обязательной для официального и всеобщего употребления, составляет сущность и главную задачу стандартизации географиче-

ских названий. Если эта задача решается в интересах одного государства, средствами его языка или языков (если государство многонациональное), то мы говорим о национальной стандартизации географических названий. Если же имеются в виду интересы нескольких государств одновременно, а такие интересы неизбежно возникают в условиях все более развивающегося международного общения, то возникают проблемы международной стандартизации географических названий. При этом международная стандартизация глубокими корнями связана с национальной стандартизацией.

3. Национальная стандартизация географических названий осуществляется в настоящее время в большинстве развитых и развивающихся стран. Многие из них имеют специальные службы географических названий, как правило, тесно связанные с государственными картографическими службами.

Проблемы стандартизации географических названий привлекают все большее внимание не только национальных, но и международных научных и межправительственных организаций, таких, например, как Международный комитет ономастических наук (ICOS), Международная фонетическая ассоциация (IPA), Научный комитет по изучению Антарктики (SCAR), Международная гидрографическая организация (IHO), Международная организация гражданской авиации (ICAO), Всемирный почтовый союз (UPI), Международный союз электросвязи (ITU), Международная организация по стандартизации (ISO) и др.

4. Активный интерес к проблемам стандартизации географических названий проявляет за последние годы Организация Объединенных Наций. Об этом свидетельствуют две международные конференции по стандартизации географических названий, созванные ООН в 1967 г. (Женева) и в 1972 г. (Лондон), а также деятельность Группы экспертов ООН по географическим названиям. Лондонская конференция, в которой участвовали делегации 59 стран и наблюдатели от 9 международных организаций, рассмотрела широкий круг вопросов, обсудив более 120 докладов, сообщений и проектов резолюций по различным проблемам национальной и международной стандартизации географических названий. В кратком сообщении, основанном на материалах конфе-

ренций ООН по стандартизации географических названий и состоявшихся сессий Группы экспертов, участником которых был автор этих строк, нет возможности даже перечислить проблемы, ожидающие своего решения. Мы остановимся лишь на некоторых, представляющих, по нашему мнению, интерес для лингвистов и географов многих стран мира.

5. Вот одна из таких проблем. Названия географических объектов ряда стран и территорий, находившихся длительное время в колониальной зависимости и лишь сравнительно недавно ставших на самостоятельный путь национального развития, были установлены иноземными колонистами и топографами, прибывшими из метрополий. При этом названия, известные среди местного населения, не всегда принимались во внимание или адаптировались применительно к тому или иному из европейских языков. В результате на карты, в географические описания и в другие публикации попадали, и таким путем входили в широкое обращение, географические названия, чуждые местному населению.

Об этом писала газета «Таймс» (1 июня 1972 г.) в заметке, посвященной Лондонской конференции ООН: «Многие названия в Африке и в Азии давались иноземными исследователями и колонистами. С местными же названиями обходились жестоко, и потребовалась большая исследовательская работа с применением магнитофонов и привлечением местных специалистов, чтобы заново сделать крупномасштабную карту с более правильными формами названий». Естественно, что с ростом национального самосознания, национальной культуры народов стран, освободившихся от колониальной зависимости, начался закономерный процесс восстановления национальных форм географических названий этих стран.

Уже восстановлены или присвоены новые национальные названия ряду государств, больших городов и других крупных географических объектов, например, *Бангладеш* (бывш. *Вост. Пакистан*), *Шри-Ланка* (бывш. *Цейлон*), *Киншаса* (бывш. *Леопольдвиль*), *Калима* (бывш. *Альбертвиль*), г. *Джомолунгма* (бывш. *Эверест*), оз. *Чоу-Бахр* (бывш. *Стефани*).

Установление стандартных, т. е. обязательных для употребления названий собственных географических объектов, является внутренним делом каждого государ-

ства. Но известно, что основой международной стандартизации географических названий служит стандартизация национальная. Это означает, что для международного употребления могут быть рекомендованы лишь те названия, которые получили официальное признание на национальном уровне. Учитывая это обстоятельство, следует быть готовым к дальнейшим значительным переменам в традиционной географической номенклатуре ряда стран Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

6. Актуальной является проблема обобщающих родовых географических терминов, активно участвующих в образовании собственных географических названий. Выявление и изучение таких терминов, особенно терминов местных, или народных, даст ключ к раскрытию этимологии топонимов. Как показала 2-я конференция ООН по стандартизации географических названий, несомненные успехи в изучении местных географических терминов и составлении глоссариев терминов достигнуты во Франции, Канаде, США, СССР и в других странах. В Советском Союзе, например, словарями местных географических терминов охвачена большая часть территории страны: Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Север Европейской части СССР, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток и др.

Международный географический союз включил в программу своей деятельности создание Многоязычного словаря географических терминов и образовал соответствующую комиссию. Но эта комиссия занимается научно-технической терминологией географии и не включает в сферу своих интересов родовые географические термины. Поэтому заслуживает внимания и одобрения идея создания международного словаря родовых и видовых географических терминов, выдвинутая географами и картографами Чехословакии. Создание подобных словарей обогащает международный словарный фонд, способствует внедрению наиболее выразительных национальных терминов в языки других стран, как это произошло, например, с такими русскими терминами, как *тайга, тундра, чернозем* и др., норвежским термином *фьорд,* английскими терминами *джунгли, прерии* и др.

Изучение местных географических терминов имеет не только практическое, но и большое научное значение.

Об этом еще в 1915 г. хорошо сказал выдающийся русский географ Л. С. Берг: «Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизаций, перемещения народных масс и взаимные влияния соседних народностей... Будучи результатом многовековых наблюдений над природой постоянного местного населения и продуктом творчества такого гениального коллектива, каким является народ, народные термины заслуживают самого внимательного к себе отношения как филологов, так и в особенности географов» («Землеведение», кн. IV. М., 1915).

7. Насущной является также проблема экзонимов, или традиционных названий. Международная стандартизация географических названий, как уже отмечалось, базируется на том, чтобы к международному использованию рекомендовались, по возможности, лишь стандартизированные национальные названия. Широкое распространение экзонимов препятствует достижению этой цели. И не случайно 2-я конференция ООН по стандартизации географических названий, как образно выразился корреспондент английской газеты «Таймс», «объявила крестовый поход против экзонимов».

Экзонимы — это более или менее глубоко укоренившиеся в том или ином языке неправильные названия географических объектов, расположенных за пределами данного государства; неправильность в этом случае следует понимать как несоответствие национальному названию, ср.: нем. Deutschland, англ. Germany, франц. Allemagne, венг. Németország, русск. *Германия*.

Сложность проблемы заключается в том, что многие экзонимы, относящиеся к крупным географическим объектам, прочно вошли в словарный фонд различных языков. Они дали устойчивые словосочетания и потому уже не могут быть изъяты из обращения. Вместе с тем в различных странах употребляется немало экзонимов, обозначающих второстепенные объекты. Изъятие таких экзонимов, замена их правильными национальными формами названий представляется необходимой и возможной, хотя это и сопряжено с немалыми трудностями.

Вторая конференция ООН по стандартизации географических названий приняла рекомендацию, призываю-

щую все страны к постепенному исправлению укоренившейся традиционной географической номенклатуры.

8. К числу проблем, заслуживающих особого внимания, относится, по нашему мнению, проблема наименования и переименования географических объектов, находящихся вне суверенитета государств. Это относится к Антарктиде — единственной на земном шаре территории, на которую не распространяется юрисдикция государств, а также к объектам открытого моря, включая подводные объекты, находящиеся за пределами территориальных вод приморских государств.

В настоящее время наименование и переименование таких объектов осуществляется различными национальными организациями. При этом отсутствует какое-либо международное соглашение, определяющее правила и процедуру присвоения названий географическим объектам, открытие и нанесение на карты которых совершается в результате исследований, выполняемых разными странами. Это приводит зачастую к повторному наименованию объектов, уже имеющих название, что затрудняет создание и применение картографических и других материалов, предназначенных для международного использования.

Приходится отметить, что Международный географический союз не проявил должного интереса к этой важной проблеме. В то же время Международный астрономический союз уже давно занимается номенклатурой внеземных объектов. В составе МАС имеются активно действующие комиссии и рабочие группы по номенклатуре Луны и Марса.

Эта номенклатура рассматривается и утверждается на очередных генеральных ассамблеях МАС. Новый этап детального изучения и крупномасштабного картографирования Луны, а также Марса и других планет солнечной системы поставил перед исследователями ряд новых проблем, в том числе связанных с наименованием большого числа мелких по размерам внеземных топографических объектов. В связи с этим на помощь астрономам пришли геофизики, геоморфологи, геологи, геодезисты, топографы и картографы. Для работы Комиссии по изучению Луны, образованной Международным советом научных союзов, наряду с астрономами приглашены представители других международных научных

союзов. Таким образом, астрономы дали хороший пример заботы о номенклатуре объектов своего исследования.

Учитывая все возрастающие темпы и объем исследований Антарктиды, мирового океана, космического пространства, включая Луну, которая превращается в своеобразное продолжение Земли, нам также необходимо проявить большой интерес к номенклатуре как земных объектов, находящихся вне суверенитета государств, так и внеземных топографических объектов.

Вторая конференция ООН по стандартизации географических названий, рассмотрев эту проблему, поручила Группе экспертов ООН по географическим названиям изучить вопрос о возможности выработки специального международно-правового акта, который дал бы, в развитие существующих международных договоров и соглашений об открытом море, Антарктике, космосе и др., общую правовую и научную основу для принятия правил и процедуры наименования и переименования географических и внеземных топографических объектов, находящихся за пределами юрисдикции государств.

Таковы лишь некоторые проблемы национальной и международной стандартизации (нормализации) географических названий, решение которых требует пристального внимания лингвистов, географов и картографов.

II

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА, ФАМИЛИИ, ТОПОНИМИКА

В. Д. Бондалетов

РУССКИЙ ИМЕННИК, ЕГО СОСТАВ, СТАТИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ

(мужские и женские имена)

В наиболее обширном собрании современных личных антропонимов — «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского[1] приведено около 2600 мужских и женских имен (включая некоторые из разговорных и устаревших вариантов). Словарь адресован широкому кругу читателей, поэтому «содержит не весь материал, собранный автором»[2]. Как указано в авторском предисловии, за пределами словаря осталось несколько тысяч имен, а именно: многие старые (канонические) имена, совсем вышедшие из употребления; многие заимствованные имена, хотя и встречающиеся довольно широко, но до сих пор недостаточно «обрусевшие»; подавляющая масса новых имен, появившихся в результате индивидуального «творчества» родителей после Октябрьской революции и не прижившихся в системе собственных имен: *Дуб, Гвоздика, Алгебрина, Гималай;* многие «революционные» имена: *Ревпит, Лориэкс;* имена-аббревиатуры: *Райтия, Гласп*[3]. Об именах-неологизмах и новых заимствованиях Н. А. Петровский заметил: «Известно около трех тысяч новых и заимствованных имен, которые за

---

[1] *Н. А. Петровский.* Словарь русских личных имен. М., «Советская энциклопедия», 1966.
[2] Там же, стр. 14.
[3] Там же, стр. 22.

редким исключением, никогда не привьются на русской почве» [4].

Материалы Словаря Н. А. Петровского, а также данные, полученные нами [5] путем изучения архивов загсов многих городов и сельских районов РСФСР, а также извлеченные из антропонимических публикаций (Д. Делерт, А. М. Селищев, А. В. Суперанская, В. А. Никонов, Е. Ф. Данилина, Л. М. Щетинин и др.) [6], позволяют допустить, что за последнее столетие в русских семьях употреблялось не менее 6 тысяч разных имен.

6 тысяч имен... Не мешает ли обилие имен выполнять языку коммуникативную функцию? Не создаются ли этим трудности в усвоении новых сотен и тысяч слов-имен? Несомненно, орфографические и иные трудности возрастают. Однако народ, творец и хозяин языка, довольно легко преодолевает эти трудности — он включает в активный репертуар лишь часть имеющегося запаса имен, оставляя в стороне множество редких, непривычных, трудных, устаревших, чем-то не нравящихся имен.

Показательны в этом отношении следующие цифры. Н. А. Петровский в своем Словаре привел «около 2600 личных имен, бытующих или бытовавших в русских семьях», т. е. лишь половину русского именника. Однако и среди приведенных им имен только одна треть (900 имен) не снабжена пометой «редкое» («редкое старое», «старорусское редкое», «славянское редкое» и т. п.). Так, из 1250 мужских имен к нередким отнесено лишь 475 имен. Если же применить более жесткий критерий, то количество относительно распространенных имен придется снизить по меньшей мере до 300 имен [7]. В частности, далеко

---

[4] *Н. А. Петровский.* Словарь русских личных имен, стр. 7.

[5] Работа проводилась с 1956 г., в ней приняли участие более 500 студентов-филологов Пензенского педагогического института, учителя школ и техникумов, преподаватели вузов.

[6] *Д. Делерт.* Новые имена. М., 1924; *А. М. Селищев.* Язык революционной эпохи. М., 1928; *А. В. Суперанская.* Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964; *В. А. Никонов.* Личные имена в современной России.— «ВЯ», 1967, № 6; *Е. Ф. Данилина.* Формы субъективной оценки от личных имен, возникших в Советскую эпоху. «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969; *Она же.* Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке. «Ономастика». М., 1969; *Л. М. Щетинин.* Имена и названия. Ростов-на-Дону, 1968.

[7] Л. М. Щетинин в «Статистическом справочнике личных имен, встречающихся в русских семьях в 1612—1965 гг.» приводит всего

не бесспорно отнесение к нередким (отсутствуют пометы «редкое» и под.) таких старых имен, как *Авенир, Автоном, Азарий, Азат, Альвиан, Амфилохий, Анемподист, Анфим, Апрониан, Ариан, Арий, Валент, Варсонофий, Венедим, Вивиан, Гай, Гаян, Евкарпий, Евтропий, Ефрасий, Звездан, Иларий, Иосаф, Кириак, Ливерий, Лимней, Луп, Марий, Мина, Нафанаил, Полиевкт, Полиен, Пуд, Сальвий, Товий, Фавст, Фалласий, Фантин, Эпиктет* и других, многих новых и заимствованных имен: *Вил, Вилен, Гораций, Наполеон, Новомир, Радий, Ренат, Рикс* и под. Такую же поправку следовало бы сделать и по женским именам (всего женских имен в Словаре, по нашим подсчетам, 644, пометы «редкое» имеют 217, без такой пометы 427 имен). Что же касается ассортимента имен отдельно взятого города (даже с населением в несколько сотен тысяч человек), то, пожалуй, ни в одном из них мы не встретим не только всех 1250 мужских имен, приведенных Н. А. Петровским, но и тех 475, которые отнесены им к числу нередких.

Определенное представление о современном русском именнике, его составе, статистической структуре, а также динамике имен и их функционировании может дать характеристика антропонимии одного города. Для этой цели мы берем Пензу — русский город средней величины (по переписи 1970 г. в нем проживает 374 тыс. чел.), расположенный в центральной полосе Европейской части СССР. В нашем распоряжении сплошные выборки личных имен с 1882 по 1969 г.

Всего за 88 изученных лет всем русским мальчикам Пензы было дано не менее 300—350 разных имен (точную цифру назвать затрудняемся, так как по ряду дореволюционных лет сохранились не все записи). Разумеется, в каждый из годов для наречения новорожденных было использовано разное количество имен, не говоря уже о несходстве самого набора имен. В зависимости от

---

721 мужское и женское имя (за период в 350 лет). Набор частых имен мужчин в начале XVII в., по его данным, включал не менее 350 имен, в начале XIX в. «заметное распространение имели только 250 мужских имен», в первом десятилетии XX в. репертуар мужских имен сократился до 165 единиц, в 20-е годы употребительны 144 имени, в 40-е — 66, в первой половине 60-х годов «число активных мужских имен сократилось до 49» (*Л. М. Щетинин.* Указ. соч., стр. 48).

объема именника, его конкретного состава, степени употребляемости отдельных групп имен и других показателей в пределах рассматриваемого 90-летия можно выделить три периода:

1) дореволюционный (с конца XIX столетия до Великой Октябрьской социалистической революции);

2) послереволюционное двадцатипятилетие (с 1918 по 1945 гг.);

3) послевоенный (период после Великой Отечественной войны до середины 60-х годов).

Специфику каждого из этих периодов можно было бы показать, подвергнув характеристике именник трех типичных лет, например, 1893 г. для первого периода, 1923 г. для второго, 1963 г.— для третьего. Однако лучше оперировать материалом целых десятилетий. При таком подходе теряются некоторые детали, зато отчетливее проступают основные закономерности.

В качестве десятилетнего «среза» в первом, дореволюционном периоде берем сведения по 1893—1902 гг., во втором — по 1921—1930 гг., в третьем — по 1960—1969 гг.

МУЖСКИЕ ИМЕНА

Дореволюционный период

Этот период характеризовался относительно богатым именником, состоявшим на 95—98% из канонических имен, устойчивым составом употребительных имен, медленными темпами изменения как ассортимента имен, так и статистической структуры различных частей именника. Так, с 1882 по 1892 г. в городе Пензе 12 926 мальчикам было дано 154 разных имени. Максимум имен (73) находим в 1882 г., минимум (47) — в 1889 г. Среднее количество имен, даваемых за год, для мальчиков составило 62. Пять самых частых имен (*Александр, Иван, Николай, Василий, Петр*) были даны 44% новорожденных, 10 наиболее популярных имен (*Александр, Михаил, Алексей, Павел, Сергей, Владимир* и др.) — 64%, все частые имена (их было в этом «срезе» 21) — около 80%.

В следующее десятилетие — с 1893 по 1902 г. — имеем во многом сходные показатели: 13 192 новорожденным мужского пола дано 138 имен. Из них ежегодно исполь-

зовалось, как и в предыдущем десятилетии, менее половины — от 51 (в 1898 г.) до 63 (в 1897 г.). Среднее годовое количество имен в этом десятилетии равно 58. Частых имен (с употребительностью выше средней величины одноименности) было 22, они даны 94% мальчиков. Первую пятерку имен составляли: *Александр, Николай, Иван, Михаил, Василий,* они даны 46% новорожденных, во вторую пятерку входили: *Петр, Владимир, Сергей, Алексей, Дмитрий.* Первый десяток распространенных имен охватывал 70% нареченных. Нетрудно заметить, что 9 из 10 имен в сравниваемых десятилетиях совпадают, что свидетельствует об относительной стабильности популярной части именника.

Приводим все имена 1893—1902 гг. в алфавитном порядке с указанием количества и (после тире) процента носителей за 10-летие:

Авдей 1 — 0,0076, Авив 2 — 0,015, Авралий 1 — 0,0076, Агап 1 — 0,0076, Александр 1675 — 12,73, Алексей 590 — 4,48, Анатолий 124 — 0,94, Андрей 250 — 1,90, Андриан 7 — 0,053, Анисий 1 — 0,0076, Антон 1 — 0,0076, Антонин 5 — 0,038, Аполлон 1 — 0,0076, Аркадий 7 — 0,053, Арсений 11 — 0,084, Артемий 1 — 0,0076, Архип 5 — 0,038, Афанасий 16 — 0,12, Борис 234 — 1,78, Вадим 2 — 0,015, Валентин 23 — 0,17, Валериан 11 — 0,084, Валерий 6 — 0,046, Варлаам 3 — 0,023, Василий 861 — 6,54, Вениамин 15 — 0,11, Венедикт 1 — 0,0076, Виктор 201 — 1,53, Виталий 13 — 0,10, Владимир 623 — 4,73, Влас 1 — 0,0076, Всеволод 9 — 0,068, Гавриил (Гаврил) 33 — 0,25, Геннадий 4 — 0,03, Георгий 298 — 2,03, Герасим 13 — 0,10, Герман 7 — 0,053, Глеб — 0,03, Григорий 240 — 1,82, Давид 1 — 0,0076, Даниил (Данил) 6 — 0,046, Димион (?) 1 — 0,0076, Дионисий 2 — 0,015, Дмитрий 411 — 3,02, Донат 1 — 0,0076, Дорофей 2 — 0,015, Евгений 96 — 0,73, Евграф 4 — 0,03, Евдоким 1 — 0,0076, Евлампий 1 — 0,0076, Евсклий 1 — 0,0076, Евстафий 1 — 0,0076, Евфимий 15 — 0,11, Егор 7 — 0,053, Ермолай 1 — 0,0076, Ефим 19 — 0,14; Ефрем 3 — 0,023, Захар 4 — 0,03, Зенон 1 — 0,0076, Зосим 1 — 0,0076, Зот 1 — 0,0076, Иван (Иоанн) 1143 — 8,69, Игнатий 1 — 0,0076, Игорь 1 — 0,0076, Илларион 4 — 0,03, Илья 84 — 0,64, Иоаким (Аким) 4 — 0,03, Иона 1 — 0,0076, Иосиф (Осип) 20 — 0,15, Ипполит 1 — 0,0076, Ирадион 1 — 0,0076, Капитон 1 — 0,0076, Карп 1 — 0,0076, Кирей 1 — 0,0076, Кирик 1 —

0,0076, Кирилл 9 — 0,068, Конон 1 — 0,0076, Константин 588 — 4,47, Ксенофонт 1 — 0,0076, Кузьма (Косьма) 25 — 0,18, Лаврентий 3 — 0,023, Лев 19 — 0,14, Леонид 48 — 0,36, Леоний 1 — 0,0076, Леонтий 4 — 0,03, Лука 2 — 0,015, Макар (Макарий) 3 — 0,023, Максим 38 — 0,29, Мануил 1 — 0,0076, Марк 1 — 0,0076, Маркелл 2 — 0,015, Матвей 35 — 0,27, Митрофан 6 — 0,046, Михаил 897 — 6,82, Михей 1 — 0,0076, Модест 2 — 0,015, Моисей 2 — 0,015, Назар 1 — 0,0076, Неоним (Неонилл?) 1 — 0,0076, Никита 6 — 0,046, Никифор 8 — 0,06, Никодим 1 — 0,0076, Николай 1555 — 11,82, Никанор 10 — 0,076, Нил 1 — 0,0076, Ниновей (?) 1 — 0,0076, Олимпий 1 — 0,0076, Онисим (Анисим) 1 — 0,0076, Павел 388 — 2,95, Папий 1 — 0,0076, Петр 856 — 6,51, Пимен 1 — 0,0076, Платон 1 — 0,0076, Порфирий 4 — 0,03, Прокофий 2 — 0,015, Прохор 3 — 0,023, Римма 1 — 0,0076, Родион 1 — 0,0076, Роман 8 — 0,06, Руфим (Руфин) 2 — 0,015, Самсон 3 — 0,023, Семен (Симеон) 89 — 0,68, Серафим 3 — 0,023, Сергей 619 — 4,70, Сократ 1 — 0,0076, Сосипатр 1 — 0,0076, Софрон 2 — 0,015, Спиридон 1 — 0,0076, Степан 140 — 1,06, Тимофей 29 — 0,22, Тихон 12 — 0,09, Трофим 6 — 0,046, Федор 418 — 3,17, Феликс 3 — 0,023, Филипп 29 — 0,22, Фрол 1 — 0,0076, Хрисан 1 — 0,0076, Юлиан 1 — 0,0076, Юрий 1 — 0,0076, Яков 107 — 0,81.

Все 138 имен с 1893 по 1902 г. использовались неравномерно: одни давались во все годы десятилетия (устойчивые, или сквозные имена), другие — с перерывами от двух до восьми лет (прерывистые имена), третьи встречались в одном из десяти лет (разовые имена — чаще всего их получали по одному человеку).

Устойчивых имен в рассматриваемые годы было 27 (около 19% всего десятилетнего ассортимента): Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Борис, Василий, Виктор, Владимир, Георгий, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Илья, Константин, Леонид, Матвей, Михаил, Николай, Павел, Петр, Семен, Сергей, Степан, Тимофей, Федор, Яков.

Разовых имен — 62 (около 45%): Игнатий, Сократ (встретились только в 1893 г.), Авдей, Авралий, Агап, Анисий, Евдоким, Евсклий, Евстигней, Карп, Ниновей, Родион (только в 1894 г.), Аполлон, Неоним (в 1895 г.), Влас, Зот, Кирей, Назар, Никодим, Пимен (в 1896 г.), Артемий, Давид, Димеон, Евстигней, Зенон, Иона, Ипло-

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

лит, Мануил, Нил (в 1897 г.), Зосим, Хрисан, Юлиан (в 1898 г.), Венедикт, Игорь, Капитон, Кирик (в 1899 г.), Антон, Евлампий, Иродион, Конон, Леоний, Папий (в 1900 г.), Ермолай, Ксенофонт, Михаил, Олимпий, Римма, Фрол, Сосипатр (в 1901 г.), Донат, Марк, Платон, Спиридон, Юрий (в 1902 г.). Колебание между годами в количестве разовых имен — от двух (в 1893, 1895 гг.) до десяти имен (в 1894 г.). Среднее число разовых имен на один год десятилетия — шесть (62 имени: десять лет).

Число прерывистых имен — 50 (свыше 36%); одни из них близки к устойчивым (например, *Вениамин, Максим, Филипп*), другие к разовым: *Авив* (встретилось в 1895 и 1896 гг.), *Архип* (1893 и 1899 гг.), *Вадим, Варлаам, Захар, Кирилл, Маркелл* и др.

Итак, в именнике конца XIX и начала XX вв. преобладали имена прерывистого и разового употребления (до 81% всех имен), на долю устойчивых имен приходилась лишь 1/5 часть имен.

О неустойчивости «периферийной» части именника свидетельствуют значительные, можно сказать, массовые несовпадения имен 1882—1892 гг. и 1893—1902 гг. Так, среди имен 1893—1902 гг. не оказалось 57-х имен предыдущего десятилетия: Авраам, Агафангел, Адриан, Амвросий, Ардей, Аристарх, Афиноген, Варфоломей, Венидий, Вильгельм, Виссарион, Виталиан, Владислав, Вукол, Вячеслав, Геронтий, Гликерий, Гордей, Диомид, Евсей, Елисей, Емельян, Епифаний, Зиновий, Зотик, Илгодар (от Илиодор?), Илиодор, Иннокентий, Исаакий, Кассиан (Касьян), Кесарь, Киприан, Клавдий, Коловерт, Кондратий, Лавр, Лукил (от Лукий?), Меркурий, Милетий, Мирон, Никон, Пантелеймон, Поликарп, Рафаил, Святослав, Сидор, Симон, Станислав, Тарас, Терентий, Трифон, Фаддей, Феоктист, Феофан, Христофор, Эраст, Юлий; зато появилось 40 «новых» имен: Авдей, Авив, Авралий, Агап, Вадим, Валерий, Варлаам, Венедикт, Донат, Евлампий, Евсклий, Евстафий, Евстигней, Зенон, Зосим, Зот (Изот), Иона, Ипполит, Карп, Кирей, Кирик, Лука, Мануил, Михей, Модест, Неоним (Неонилл?), Нил, Ниновей, Олимпий, Онисим, Папий, Римма, Родион, Руфим, Серафим, Сократ, Сосипатр, Спиридон, Феликс, Хрисан. Правда, эти имена даны всего 55 мальчикам (0,42% всех носителей), тем не менее отличие от именника 1882—1892 гг. налицо.

Наибольший интерес, разумеется, представляют имена широкого распространения, или частые. Можно говорить о частых именах применительно ко всему десятилетию (таких оказалось 22 — они будут перечислены ниже) и о частых именах года. Так, для 1893 г. состав частых имен определяется делением 1146 (количество родившихся мальчиков) на 61 (число разных имен). Число 19, получившееся при делении, принимается за «водораздел» между именами частыми (выше 19 — имена частые) и редкими (ниже 19 чел.— редкие). Частых имен в 1893 г. было 16, редких — 45. Хотя частых имен менее одной трети (26,3 проц.), они обслуживали в этом году свыше 89% мальчиков (1027 чел.). Состав первой пятерки (*Александр, Николай, Иван, Василий, Петр*) почти полностью совпадает с пятеркой популярных имен за десятилетие (расхождение в именах *Петр* и *Михаил*). То же можно сказать и о второй пятерке имен, а также о других частых именах, хотя при сравнении большего состава имен число расхождений возрастает.

О составе и удельном весе частых имен в каждом году десятилетия можно судить по приводимым сведениям (имена располагаем в алфавитном порядке для удобства сопоставления с другими годами, после имени указывается число и — после тире — процент носителей).

1893 г. Количество родившихся мальчиков 1146, всех имен 61, частых имен 16 (перечислим их): Александр 164 — 14,76, Алексей 59 — 5,31, Андрей 48 — 4,32, Василий 97 — 8,73, Владимир 56 — 5,04, Георгий 21 — 1,89, Григорий 28 — 2,5, Дмитрий 42 — 3,78, Иван 115 — 10,35, Константин 21 — 1,89, Михаил 70 — 6,3, Николай 122 — 10,98, Павел 25 — 2,25, Петр 80 — 7,2, Сергей 33 — 2,97, Федор 36 — 3,24.

1894 г. Количество родившихся мальчиков 1180, всех имен 60, частых имен 17: Александр 157 — 13,3, Алексей 33 — 2,8, Андрей 23 — 1,9, Борис 28 — 2,4, Василий 76 — 6,5, Владимир 52 — 4,4, Георгий 24 — 2,0, Григорий 21 — 1,8, Дмитрий 53 — 4,5, Иван 106 — 9,0, Константин 43 — 3,7, Михаил 69 — 5,9, Николай 143 — 12,2, Павел 43 — 3,7, Петр 83 — 7,47, Сергей 52 — 4,4, Федор 34 — 2,9.

1895 г. Количество мальчиков 1189, всех имен 52, частых 14: Александр 171 — 13,2, Алексей 46 — 3,5, Василий 81 — 6,2, Владимир 64 — 4,9, Георгий 30 — 2,3,

Дмитрий 40 — 3,0, Иван 88 — 6,8, Константин 59 — 4,5, Михаил 81 — 6,2, Николай 155 — 11,9, Павел 37 — 2,96, Петр 92 — 7,36, Сергей 39 — 3,12, Федор 34 — 2,6.

1896 г. Количество мальчиков 1229, всех имен 59, частых 14: Александр 158—12,2, Алексей 57—4,4, Андрей 30—2,3, Василий 94—7,2, Владимир 46—3,5, Дмитрий 34—2,6, Иван 128—9,9, Константин 75—5,8, Михаил 85—6,5, Николай 155—11,9, Павел 37—2,96, Петр 70—5,4, Сергей 49—3,92, Федор 40—3,1.

1897 г. Количество мальчиков 1463, всех имен 63, частых 15: Александр 153—10,7, Алексей 66—6,7, Василий 80—5,7, Виктор 26—1,8, Владимир 85—6,07, Георгий 33—2,35, Дмитрий 42—3,0, Иван 128—8,96, Константин 57—4,07, Михаил 78—5,5, Николай 152—10,8, Павел 37—2,59, Петр 104—7,4, Сергей 52—3,7, Федор 57—4,7.

1898 г. Количество мальчиков 1225, всех имен 51, частых 15: Александр 186—15,16, Алексей 84—6,54, Василий 79—6,44, Владимир 37—3,02, Георгий 38—3,1, Григорий 29—2,36, Дмитрий 25—2,04, Иван 92—7,51, Константин 56—4,81, Михаил 95—7,75, Николай 140—11,42, Павел 33—2,69, Петр 75—6,12, Сергей 57—4,65, Федор 36—2,9.

1899 г. Количество мальчиков 1492, всех имен 58, частых 17: Александр 184—12,35, Алексей 54—3,62, Андрей 27—1,81, Василий 87—5,84, Виктор 33—2,21, Владимир 69—4,56, Георгий 31—2,08, Григорий 26—1,74, Дмитрий 54—3,62, Иван 128—8,47, Константин 80—5,3, Михаил 93—6,24, Николай 187—12,56, Павел 60—4,02, Петр 89—5,97, Сергей 66—4,43, Федор 52—3,49.

1900 г. Количество мальчиков 1384, всех имен 59, частых 17: Александр 168—12,1, Алексей 64—4,6, Борис 28—2,01, Василий 91—6,5, Виктор 23—1,7, Владимир 83—5,9, Георгий 30—2,2, Григорий 23—1,7, Дмитрий 43—3,9, Иван 125—8,7, Константин 74—5,3, Михаил 101—7,2, Николай 135—9,7, Павел 41—2,8, Петр 92—6,6, Сергей 72—5,1, Федор 47—3,3.

1901 г. Количество мальчиков 1404, всех имен 60, частых 19: Александр 137—9,75, Алексей 69—4,9, Андрей 26—1,8, Борис 27—1,92, Василий 92—6,55, Виктор 24—1,7, Владимир 73—5,19, Георгий 31—2,2, Григорий 23—1,63, Дмитрий 39—2,7, Иван 110—7,83, Константин 68—4,8, Михаил 101—7,68, Николай 181—12,89, Павел 33—2,3, Петр 103—7,33, Сергей 63—4,4, Степан 30—2,1, Федор 46—3,26.

1902 г. Количество мальчиков 1480, всех имен 60, частых 17: Александр 197—12,5, Алексей 58—4,1, Анатолий 30—1,8, Борис 29—1,8, Василий 82—5,1, Виктор 26—1,6, Владимир 58—4,1, Георгий 32—2,02, Дмитрий 39—2,1, Иван 103—6,5, Константин 52—3,2, Михаил 117—7,3, Николай 185—11,7, Павел 42—2,6, Петр 68—4,3, Сергей 136—8,16, Федор 36—2,2.

Всего в число частых с 1893 по 1902 г. попало 20 имен: 13 были частыми во все эти годы (*Александр, Алексей, Василий, Владимир, Дмитрий, Иван, Константин, Михаил, Николай, Павел, Петр, Сергей, Федор*), пять имен не попадали в частые от одного до шести лет (*Андрей, Борис, Виктор, Георгий, Григорий*), имена *Анатолий* и *Степан* оказывались частыми по одному разу. Заметно колебался процент носителей и у «постоянно» частых имен — у имени *Александр* от 10,7 (1897 г.) до 15,16% (1898 г.), *Алексей* от 2,8 (1894 г.) до 6,7 (1897 г.), *Василий* от 5,1 до 8,73, *Владимир* от 3,02 до 6,07, *Дмитрий* от 2,04, до 4,5, *Иван* от 6,5 до 10,35, *Константин* от 1,89, до 5,8, *Михаил* от 5,5 до 7,75, *Николай* от 9,7 до 12,89, *Павел* от 2,25 до 4,02, *Петр* от 4,3 до 7,47, *Сергей* от 2,97 до 8,16, *Федор* от 2,2 до 4,7%.

Имена *Александр, Алексей, Владимир, Дмитрий, Михаил, Николай, Павел* в основном сохраняли на одном уровне свою употребительность в течение всех 10 лет, *Андрей* и *Василий* снижали ее, а имя *Сергей* повышало.

Наиболее распространенными (частыми) именами десятилетия были: Александр 1675 чел.— 12,73%, Алексей 590—4,48, Анатолий 124—0,94, Андрей 250—1,90, Борис 234—1,78, Василий 861—6,54, Виктор 201—1,53, Владимир 623—4,73, Георгий 298—2,03, Григорий 240—1,82, Дмитрий 411—3,02, Евгений 96—0,73, Иван 1143—8,69, Константин 588—4,47, Михаил 897—6,82, Николай 1555—11,82, Павел 388—2,95, Петр 856—6,51, Сергей 619—4,70, Степан 140—1,06, Федор 418—3,17, Яков 107—0,81 (всего 22 имени).

В течение двух первых десятилетий XX в. существенных изменений как в репертуаре, так и в статистической структуре популярной и «периферийной» частей именника не произошло. Характер эволюции и ее темпы начнут меняться лишь после Великого Октября.

Послереволюционный период (в особенности 20 и 30-е годы) представлял собой «антропонимическое половодье», принесшее в русский именник большое количество имен-неологизмов (революционных имен) и новых заимствований из других языков. Увеличился ассортимент имен, сменился состав употребительных имен, включая имена первого десятка и даже первой пятерки популярных имен.

С 1921 по 1930 г. в Пензе всем новорожденным мужского пола было дано 159 разных имен: Август, Авенир, Авсей (от Евсей?), Адам, Адольф, Аким (от Иаким), Александр, Алексей, Альберт, Альфред, Анатолий, Андрей, Андриан, Антон, Аполлинарий, Аполлон, Аркадий, Арнольд, Арсений, Афиноген, Болеслав, Борис, Бронислав, Будимир, Вадим, Валентин, Валериан, Валерий, Василий, Венедикт, Вениамин, Викентий, Виктор, Вилен, Виталий, Владилен, Владлен, Владимир, Владислав, Всеволод, Вячеслав, Гавриил, Гектор, Ген, Гений, Геннадий, Генрих, Георг, Георгий, Герман, Гертруд, Гиацинт, Гибралтар, Глеб, Григорий, Дементий, Дмитрий, Евгений, Елисей, Ефим, Иван, Игнатий, Игорь, Идей, Илья, Иннокентий, Ион (Иона), Иосиф, Ираклий, Ирман, Казимир, Касьян, Ким, Кир, Кирилл, Клавдий, Коммунар, Константин, Корней, Корнелий, Краснослав, Кузьма, Лев, Ленин-Ульянов, Леонард, Леонид, Леонтий, Леопольд, Любомир, Максим, Мамун, Манольд, Марат, Марк, Маркелл, Маркс, Матвей, Мечислав, Мир, Мирон, Михаил, Модест, Моисей, Мстислав, Наполеон, Натан, Никифор, Николай, Новомир, Октябрь, Олег, Павел, Парадим, Парис, Петр, Пимий (так!), Порфирий, Радмир (из Радимир), Рем, Ричард, Роберт, Робеспьер, Роман, Ростислав, Рудольф, Руслан, Рюрик, Святослав, Семен, Семильян, Серафим, Сергей, Серп, Славомир, Спартак, Станислав, Степан, Тарас, Теодор, Тимофей, Урал, Федор, Феликс, Фома, Цезарь, Эдмунд, Эдуард, Эмиль, Энгелен, Энгельс, Эний, Эрос, Ювеналий, Юлиан, Юлий, Юрий, Юрис, Яков, Ярослав.

Основную массу имен, как и следовало ожидать, составляют старые, дореволюционные имена. Однако они перемежаются новыми именами, возникшими в советское время и несущими отражение революционной иде-

ологии (в основном это имена в честь В. И. Ленина, Карла Маркса, Фридриха Энгельса: *Вилен, Владилен* — сокращения от Владимир Ильич Ленин, *Владлен* — от Владимир Ленин, *Маркс, Энгельс, Энгелен* — из сочетания Энгельс и Ленин, а также: *Рев* — из начальных букв слова *революция, Коммунар, Гертруд* — из герой труда, *Славомир, Мир, Идей, Краснослав, Октябрь, Новомир, Серп, Ким* — аббревиатура от Коммунистический Интернационал Молодежи; имена оттопонимического происхождения: *Урал, Гибралтар* и т. п.), новыми заимствованиями из западноевропейских и других языков: *Альфред, Витольд, Гектор, Георг, Ирман, Казимир, Марат, Наполеон, Парис, Роберт, Робеспьер, Спартак, Цезарь, Эдмунд, Эдуард, Эмиль*, так называемыми воскрешенными именами: *Болеслав, Бронислав, Будимир, Мечислав, Радимир, Руслан*, возникшими в древнерусский или общеславянский период, но не подвергшиеся канонизации.

Среднее количество имен на один год в этом десятилетии равно 64 — на шесть имен выше, чем в первом контрольном срезе (1893—1902 гг.), и на 22 имени выше, чем в последнем. Максимум разных имен дан в 1921 г. (77), минимум (50 имен) — в 1923 г. Богатство ассортимента создавалось смелым обращением как к новым именам (разного происхождения), так и к старым — канонизированным (типа Мстислав, Ярослав) и неканонизированным (типа Болеслав, Бронислав).

Для выявления сходства и отличия состава имен первого и второго контрольных десятилетий было проведено наложение их ассортиментов.

Имен, общих для сравниваемых десятилетий, оказалось 63: Аким, Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Андриан, Антон (Антоний), Аполлон, Аркадий, Арсений, Борис, Вадим, Валентин, Валериан, Валерий, Василий, Венедикт, Вениамин, Виктор, Виталий, Владимир, Всеволод, Гавриил, Геннадий, Георгий, Герман, Глеб, Григорий, Дмитрий, Евгений, Ефим, Иван, Илья, Иосиф, Кирилл, Константин, Кузьма (Косьма), Лев, Леонид, Леонтий, Максим, Марк, Маркелл, Матвей, Михаил, Модест, Моисей, Никифор, Николай, Павел, Петр, Порфирий, Роман, Семен, Серафим, Сергей, Степан, Тимофей, Федор, Феликс, Юлиан, Юрий, Яков. Все они — традиционные русские имена, имевшие распространение (широкое,

умеренное или сравнительно редкое) на всей территории России в течение длительного времени.

Всех несовпадающих имен 172 (больше почти в 3 раза, чем тождественных) — 76 имен, встречавшихся в 1893—1902 гг. и не повторенных в 20-е годы, и 92 «новых» имени.

Имена из ассортимента 1893—1902 гг., отсутствовавшие в Пензе в метрических записях 1921—1930 гг.: Авдей, Авив, Аврелий, Агап, Анисий (Онисий), Антонин, Артемий, Архип, Афанасий, Варлаам, Влас (Власий), Герасим, Давид, Даниил, Димион, Дионисий, Донат, Дорофей, Евграф, Евдоким, Евлампий, Евсклий, Евстафий, Евстигней, Евфимий, Егор, Ермолай, Ефрем, Захар, Зенон, Зосим, Зот, Илларион, Иоаким (Иаким), Иона, Ипполит, Иродион, Капитон, Карп, Кирей, Кирик, Конон, Ксенофонт, Лавр, Лаврентий, Леоний, Лука, Макар (Макарий), Мануил, Митрофан, Михей, Назар, Неоним, Никита, Никодим, Никанор, Нил, Ниновей, Олимпий, Онисим, Папий, Пимен, Платон, Порфирий, Прохор, Римма, Родион, Руфим (Руфин), Самсон, Сократ, Сосипатр, Софрон, Спиридон, Тихон, Трофим, Филипп, Фрол, Хрисанф. Многие из них не «оживали» в Пензе вплоть до наших дней, например, Авдей, Авив, Аврелий, Агап, Димион, Дионисий, Зенон, Иона, Конон, Папий, Римма, Сосипатр.

В числе 92 «новых» имен были: а) действительно новые имена (типа Вилен, Владилен, Владлен, Ген, Гений, Гертруд, Идей, Коммунар, Краснослав, Ленин-Ульянов, Маркс, Новомир, Октябрь, Рем, Серп, Славомир, Урал, Энгелен, Энгельс); б) иностранные имена, воспринятые через художественную литературу (Альберт, Альфред, Арнольд, Генрих, Леонард, Леопольд, Ричард, Рудольф, Теодор и др.— часть их приведена выше); в) старые «княжеские» имена (Игорь, Олег, Рюрик, Владислав, Ростислав, Святослав, Ярослав); г) традиционные канонизированные (церковные) имена: Август, Авсей, Адам, Аполлинарий, Афиноген, Викентий, Дементий, Елисей, Игнатий, Ион (из Иона), Ираклий, Касьян, Кир, Клавдий, Корней, Корнелий, Максим, Мирон, Тарас и др.

Следует подчеркнуть, что подавляющая масса «оригинальных» имен 20-х годов имела единичных носителей и относилась к именам разового употребления (с 1921 по 1930 г. разовых имен было 75 — свыше 47

проц.). Что касается устойчивого фонда имен (проходящего по всем годам десятилетия), то он включал 31 имя: Александр, Анатолий, Борис, Вадим, Валентин, Валерий, Василий, Вениамин, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Всеволод, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Герман, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Лев, Леонид, Михаил, Николай, Олег, Павел, Сергей, Юрий; это больше, чем было в первом контрольном срезе на 5 имен (хотя процент устойчивых имен в обоих случаях оказывается равным — 19).

Частыми именами десятилетия были: 1. Владимир, 2. Николай, 3. Виктор, 4. Борис, 5. Александр, 6. Юрий, 7. Анатолий, 8. Евгений, 9. Константин, 10. Алексей, 11. Михаил, 12. Валентин, 13. Сергей, 14. Василий, 15. Петр, 16. Иван, 17. Олег.

По сравнению с 1893—1902 гг. к 20-м годам XX в. в группе частых имен произошли следующие изменения:

1. Сократилось число частых имен с 22 до 17, в чем можно усматривать усиление тенденции к концентрации контингентов носителей вокруг ограниченного круга имен.

2. В категорию редких опустились 8 имен (Андрей, Георгий, Григорий, Дмитрий, Павел, Степан, Федор, Яков), новыми частыми стали 3 имени: Валентин (12-е место), Олег (17-е место), Юрий (6-е место).

3. Существенно обновился состав первой пятерки популярных имен: *Иван, Михаил, Василий* оттеснены за пределы не только первой, но и второй пятерки (*Михаил* — на 11-е место, *Василий* — на 14-е, *Иван* — на 16-е) — их место заняли новые фавориты: *Владимир* (1-е место), *Виктор* (3-е), *Борис* (4-е) — в 1893—1902 гг. имя *Владимир* занимало лишь 7-е место (4,73%), а *Борис* и *Виктор* находились за чертой первого десятка ходовых имен. Имя *Александр,* державшее на рубеже XX в. антропонимическую корону, в 20-е годы отошло на пятое место. Удержалось на втором месте имя *Николай,* но и оно потеряло 2% носителей (ср. 11,82% в первом контрольном десятилетии и 9,8% во втором).

4. Почти полностью сменился состав второй пятерки употребительных имен: *Владимир* поднимается на самый высокий пьедестал, *Сергей* спускается на 13-е, *Петр* — на 15-е место, а имя *Дмитрий* выводится за пределы частых имен десятилетия. Ровную устойчивость сохранило лишь

одно имя — *Алексей* (оно передвинулось с девятого на десятое место).

5. Несмотря на качественное преобразование наиболее употребительных участков именника обслуживаемые ими контингенты остаются почти постоянными: первая пятерка имен — у 49,9%, вторая пятерка — у 21,9%, все частые имена — 84,4% новорожденных 1921—1930 гг.

Послевоенный период

Современный антропонимический период по сравнению с предыдущим характеризуется более строгим именником, сохраняющим проверенный жизнью фонд старых имен и лучшие имена-неологизмы.

В 30 и 40-е годы в Пензе, как и в других городах РСФСР, спадало антропонимическое половодье, ассортимент мужских и женских имен сокращался. Так, если в 20-е годы среднее количество имен в год для мужчин равнялось 64, то с 1931 по 1945 г. оно снизилось до 52 имен.

50-е и 60-е годы усилили тенденцию к увеличению «емкости» небольшого репертуара имен, резко сократив набор прерывистых и разовых имен. С 1957 по 1966 г. в Пензе было в ходу 48 мужских и 70 женских имен. За это время среди мужских разовыми были только 2 имени (Валентин, Глеб), а прерывистыми 15 (Альберт, Антон, Аркадий, Артур, Вениамин, Всеволод, Герман, Григорий, Илья, Роберт, Роман, Руслан, Федор, Эдуард, Яков). Доля устойчивых имен поднялась почти до 70% (в первом и во втором контрольных срезах она равнялась всего 19%), хотя их число не увеличилось (как в 20-е годы, их оказалось 31).

В три последних года, после периода стабилизации небогатого ассортимента имен, наблюдается расширение именника — в 1968 г. в Пензе дано 56 разных имен, в 1969 г. — 54 мужских имени. Разнообразие достигается через обращение как к старым русским именам, так и к антропонимическим нововведениям первых послереволюционных десятилетий (Алевтин, Артур, Владлен, Роберт, Руслан, Спартак, Эдуард).

За десятилетие с 1960 по 1969 г. в Пензе зафиксировано 64 мужских и 108 женских имен. Перечислим мужские имена, указывая процент носителей у частых имен (как и в 20-е годы, частых имен оказалось 17):

Алевтин, Александр — 14,3%, Алексей — 2,7, Альберт, Анатолий — 1,8, Андиан, Андрей — 5,7, Андриан, Антон, Аркадий, Артем, Артур, Борис, Вадим, Валентин, Валерий — 5,14, Василий, Вениамин, Виктор — 2,7, Виталий, Владимир — 10,92, Владислав, Владлен, Всеволод, Вячеслав — 3,8, Геннадий — 1,94, Георгий, Герман, Глеб, Григорий, Даниил, Денис, Дмитрий — 2,2, Евгений — 2,74, Иван, Игорь — 4,8, Илья, Карл, Кирилл, Константин, Лев, Леонид, Максим, Михаил — 4,6, Николай — 2,4, Олег — 4,5, Павел, Петр, Роберт, Родион, Роман, Руслан, Сергей — 13,4, Эдуард, Юрий — 5,4, Яков, Ярослав.

Среднее количество имен в год 42. Максимум мужских имен (56) приходится на 1968 г., минимум (35) — на 1967 г. Устойчивых имен в этом десятилетии — 28 (43,7%), прерывистых — 22 (34,3%), разовых — 14 (21,8%). Устойчивыми были в основном имена, имеющие давние традиции широкого употребления, а также освоенные в предшествующие десятилетия: Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Борис, Вадим, Валентин, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Вячеслав, Геннадий, Герман, Дмитрий, Евгений, Игорь, Константин, Леонид, Михаил, Николай, Олег, Павел, Сергей, Федор, Эдуард, Юрий. Из 14 разовых имен 8 даны в 1968 г. (Андиан, Владлен, Даниил, Карл, Родион, Святослав, Тихон, Ярослав) и 5 — в 1969 г. (Алевтин — 2 чел., Андриан, Артем — 2 чел., Спартак — 2 чел., Феликс).

Сравнение ассортимента имен и удельного веса 17 частых имен 1921—1930 гг. с 17 частыми именами последнего десятилетия обнаруживает:

1. Общность 11 частых имен для обоих контрольных десятилетий: Владимир, Николай, Виктор, Александр, Юрий, Анатолий, Евгений, Алексей, Михаил, Сергей, Олег.

2. Выдвижение в категорию употребительных новой группы имен: Андрей (на четвертое место), Валерий (шестое), Игорь (седьмое), Вячеслав (десятое), Дмитрий (15-е), Геннадий (16-е место).

3. Отнесение в разряд нечастых 6 имен: Валентин, Василий, Борис, Иван, Константин, Петр (они были даны соответственно 0,28, 0,65, 0,74, 0,14, 1,1, 0,23% мальчиков, родившихся в 60-е годы).

4. Улучшение места некоторыми из частых имен: имя Александр передвинулось с пятого на первое место,

Юрий — с шестого на пятое, Михаил — с 11-го на восьмое, Олег — с 17-го на девятое, Сергей — с 13-го на второе место.

5. Сползание на более низкое место в пределах частых имен: Владимир — с первого на третье, Николай — с второго на 14-е, Виктор — с 3-го на 13-е, Анатолий — с седьмого на 16-е, Евгений — с восьмого на 11-е, Алексей — с девятого на 12-е.

6. Сходство статистических показателей: первая пятерка имен — у 48,09%, вторая пятерка — у 23,8%, все частые имена — у 88,6% родившихся в 60-е годы.

Еще более интересно прослеживается динамика русского именника за 70—80 лет.

Поскольку редких имен всегда больше, чем частых (в первом контрольном десятилетии их было 116, во втором — 142, в третьем — 47, частых имен соответственно 22, 17 и 17), то изменения в этой части именника обычно заметнее и неопытными исследователями принимаются за главные. В самом деле, разве не поразительны расхождения между ассортиментом имен 20-х годов и именником начала века, когда несовпадающих имен было 172! Нельзя не учитывать и того, что «редкое», «экзотическое» имя поражает своей необычностью, бросается в глаза. Говоря образно, имя-знак, встречающийся редко, в неожиданном контексте несет в себе больше антропонимической информации, чем массовое, дежурное имя. И все-таки главные процессы обновления именника лежат не здесь.

Фундаментальная перестройка именника выражается в коренных сдвигах в популярной антропонимической номенклатуре. Главное не в том, что то или иное имя употребляется в данный период, а в том, что его дают многим — каждому десятому или даже пятому новорожденному. При такой смене (не имени, а сферы его распространенности и употребительности), если она происходит сравнительно быстрыми темпами, имена детей в своей массе оказываются иными, чем имена родителей.

Обратимся к анализу наиболее «весомой» части именника. С 90-х годов прошлого века по 60-е годы нашего столетия из прежних частых имен сохранилось всего 11 имен (остальные 11 перешли в малоупотребительные). Это Александр, Николай, Михаил, Владимир, Сергей,

Алексей, Дмитрий, Андрей, Виктор, Анатолий, Евгений (имя Александр в 1893—1902 гг. занимало первое место, Евгений — 22-е, последнее). Причем, из этих 11 имен в 20-е годы в первый десяток ходовых мужских имен входило только семь (Владимир — первое место, Николай — второе, Виктор — третье, Александр — пятое, Анатолий — седьмое, Евгений — восьмое), а в 60-е годы — лишь пять имен (Александр — 14,3%, Сергей — 13,4, Владимир — 10,9, Андрей — 5,7, Михаил — 4,6). Постепенно сдали свои позиции и перешли в редкие имена Андрей, Георгий, Григорий, Дмитрий, Павел, Степан, Федор, Яков (к 20-м годам), а затем и Борис, Василий, Иван, Константин и Петр. Их места заняли сначала (в 20-е годы) Юрий — шестое место, Валентин — 12-е, Олег — 17-е, а затем (в 60-е годы) Валерий — шестое место, 5,14%, Игорь — седьмое, 4,8%, Олег — девятое, 4,5%, Вячеслав — десятое, 3,8%, Геннадий — 16-е, 1,9%. Именно эти антропонимы, ставшие популярными и охватившие широкие контингенты носителей, внесли изменения в глубинные слои нашего именника.

Темпы развития антропонимических инноваций неодинаковы и зависят, видимо, во многом от экстралингвистических (общественных, социальных, культурных и т. п.) причин. В XIX в. ономастические новшества распространялись медленнее, чем теперь. Не одинаково складываются судьбы и у отдельных антропонимов. Одни имена, попадая в частые, сначала располагаются за пределами первого десятка имен (Валентин — 12-е место, Олег — 17-е в 1921—1930 гг.), другие сравнительно быстро набирают высоту (например, Юрий в 20-е годы из редких сразу попало на шестое место, а к 60-м годам вышло на пятое. Валерий в последние годы вышло на шестое, Игорь на седьмое, Олег на девятое, Вячеслав на десятое место). Однако их успешная карьера начиналась не с нуля: они прошли длительную апробацию. Ни одно из абсолютно новых имен не удостоилось занять места не только в первом десятке популярных имен, но и среди частых имен.

Если попытаться сгруппировать имена с учетом роста или уменьшения их популярности за последние 70 лет, то можно выделить пять подгрупп: 1) имена устойчивой популярности: Александр (в 1899 г. — 12,3%, в 1920 г. — 8,7, в 1930 г. — 7,5, в 1957 г. — 13,1, в 1967 г. — 13,4, в

1969 г. — 9,0), Владимир (в 1899 г. — 4,5, в 1920 г. — 11,8, в 1930 г. — 14,3, в 1957 г. — 11,9, в 1967 г. — 9,6, в 1969 г. — 6,1) и некоторые другие; 2) имена, употребительность которых росла на протяжении всех 70 лет: (Игорь — в 1899 г. — 0,06, в 1920 г. — 0,26, в 1930 г. — 0,1, в 1940 — 0,32, в 1957 — 2,2, в 1967 — 5,3, в 1969 — 6,1) или же в последние 20 лет (Андрей — в 1899 г. — 1,8, в 1920 — 0,9, в 1930 — 0,4, в 1940 — 0,04, в 1957 — 3,0, в 1967 — 12,9, в 1969 — 9,6); 3) имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20—30 лет) стала еще большей (Сергей — в 1899 г. — 4,4, в 1920 — 4,9, в 1930 — 0,9, в 1940 — 0,32, в 1957 г. — 10,1, в 1967 — 13,7, в 1969 — 12,4); 4) подгруппа имен, популярность которых приходилась на 20—30-е годы (Николай, Борис и др.), на 20—40-е (Анатолий, Виктор и др.), на 30—40-е годы (Геннадий, Юрий); 5) имена затухающей употребительности, например, Иван — в 1899 г.—8,47%, в 1920—2,4, в 1930—0,6, в 1940—0,2, в 1957—0,4, в 1967—0,0 и в 1969 г.—0,07%. Само собою разумеется, что такая разбивка несколько условна (как и не обязательно полное совпадение имен по различным городам), однако она дает в целом верное представление о функционировании антропонимической лексики, о сменяемости ее групп и подгрупп.

Более строгим закономерностям подчиняется статистическая (количественная) структура именника — строение его более употребительной (первая пятерка популярных имен, вторая пятерка, все частые имена) и менее употребительной частей. В городах средней величины цифровые показатели контингентов, обслуживаемых именами большей и меньшей частотности, почти совпадают. Более того, эти показатели остаются в основном стабильными на протяжении столетия. Это относится как к мужским, так и к женским именам, в чем можно усматривать своеобразную общую закономерность статистической организации современного русского именника. Проиллюстрируем (см. табл. 1) сказанное материалом по мужским именам, взятым из трех контрольных срезов (десятилетий) города Пензы.

Итак, ономастическая (антропонимическая) лексика, как и апеллятивная лексика языка, с течением времени претерпевает изменения. Однако они носят специфиче-

Таблица 1

Группы имен и % носителей	Годы		
	1893—1902 гг.	1921—1930 гг.	1960—1969 гг.
Первая пятерка популярных имен	46,6	49,9	48,0
Вторая пятерка употребительных имен	23,4	21,9	23,8
10 наиболее частых имен	70,0	71,8	71,9
Все частые имена десятилетия	94,1	84,4	88,6
Все редкие имена десятилетия	5,9	15,5	11,4

ский характер и заключаются в основном в циклической сменяемости одной группы употребительных имен другой. Статистическая организация функционирующего набора имен отличается относительной стабильностью.

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА

В «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского нашли отражение не все имена, встречающиеся в жизни; например, в нем нет таких имен, как Гелена, Долоресса, Иветта, Коммунара, Мираль да, Олеся, Февралина, Эльвина, Элла, Эльза и др., встреченных нами в метрических записях по городу Пензе. В «Словаре» Петровского находим 645 женских имен (1250 — мужских без учета вариантов). Следовательно, женский ономастикон почти вдвое меньше, чем мужской.

Как известно, употребительность имен неодинакова, что нашло отражение в «Словаре» в виде помет. Из 645 женских имен к нередким (даны без помет: «редкое», «редкое старое» и под.) отнесено 427 имен, а из 1250 мужских — 475 (менее половины).

К редким Н. А. Петровский отнес 217 имен. Если подойти строже к делению имен на нередкие и редкие, то список редких надо несколько увеличить. В частности, наши материалы по городам и селам Поволжья не позволяют относить к числу широко употребительных такие имена (помещенные в «Словаре» без пометы «редкое»), как: а) старые канонические: Анатолия, Анимаиса, Ан-

тониана, Анфия, Василия, Вереника, Гаяния, Гелиана, Геновефа, Георгия, Дасия, Дросида, Еликонида, Емилиана, Илария, Калиса, Каллиста, Каллисфения, Лея, Ливия, Люцина, Мавра, Мамелфа, Марцеллина, Милия, Миропия, Нана, Патрикия, Фелицитата, Фива, Флена, Эннафа; б) старые неканонические: Авенира, Авентина, Авива, Вивиана, Викентия, Деина, Мартиниана, Нила, Петра, Пинна, Тома, Феона; в) новые заимствования: Амалия, Валенсия, Веста, Глория, Даная, Леда, Селина, Урсула, Целестина; г) имена-неологизмы: Ария, Аэлита, Воля, Гения, Звезда, Зорина, Красарма, Красномира, Лемира, Победа, Рема.

Как и при анализе мужского именника, мы будем оперировать сплошными выборками имен с 1882 по 1969 г., т. е. примерно за 90 лет.

Переходим к рассмотрению каждого из трех периодов. Как и в первой части, для обстоятельного анализа берем, как правило, десятилетние срезы: для первого, дореволюционного периода — сведения с 1892 по 1902 г., для послереволюционного — с 1921 по 1930 г., для последнего — с 1960 по 1969 г. «Промежуточные» срезы привлекаются как дополнительные.

Дореволюционный период

Давно замечено, что в дореволюционный период набор женских имен был беднее состава мужских имен. Это наблюдение справедливо, если иметь в виду весь репертуар имен, отвлекаясь от его конкретной реализации. Если же посмотреть, сколько разных мужских и сколько женских имен давалось новорожденным в течение одного года, то картина будет иной: в одни годы мужских имен дается больше, чем женских (например, в 1892 г. 68 муж. и 58 жен., в 1893 г. 61 муж. и 52 жен.), в другие их поровну (например, в 1897 г. — по 63 имени), в третьи — женских больше, чем мужских (в 1894, 1895, 1896, 1898, 1899, 1900 и 1902 гг. соответственно 60 муж. и 63 жен., 52 и 60, 59 и 60, 51 и 62, 58 и 60, 59 и 67, 60 и 61). В среднем за 11-летие годовой набор мужских имен был равен 59, а женских — 60.

Если взять состав мужских и женских имен не за год, а за более длительный период, то сразу станет заметным более скромный набор женских имен. Например, с

1882 по 1892 г. (за 11 лет) в Пензе мужских имен употреблено 155, а женских — 97 (количество новорожденных: мальчиков 12 926, девочек 11 465), за период с 1892 по 1902 г. соответственно 139 муж. и 100 жен. имен (на 13 422 девочки). Всего с 1882 по 1902 г. в Пензе дано 200 мужских и лишь 113 женских разных имен (на 87 единиц меньше!). Легко догадаться, что в наборе мужских имен за каждый год будет больше, чем в женских, разовых имен, не повторяющихся в другие годы. Так, с 1882 по 1892 г. разовых мужских имен было 64 (более 40%), а женских — 19 (менее 20%), с 1892 по 1902 г. мужских — 62 (около 45%), а женских 21 (21%). Только в 1895 г. дано имя Муза, в 1896 г.— Феврония, в 1897 г.— Калерия и Юлиания, в 1898 г.— Афанасия, в 1899 г.— Евлампия, Констанция, Макрина, Синклитикия, в 1900 г.— Меланья и Феофания, в 1901 г.— Еннафа (Эннафа), Керкира, Федора, Харитина, в 1902 г.— Агелина.

Какие же имена были даны девочкам в 1892—1902 гг.? Приведем их в алфавитном порядке с указанием количества и (после тире) процента носителей за 11-летие.

Августина 6—0,044, Агапия 13—0,097, Агафья 60—0,440, Агния 4 — 0,030, Агриппина 124 — 0,922, Акилина (Акулина) 43 — 0,322, Алевтина 10 — 0,075, Александра 1214 — 9,032, Алла 2 — 0,015, Анастасия 364 — 2,715, Ангелина (Агелина) 7 — 0,052, Анисья 37 — 0,278, Анна 1175 — 8,741, Антонина 472 — 3,511, Анфиса 8 — 0,060, Афанасия 1 — 0,007, Валентина 186 — 1,384, Варвара 341 — 2,537, Василиса 5 — 0,037, Васса 26 — 0,193, Вера 518 — 3,854, Вероника 1 — 0,007, Виктория 10 — 0,074, Гали 19 — 0,140, Галина 5 — 0,037, Глафира 20 — 0,150, Дарья 83 — 0,617, Домника 1 — 0,007, Евгения 318 — 2,366, Евдокия 386 — 2,871, Евлампия 1 — 0,007, Евфалия 2 — 0,015, Евфимия 20 — 0,150, Екатерина 559 — 4,174, Елена 484 — 3,600, Елизавета 581 — 4,322, Еннафа 1 — 0,007, Ефросиния 32 — 0,237, Зинаида 247 — 1,838, Зоя 49 — 0,368, Инна 2 — 0,015, Ираида 17 — 0,126, Ирина 42 — 0,315, Калерия 1 — 0,007, Капитолина 11 — 0,082, Керкира 1 — 0,007, Клавдия 417 — 3,102, Конкордия 2 — 0,015, Констанция 1 — 0,007, Ксения 79 — 0,589, Лариса 14 — 0,105, Лидия 339 — 2,522, Любовь 124 — 0,922, Людмила 31 — 0,228, Мавра 1 — 0,007, Макрина 1 — 0,007, Маргарита 26 — 0,192, Марианна 1 — 0,007, Марина 34 — 0,249, Мария 1714 — 12,752, Марфа 57 —

0,424, Матрена 95 — 0,707, Мелания 3 — 0,022, Милица 3 — 0,022, Муза 1 — 0,007, Надежда 354 — 2,634, Наталия 377 — 2,805, Неонилла 2 — 0,015, Нина 115 — 0,870, Нонна 10 — 0,074, Олимпиада 10 — 0,074, Ольга 596 — 4,435, Павлина 4 — 0,030, Пелагея 371 — 2,760, Прасковья (Параскева) 157 — 1,168, Раиса 54 — 0,401, Рахиль 2 — 0,015, Роза 2 — 0,015, Руфина 1 — 0,007, Сарра 4 — 0,030, Серафима 216 — 1,607, Синклитикия (Секлетинья) 2 — 0,015, София 135 — 1,044, Степанида 15 — 0,112, Таисия 26 — 0,193, Тамара 5 — 0,035, Татьяна 372 — 2,767, Фаина 11 — 0,083, Феврония 1 — Федора (Феодора) 2—0,015, Федосия (Феодосия) 46—0,342, Фекла 7—0,053, Феоктиста 17 — 0,126, Феофания 1 — 0,007, Харитина 1 — 0,007, Хиония 3 — 0,022, Христина 5 — 0,037, Юлиания 1 — 0,007, Юлия 45 — 0,349, Юстина 9 — 0,068% (всего 100 имен на 13 422 чел.).

Наибольший интерес представляют частые имена (с числом носителей выше среднего). В приводимой ниже таблице 2 можно видеть частые имена каждого года (они отмечены знаком плюс) и частые имена по обобщенным данным за все 11 лет (в последней графе).

Приведенные данные свидетельствуют о стабильности основной группы имен (15 «сквозных» имен), однако конкретный набор частых имен в каждом из годовых срезов оказывается неодинаковым. Поэтому в целях большей надежности лучше оперировать усредненными данными за весь 11-летний период. При таком подходе в число частых за 11-летие попадает 24 имени. Приведем их, располагая с учетом убывания числа носителей:

1. Мария 1714 чел.— 12,752
2. Александра 1214 — 9,032
3. Анна 1175—8,741
4. Ольга 596 — 4,435
5. Елизавета 581 — 4,322
6. Екатерина 559 — 4,174
7. Вера 518 — 3,850
8. Елена 484 — 3,600
9. Антонина 472 — 3,511
10. Клавдия 417 — 3,102

В первой пятерке: 5280—39,3%. В первом десятке: 7730—57,5%.

Таблица 2

Имена	Годы											
	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	За 11 лет
Александра	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Анастасия	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+
Анна	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Антонина	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Валентина						+			+		+	+
Варвара	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Вера	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Евгения		+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
Евдокия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Екатерина	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Елена	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Елизавета	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Зинаида	+	+		+	+	+	+	+	+	+		+
Клавдия	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ксения									+			
Лидия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Любовь									+			
Мария	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Матрена					+							
Надежда	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Наталия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ольга	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пелагея	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Прасковья	+		+									+
Серафима					+		+	+	+	+		+
София				+								+
Татьяна	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Частых имен	20	19	20	21	21	21	21	20	24	21	19	24

Остальные частые имена: 11. Евдокия 386 — 2,871, 12. Наталия 377 — 2,805, 13. Татьяна 372 — 2,767, 14. Пелагея 371 — 3,102, 15. Анастасия 364 — 2,715, 16. Надежда 354 — 2,634, 17. Варвара 341 — 2,537, 18. Лидия 339 — 2,52, 19. Евгения 318—2,366, 20. Зинаида 247—1,838,

21. Серафима 216 — 1,607, 22. Валентина 186 — 1,384, 23. Прасковья 154 — 1,168, 24. София 135 — 1,004. Все частые имена были даны 11 891 девочке, что составило 88,6% всех новорожденных 1892 — 1902 гг.

Примерно такие же показатели дает женский именник и в первые два десятилетия XX в.

В целом данные по женским именам вполне согласуются с заключением, сделанным при анализе мужской части именника: дореволюционный период характеризуется именником, состоящим почти сплошь из канонических имен, устойчивым составом наиболее употребительных имен, медленными темпами изменения не только статистической структуры именника, но и самого ассортимента имен. Причем, общий ассортимент женских имен значительно уступал мужскому.

Существенные сдвиги в количественном составе женского именника и в темпах его обновления начнутся лишь через два десятилетия — после Великой Октябрьской социалистической революции, причем, по ряду показателей преобразования в женском именнике будут более значительными, чем в мужской части именника.

Послереволюционное двадцатипятилетие

Уже первое послереволюционное десятилетие, особенно 20-е годы, изменило картину дореволюционного, малоподвижного и однообразного женского именника: репертуар женских имен за 10-летие со 100 единиц расширился до 179, превзойдя мужской (с 1921 по 1930 г. в Пензе употреблено для наречения мальчиков 159 имен), увеличилось число разовых имен, возросла их сменяемость, существенно обновился десяток самых частых имен (в нем осталось лишь три прежних имени: Вера, Антонина и Мария, которая, кстати говоря, переместилась с первого места на 10-е), в число семи новых имен попали: Нина, Валентина, Лидия, Тамара, Галина, Надежда, Людмила. Заметные сдвиги произошли в употребительности и остальных частых имен, а также в «редкой» части именника.

В числе 179 имен лишь 67 имен были общими для 1892 — 1902 гг. и 20-х годов. Это почти сплошь старые канонические имена: Агафья, Агния, Алевтина, Александра, Алла, Анастасия, Ангелина, Анна, Антонина, Ва-

лентина, Варвара, Василиса, Вера, Вероника, Викторина, Галина, Глафира, Дарья, Евгения, Евдокия, Евфалия, Екатерина, Елена, Елизавета, Ефимия, Зинаида, Зоя, Инна, Ираида, Ирина, Калерия, Капитолина, Клавдия, Константция, Лариса, Лидия, Любовь, Людмила, Маргарита, Марианна (неканоническое, получено, видимо, путем соединения имен Мария и Анна), Марина, Мария, Марфа, Матрена, Муза, Надежда, Наталия, Нина, Нонна, Олимпиада, Ольга, Павлина, Пелагея, Прасковья, Раиса, Роза, Руфина, Серафима, Софья, Степанида, Таисия, Тамара, Татьяна, Фаина, Феодосия, Юлия.

Зато группа «новых» имен (по сравнению с первым контрольным срезом) оказалась почти вдвое больше — 112 имен: Ава, Августа, Агнесса, Ада, Аделаида, Аделия, Адольфина, Аза, Аида, Аксинья, Альбина, Альвина, Анжелика, Аннета, Аэлита, Берта, Бронислава, Валерия, Вена, Венера, Вивания, Виктория, Вильгельмина, Виолетта, Владлена, Галерина, Гедвига, Гелена, Генриетта, Гераида, Гераитта, Герта, Гертруда, Дагмара (?), Джойя, Диана, Дина, Долоресса, Дора, Ева, Жанна, Злата, Зоря (Заря), Иветта, Ида, Идея, Изабелла, Иллюзия, Иля (из Илия?), Инга, Инесса, Ионна, Искра, Исталина, Ия, Каролина, Кира, Клара, Клеопатра, Коммунара, Леда, Ленина, Лениниана, Леокадия, Лерелина, Лета, Лигия, Лилия, Липка, Лира, Лия, Луиза, Людвига, Людгарда, Люция, Магдалина, Майя, Мальва, Марта, Марьям, Минодора, Мира, Миральда, Мстислава, Наделида, Нелли, Нера, Ниля, Октябрина, Олеся, Регина, Рео, Рива, Римма (в качестве женского имени), Рогнеда, Светлана, Станислава, Сусанна, Тереза, Томила, Уя, Фавета, Февралина, Эвелина, Элеонора, Эльвина, Эльвира, Элла, Эльза, Эмилия, Эмма, Яникина.

«Старых» имен, не использованных в 20-е годы (но употреблявшихся в 1892 — 1902 гг.), было лишь 33, т. е. в три с лишним раза меньше, чем «новых имен». Всего в двух сравниваемых срезах видим 145 несовпадающих имен. Напомним, что сходную картину представлял и мужской именник (общих для сравниваемых периодов было 63 имени, несовпадающих — 179 имен). Перечислим 33 женских имени, которые были «забыты» в 20-е годы: Августина, Агапия, Агриппина, Акулина, Анисья, Анфиса, Афанасия, Васса, Гали, Домника, Евлампия, Еннафа, Ефросиния, Керкира, Конкордия, Мавра, Макрина, Ме-

лания, Милица, Неонилла, Рахиль, Сарра, Синклитикия, Феврония, Федора (Феодора), Фекла, Феоктиста, Феофания, Харитина, Хиония, Христина, Юлиания, Юстина. Некоторые из них, например Агриппина, Акулина, Фекла, в XIX в. имели довольно широкое употребление.

Итак, самую многочисленную группу имен 20-х годов составили «новые» имена. Эта группа неоднородна. В числе «новых» находим:

а) действительно новые имена: Аэлита (по героине романа А. Н. Толстого «Аэлита»), Владлена (женская параллель к имени Владлен, которое возникло как сокращение от Владимир Ленин), Гертруда (от героини труда или же женская параллель к мужскому имени Гертруд — «герой труда»), Заря, Идея, Иллюзия, Искра, Исталина (от Иосиф Сталин), Коммунара, Ленина, Лениниана, Лигия (от лига), Лилия, Лира, Люция (от революция), Октябрина, Рео, Февралина и др. Нетрудно заметить среди имен-неологизмов имена идеологического звучания.

б) иностранные имена, пришедшие скорее всего из художественной литературы: Аврора, Аделаида, Аида, Альвина, Анжелика, Берта, Виолетта, Генриетта, Диана, Дора, Жанна, Ида, Изабелла, Инга, Инесса, Каролина, Клара, Леокадия, Луиза, Майя, Марта, Нелли, Эвелина, Элеонора, Эльвира, Эльза, Эмма и др.; эта подгруппа наиболее многочисленна.

в) неканонические славянские (в том числе древнерусские) имена: Братислава, Бронислава, Иля (от Илия), Марианна, Мира, Мстислава, Рогнеда, Станислава, Томила.

г) традиционные канонические имена: Августа, Ангелина, Конкордия, Минодора, Муза.

д) разного рода видоизменения ранее существовавших имен (фонетические, морфологические), а также употребления разговорных форм (в том числе и сокращенных) в качестве документальных имен: Аделия (из Адолия?), Адольфина (из Адельфина), Аннета, Вивания, Вильгельмина, Вена, Галерина, Герта (разговорная форма от Гертруда), Гераида, Гераитта, Долоресса, Иветта, Ионна, Леда (от Лада?), Лета (от Виолетта?), Людвига, Людгарда, Мальва (от Мальвина?), Миральда (от Эсмеральда?), Наделида (возможно, от Надежда и Лида), Нера (от Венера?), Римма (употребление мужского имени в качестве женского), Эльвина (от Эвелина?).

Как и в мужском именнике, большая часть «новых» имен имела единичных носителей и принадлежала к именам разового употребления. Разовых имен в 20-е годы зафиксировано 67 (почти 38%), так, в 1921 г., без повторения в последующие годы, употреблены: Адольфина, Аксинья, Вивания, Виктория, Гелена, Герта, Дарья, Липка, Мираль да, Мстислава, Олеся, Эльза, в 1924 г.— имена: Анжелика, Венера, Виолетта, Гедвига, Жанна, Коммунара, Констанция, Лета, Степанида, Уя, Феврали на, Феодосия, в 1927 г.— имена Агнесса, Ада, Аделия, Борислава, Владлена, Диана, Злата, Лигия (количество разовых имен, данных за год, колеблется от одного до 12 имен).

Перейдем к рассмотрению частых имен 20-х годов. В группу частых попали 30 женских имен. Перечислим их с указанием занимаемого места и процента носителей:

1.	Нина	— 10,5%
2.	Валентина	— 8,1
3.	Вера	— 7,3
4.	Лидия	— 5,6
5.	Тамара	— 5,4
6.	Галина	— 4,7
7.	Надежда	— 4,3
8.	Людмила	— 4,2
9.	Антонина	— 3,5
10.	Мария	— 3,3

В первой пятерке — 37,0%. В первом десятке — 57,0%.

Остальные частые имена: 11. Любовь — 3,0, 12. Александра — 2,9, 13. Зинаида — 2,8, 14. Зоя — 2,3, 15. Маргарита — 2,3, 16. Раиса — 2,2, 17. Клавдия — 2,1, 18. Ольга — 2,0, 19. Евгения — 1,8, 20. Анна — 1,6, 21. Елена — 1,2, 22. Ираида — 1,1, 23. Татьяна — 0,9, 24. Римма — 0,9, 25. Роза — 0,9, 26. Ирина — 0,9, 27. Елизавета — 0,9, 28. Наталия — 0,8, 29. Екатерина — 0,7, 30. София — 0,7%. Все частые имена приходились на 90% новорожденных женского пола.

Сравнивая частые имена 20-х годов с частыми именами конца прошлого — начала XX века (1892—1902 гг.), замечаем следующие изменения:

1. Несколько расширился круг частых имен (с 24 до 30), что, возможно, следует поставить в связь с общим расширением ассортимента женских имен.

2. Новыми частыми именами стали 12 имен (40%): Нина (вышедшая к тому же на первое место), Тамара (занявшая пятое место), Галина и Людмила (попавшие в первый десяток популярных имен), Любовь, Зоя, Маргарита, Раиса, Ираида, Римма, Роза, Ирина.

3. К редким отошли шесть прежних частых имен: Анастасия, Варвара, Евдокия, Пелагея, Прасковья и Серафима. Сохранились 18 старых частых имен: Александра, Анна, Антонина, Валентина, Вера, Евгения, Екатерина, Елена, Елизавета, Зинаида, Клавдия, Лидия, Мария, Надежда, Наталия, Ольга, София, Татьяна; на их долю пришлось 60% всего репертуара частых имен 20-х годов.

4. Полностью сменился состав первой пятерки популярных имен: на первое место вышла Нина, не попадавшая прежде даже в группу частых имен, на второе Валентина, занимавшая 22-е место, на третье Вера, поднявшаяся с седьмого места, на четвертое — Лидия, поднявшаяся с 17-го места, на пятое Тамара, бывшая подобно Нине, за пределами частых имен. Имена Мария, Александра, Анна, Ольга и Елизавета, бывшие в 1892—1902 гг. самыми популярными, теперь заняли соответственно 10, 12, 20, 18 и 27-е места.

5. Почти полностью обновился состав и второй пятерки употребительных имен: в нее вошли четыре новых имени (Галина, Надежда, Людмила и Мария), оттеснив Екатерину на 29-е, Елену — на 21-е, Клавдию — на 17-е место; имя Вера перешло в первую пятерку.

6. От прежнего десятка популярных имен сохранилось всего три имени (Мария, Вера, Антонина), новыми лидерами оказались: Нина, Валентина, Лидия, Тамара, Галина, Надежда и Людмила.

7. Несмотря на расширение круга частых имен, процент их носителей остался почти тем же — 90%. Прежний удельный вес имеет десяток (57%) и первая пятерка самых популярных имен (37%).

Послевоенный период

Уже в 30-е годы «антропоническое половодье» начало постепенно спадать. Если в 20-е годы репертуар женских имен в Пензе состоял из 179 имен, то в 30-е годы он убавился до 150, а в 40-е — до 140 имен.

50-е годы XX в. как бы продолжили сокращение ассортимента: в это десятилетие в Пензе дано 87 женских имен. Если в 20-е годы в среднем за один год давалось по 70 женских имен, то в 50-е годы — по 48 имен (максимум — 56 имен — зафиксирован в 1951 г., минимум — 42 имени — в 1957 г.). Разовых имен в 50-е годы было 25 (29%), в 20-е же годы их было 67 (около 33%).

60-е годы ознаменованы новым расширением ассортимента имен, причем, особенно женского. Так, с 1960 по 1969 г. девочкам дано 108 разных имен (мальчики получили лишь 64 имени). В среднем в течение одного года употребляется 58 женских имен.

Перечислим все женские имена 1960—1969 гг.

Августа, Агнесса, Аделина, Алевтина, Александра, Алена (народная форма от Елена, ставшая официальной), Алина, Алла, Альбина, Анастасия, Ангелина, Анжела, Анжелика, Анжелина, Анна, Антонина, Ариадна, Валентина, Валерия, Варвара, Венера, Вера, Вероника, Викторина, Виктория, Виолетта, Вия, Владислава, Галина, Генриетта, Дарья, Диана, Дина, Динаида, Евгения, Евдокия, Екатерина, Елена, Елизавета, Жанна, Зинаида, Злата, Зоя, Ида, Инга, Инесса, Инна, Ираида, Ирина, Ия, Кира, Клавдия, Клара, Корнелия, Кристина, Лада, Лариса, Лидия, Лилия, Лина, Лия, Лолита, Луиза, Любовь, Людмила, Майя, Маргарита, Марианна, Марина, Мария, Мира, Надежда, Наталья, Нелли, Нина, Нонна, Оксана, Октябрина, Ольга, Полина, Рада, Раиса, Ревекка, Регина, Римма, Роза, Руслана, Сабина, Светлана, Серафима, Снежана, Софья, Станислава, Стелла, Таисия, Тамара, Татьяна, Фаина, Франсуэлла, Элеонора, Элина, Элла, Эллада, Эльвира, Эмилия, Эмма, Юлия, Яна (всего 108 имен).

«Накладывая репертуар» последнего десятилетия (1960—1969 гг.) на «репертуар» женских имен 20-х годов, выделяем три группы имен:

а) имена, встречавшиеся в 20-е годы и сохранившиеся до настоящего времени — их 82: Августа, Агнесса, Алевтина, Александра, Алла, Альбина, Анастасия, Ангелина, Анжелика, Анна, Антонина, Валентина, Валерия, Варвара, Венера, Вера, Вероника и др.

б) «новые» имена, не встречавшиеся в 20-е годы — их 26: Аделина, Алена, Алина, Анжела, Анжелина, Ариадна, Вия, Владислава, Динаида, Корнелия, Кристи-

на, Лада, Лина, Лолита, Оксана, Полина, Рада, Ревекка, Руслана, Сабина, Снежана, Стелла, Франсуэлла, Элина, Эллада, Яна (среди них больше всего заимствованных из западноевропейских и славянских языков).

в) имена, употреблявшиеся в 20-е годы и не повторенные в 60-е годы,— их 96: Ава, Агафья, Агния, Ада, Аделаида, Аделия, Адельфина, Аза, Аида, Аксинья, Альвина, Аннета, Аэлита, Берта, Бронислава, Василиса, Вена, Вивания, Вильгельмина, Владлена и т. д. (среди них видим как старые имена типа Агафья, Агния, так и имена-неологизмы типа Аэлита, Владлена).

Всего несовпадающих имен в сравниваемых срезах 122 (26 «новых» и 96 «забытых»), что составляет около 60% общего репертуара имен двух сопоставляемых десятилетий (всех имен 204). Однако обновление репертуара произошло не столько за счет включения в него новых имен (новых употреблено всего 26 имен), сколько за счет исключения почти сотни имен репертуара 20-х годов. В целом репертуар 60-х годов по сравнению с 40-ми и даже 50-ми годами характеризуется разнообразием и, в частности, увеличением удельного веса разовых имен.

Вместе с расширением репертуара женских имен действовала противоположная тенденция — увеличение нагрузки на сравнительно небольшой группе популярных имен. В группу частых имен в 60-е годы попало всего 16 имен, хотя процент обслуживаемых ими имяносителей остался прежним (89,44%). Рассмотрим изменения, происшедшие в центральной части именника.

1. Сужение группы частых имен с 30 до 16 было осуществлено следующим образом: из частых выбыло 17 «старых» имен (Александра, Анна, Антонина, Евгения, Екатерина, Елизавета, Зинаида, Зоя, Ираида, Клавдия, Маргарита, Мария, Раиса, Римма, Роза, Софья и Тамара), сохранилось 13 прежних частых имен (Валентина, Вера, Галина, Елена, Ирина, Лидия, Любовь, Людмила, Надежда, Наталья, Нина, Ольга, Татьяна), включено в состав частых 3 новых имени: Лариса, Марина и Светлана.

2. Состав первой пятерки самых популярных имен обновился полностью. В нее в 60-е годы вошли: Ольга — 14,3%, Наталья — 9,8, Татьяна — 9,78, Светлана — 9,4, Елена — 9,0. Весьма показателен путь, проделанный эти-

ми именами с 20-х годов. Ольга вышла на первое место с 18-го, Наталья — с 28-го, Татьяна — с 23-го, Елена — с 21-го, а Светлана в 20-е годы была в числе редких имен.

3. Из прежней второй пятерки осталось только два имени (Галина и Людмила), три остальных — новые имена. Вот ее состав: Ирина — 8,33%, Людмила — 5,35, Галина — 5,2, Марина — 4,3, Лариса — 3,99. Напомним, что Ирина в 20-е годы занимала 22-е место, а Марина и Лариса вообще были за чертой частых имен.

Последующие места (после десяти имен-лидеров) заняли имена: Любовь — 3,2%, Надежда — 3,1, Валентина — 2,16, Вера — 2,14, Нина — 1,2, Лидия — 1,1%.

4. Прежние лидеры переместились: Нина с первого на 15-е место, Вера с третьего на 14-е, Лидия с четвертого на 16-е, Тамара с пятого — в число редких имен, Галина с шестого на восьмое, Надежда с седьмого на 12-е, Антонина с 9, Мария с 10-го — за пределы частых имен.

5. Без заметных изменений осталась употребительность таких имен, как Любовь (сохранила свое 11-е место) и Людмила.

6. Что касается удельного веса всей группы частых имен, то он остается без изменения (89,44%). Удельный же вес первой пятерки и первого десятка имен по сравнению с 20-ми годами несколько увеличился (у пятерки с 37 до 49%, у десятка с 57 до 76%), что по-своему отражает тенденцию к более широкому использованию наиболее полюбившихся имен.

Теперь, когда мы ознакомились с антропонимической ситуацией всех трех периодов, можно обратить внимание на главнейшие процессы в развитии русской личной антропонимии за последние 70 лет. Лучше всего это сделать на примере частых имен. Таблица 3 содержит перечень всех частых имен с конца прошлого века с указанием ранга (места), который занимало имя в каждом из периодов.

В дореволюционный период женская часть именника отличалась медленными темпами развития. Особенно медленно преобразовывалось ядро именника — группа частых имен. Однако уже первое десятилетие после Великого Октября ускорило антропонимические процессы. Из 24 частых имен 1892—1902 гг. в 20-е годы сохранилось лишь 18, а в 60-е — лишь 8 имен (Валентина, Вера,

Елена, Лидия, Надежда, Наталья, Ольга и Татьяна). Фонд частых имен пополнялся именами, которые раньше были в группе редких имен (Нина, Тамара и др.) или вообще не встречались в Пензе (Светлана, Римма и др.). Менялась степень популярности имен. Так, имена Елена, Наталья, Ольга и Татьяна в первый из рассматриваемых срезов были популярными, в 20-е годы они несколько сдали свои позиции, зато теперь они стали самыми популярными женскими именами. Иной рисунок имела судьба имен Валентина, Вера, Лидия и Надежда: их взлет приходился на второй период (на 20-е годы).

И в женской части именника можно выделить подгруппы, аналогичные тем, которые отмечены нами в составе мужского именника последнего 70-летия.

1. Имена, употребительность которых росла на протяжении всех 70 лет (Ирина, Людмила) или же в последние 20—30 лет (Лариса, Любовь, Марина, Светлана).

2. Имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20—30 лет) стала еще большей: Елена (8, 21 и 5-е место в трех контрольных срезах), Наталия (12, 28 и 2-е место), Ольга (4, 18 и 1-е), Татьяна (13, 23 и 3-е).

3. Подгруппа имен, популярность которых (хотя и не самая высокая) приходилась на 20—40-е годы (Зоя, Маргарита, Раиса, Тамара).

4. Имена затухающей популярности: Александра (2-е место, 12-е место, в числе редких), Антонина, Евгения, Екатерина, Елизавета, Клавдия, Мария, Софья. Еще раньше (к 20-м годам) утратили прежнюю продуктивность имена: Анастасия, Варвара, Евгения, Евдокия, Пелагея, Прасковья и Серафима.

Однако более четкие и существенные закономерности обнаруживает не «качественная», а количественная сторона женского именника. При сохранении почти постоянного процента носителей, обслуживаемых всеми частыми именами (примерно 89%), в послевоенный период заметно возрос удельный вес наиболее «плотных» слоев именника — первой пятерки (в среднем на 10%) и первого десятка частых имен (почти на 20%). По концентрации имяносителей в пределах первого десятка имен женский именник не только сравнялся с мужским, но и превзошел его (раньше он отставал от мужского на 10—15%), см. таблицу 4.

Таблица 3

Имя	Годы		
	1892—1902	1921—1930	1960—1969
	ранг	ранг	ранг
Александра	2	12	редкое
Анастасия	15	редкое	редкое
Анна	3	20	редкое
Антонина	9	9	редкое
Валентина	22	2	13
Варвара	18	редкое	редкое
Вера	7	3	14
Галина	редкое	6	8
Евгения	19	19	редкое
Евдокия	11	редкое	редкое
Екатерина	6	29	редкое
Елена	8	21	5
Елизавета	5	27	редкое
Зинаида	20	13	редкое
Зоя	редкое	14	редкое
Ираида	редкое	22	редкое
Ирина	редкое	26	6
Клавдия	10	17	редкое
Лариса	редкое	редкое	10
Лидия	17	4	16
Любовь	редкое	11	11
Людмила	редкое	8	7
Маргарита	редкое	15	редкое
Марина	редкое	редкое	9
Мария	1	10	редкое
Надежда	16	7	12
Наталия	12	28	2
Нина	редкое	1	15
Ольга	4	18	1
Пелагея	14	редкое	редкое
Прасковья	23	редкое	редкое
Раиса	редкое	16	редкое
Римма	редкое	24	редкое
Роза	редкое	25	редкое

Таблица 3 (окончание)

Имя	Годы		
	1892—1902	1921—1930	1960—1969
	ранг	ранг	ранг
Светлана	редкое	редкое	4
Серафима	21	редкое	редкое
Софья	24	30	редкое
Тамара	редкое	5	редкое
Татьяна	13	23	3
Всего частых имен — 39	24	30	16

Таблица 4

Группы имен и проц. носителей	Годы					
	1892—1902		1921—1930		1960—1969	
	женск.	мужск.	женск.	мужск.	женск.	мужск.
Все частые имена десятилетия	88,6	94,1	89,9	84,4	89,4	88,6
Десяток наиболее частых имен	57,5	70,0	57,8	71,8	76,3	71,9
Первая пятерка самых частых имен	39,3	46,6	37,0	49,9	49,1	48,0
Все редкие имена	11,4	5,9	10,1	15,5	10,6	11,4

Расширение и обновление антропонимического репертуара, преобразование статистической структуры наиболее результативных слоев женского именника, ускорение темпов сменяемости не только редких, но и частых женских имен, а также другие антропонимические новшества несут на себе отражение тех социальных и культурных перемен, которые произошли в стране победившего социализма.

Б. С. Шварцкопф

О СОЦИАЛЬНЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Среди исследований в области личных имен обращают на себя внимание работы, в которых рассматривается социальный аспект имен и их динамика, показывается, что возможности именника на каждом историческом отрезке времени реализуются в сравнительно небольшом количестве женских и мужских имен, с последующей частичной их сменой. В связи с этим В. А. Никонов выдвинул понятие антропонимической нормы; современная антропонимическая норма, выражая общественный вкус, проявляется статистически, в обусловленности выбора имен для каждого последующего периода [1].

Очевидно, что при изучении динамики личных имен (и тем более мотивировки выбора имени) не следует пренебрегать мнением носителей языка, которое — несмотря на отмеченную В. А. Никоновым недостаточную осознанность или даже неосознанность мотивов выбора — представляет собой интересный (хотя и дополнительный) источник исследования употребления личных имен. В связи с этим мы хотим обратиться к оценкам речи по поводу личных имен, представленным в художественной литературе последнего десятилетия.

Оценки речи — функциональные характеристики, даваемые говорящими (пишущими) в процессе речи, относящиеся к самой речи (к фактам речи — своей и чужой) и эксплицитно (словесно или специальными средствами) в ней выраженные,— есть результат интуитивного обобщения говорящими своего речевого опыта [2]. В своей совокупности оценки речи представляют собой

---

[1] *В. А. Никонов.* Личные имена в современной России.— ВЯ, 1967, № 6, стр. 111; *Он же.* Задачи и методы антропонимики. «Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики». М., 1970; *Он же.* Имя и общество. М., 1974, стр. 84, 147.

[2] О понятии «оценка речи» см.: *Б. С. Шварцкопф.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970; *Он же.* Оценки речи как элементы тактики речевого процесса. «Материалы Всесоюзного симпозиума по проблеме «Мышление и общение», Алма-Ата, 1973.

набор достаточно отработанных языковых средств, связанных с метаязыковой функцией («использование языка для того, чтобы говорить о языке же»[3]), своеобразный нелингвистический метаязык носителей языка; при этом «индивидуальная оценка в сфере культуры речи всегда в той или иной мере опирается на лингвистический вкус и лингвистические нормы социальной среды»[4].

Привлекая в качестве материала исследования оценки речи из произведений художественной литературы, мы отдаем себе отчет в том, что подобные оценки не носят непосредственного характера, они вторичны — как отражение общественно-групповых оценок речи в художественном тексте с характерологическими целями. Писатель обычно берет оценки по поводу достаточно известных языковых явлений и использует их как деталь при создании образа; типичность явлений и их оценок — необходимое условие выбора их писателем. Поэтому такие оценки речи могут интерпретироваться как отражение восприятия языкового явления носителями языка в определенный период.

Характерологическое использование личных имен в русской литературе имеет давнюю традицию. Выбор имени персонажа сам по себе выступает как прием[5]. Но уже в XVIII в. могут быть отмечены отдельные оценки имен литературных персонажей. Так, Н. А. Добролюбов в обзоре «Собеседника любителей российского слова» разбирает письмо «Именотворитель»: «Автор доказывает здесь важность имен в повестях, особенно чувствительных. «Одно имя Мнонимии и Аемониды,— говорит он,— в изобильные слезы нежную красавицу или сладкосердного молодца повергнет». ...Именотворитель предлагает свои услуги, так как он набрал до семисот французо-русских имен для романов..., содержащие каждое не менее

---

[3] *О. С. Ахманова, Л. Н. Натан, А. И. Полторацкий, В. И. Фатющенко.* О принципах и методах лингвистического исследования. М., 1966, стр. 167.

[4] *В. В. Виноградов.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— ВЯ, 1964, № 3, стр. 3.

[5] «В художественных произведениях... все имена говорят» (*Ю. Тынянов.* Архаисты и новаторы. М., 1929, стр. 27). См. в связи с этим: *В. Н. Михайлов.* Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в. Их функции и словообразование. Автореф. канд. дисс. М., 1956; *Э. Магазаник.* Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1967.

тринадцати букв, через что в читателе возбуждаются доверенность и уважение. ...Важность имен доказывается здесь, между прочим, и тем, что есть много комедий, в которых всю соль составляют имена, изображающие собой характер лиц» [6].

Характеристики имени персонажа встречаются в литературных произведениях XIX в. Иногда они даны в зоне образа автора (по терминологии М. М. Бахтина), подобно тому, как Пушкин писал об имени *Татьяна*: «И что ж? оно приятно, звучно; Но с ним, я знаю, неразлучно Воспоминанье старины Иль девичьей!» (с последующим примечанием: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например, Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами»). Иногда же это монолог персонажа: «Сударыня, я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната»,— говорит капитан Лебядкин в «Бесах» Достоевского. Встречаются оценки имен и в критике. Так, «после Ленского имя Владимир стало входить в литературную моду», и Некрасов-критик иронизирует: «Варя влюблена, и влюблена, как следует всякой героине порядочного романа, в Владимира» [7].

В начале XX в. писатель-реалист отметит тягу к «красивым» именам в весьма специфической среде: «Здесь же... сидит Тамара... Настоящее ее имя Гликерия, или Лукерия по простонародному. Но уже давнишний обычай домов терпимости — заменять грубые имена Матрен, Агафий, Сиклитиний звучными, преимущественно экзотическими именами» (А. И. Куприн. Яма, ч. I, III). А позже, в 20-е годы М. Зощенко, мотивируя выбор имен своих персонажей, будет прямо ссылаться на вкусы мещанской среды: «Пусть читатель не думает, что автор из эстетических соображений назвал своих героев столь редкими, исключительными именами — Тамара и Аполлон. Нет, именно так они и прозывались! И это, впрочем, ничуть не удивительно. Автору доподлинно известно, что все девицы в семнадцать и в восемнадцать лет на Большой Проломной улице прозывались именно Тамарами или Иринами» (М. Зощенко. Аполлон и Тамара).

Подобные характеристики имен персонажей базируются на восприятии имени обществом (или средой). При этом мы должны учитывать и возможность сдвига имени из одного социального слоя в другой. Последнее объяс-

---

[6] *Н. А. Добролюбов.* Собр. соч. в 3-х томах, т. I. М., ГИХЛ, 1950, стр. 66.

[7] См.: *Ю. В. Манн.* Конфликт в романтической поэме Баратынского. «Известия АН СССР, Серия лит-ры и языка», т. XXXII, 1973, вып. 3, стр. 227.

няет, например, замену Пушкиным подлинного имени дочери Кочубея (Матрена — одно из самых употребительных дворянских женских имен в начале XVIII в.) на Марию[8]. Ср., однако, оценку имени *Мария* в современной драматургии: Исчезли из текста пьес Марии (если персонаж не домработница и не прядильщица)... (Б. Попов. Подмостки, ч. 2, V). Значение такой оценки — характеристика «социального поля» имени[9].

Аспекты социальной характеристики личных имен в художественной литературе с помощью оценок речи могут быть довольно разнообразны. Так, часто оценка речи отмечает план «современность — несовременность имени». Ср. четкую формулировку в повести А. Знаменского «Обратный адрес»: «Каждому времени — свои особые имена». Это суждение героя рассказа вызвано знакомством с героиней: — Ксана.— Она подала руку. Ясно. Именно такое имя и должно быть. Не Марлина, не Индустрия, не Брижит Бардо, однако же и не Дарья, не Аграфена. Именно Ксана. Лучше и не придумаешь.

«Современность» имени своих персонажей любит подчеркнуть А. Битов: Лёве не нужен был никто, кроме Фаины. ...Тут-то и появляется Альбина. Эти странные имена характерны для поколения («Что было, что есть, что будет...»); Так дружно однокашники [Лёвы] женятся и рождают первенцев: все Анны или все Андреи... («Солдат») — формулировку «все» здесь надо рассматривать как способ выразить в тексте произведения характерность, а не как реальное статистическое явление.

Неоднократно в литературе фиксируется момент выбора имени *Юрий* — как и отчетливо дается мотивировка этого выбора. Например: — Нет, Трофим — это все-таки как-то немодно. Я своего назову Юрием — в честь Гагарина. Это все-таки больше в духе эпохи (Е. Евтушенко, Деревнина дочка); Груня. Юрием назвали, в честь первого космонавта[10] (Е. Коронатова. Когда опаздывают

---

[8] *В. А. Никонов.* Имя и общество, стр. 55, 153, 235.

[9] См.: *В. И. Болотов.* К вопросу о значении имен собственных. «Восточнославянская ономастика». М., 1972, стр. 334.

[10] Ср.: «Имя Юрий получили 41 русских и 3 эстонских мальчика, добавим еще эстонский вариант Юри Jüri — 16» [из 1000 русских и 1000 эстонских мальчиков; Таллин, 1965] (*Э. Раянди.* Традиции и моды в употреблении личных имен. «Ономастика». М., 1969, стр. 86).

поезда, д. 1). Ср. иную мотивировку такого выбора: [Мария] — Иваном назовем... — Иван Иванович... — прикинул Иван.— Не... Хватит Иван Ивановичей.— Тогда Юрой. — Это уже что-то... Поинтеллигентней (Ю. Скоп. Алмаз «Мария») [11].

В оценке имени могут перекрещиваться два плана: «современно — несовременно» и «модно — немодно» (ср. выше «немодно» — «больше в духе эпохи» в сценарии Е. Евтушенко). Ср.: Не понимаю, как это моей маме пришло в голову дать мне такое немодное для девочки имя: Александра,— начинается рассказ И. Понятовской «Ход ладьей».

Возможны контрастно-сатирические столкновения в тексте «старого»/«немодного» и «нового»/«модного» имен: — Давай знакомиться, парень, зовут меня Консуэлой, или просто Элой. Как хочешь! — А меня Дормидонтом, или просто Дорой,— зло подыграл Юрий (Заметьте, что зовут персонажа все-таки Юрием! — *Б. Ш.*). Девица пожала хрупким плечиком.— Ну и предки у тебя... Такое имя придумали (Вл. Попов. И это называется будни... ч. 3, 9); Шурик Скрябин. Играть будем народные мелодии. Восемь скрипок и что-нибудь для синкопа, в ударах. Но это не страшно, не переживай. Вот, она, к примеру, Дарья, то есть Элина, то есть теперь Дарья. Вот она мечтала, конечно, об амплуа секс-бомбы. Но я ей сразу сказал: «упостняйся». Коса, чистота... (Г. Никитин. Мой друг — Моцарт, д. 2).

На фоне «современных» имен выявляются имена «несовременные». Так, в воспоминаниях В. Пановой, относящихся к 1925 г.: Мне не понравилось: Арсений объявил, что он не хочет, чтобы его дочь звали мещанским именем Наташа, пусть ее зовут Аля, это гораздо современней и звучней. Я не была с ним согласна... (В. Панова. Из повести моей книги, 18). «Несовременное» имя может выделять персонаж в коллективе: Даже имя с отчеством, даже фамилия — ото всех особая, не Иван, не Константин, не Михаил. Панкрат да еще Феофилактович... (С. Снегин. Над нами полярное сияние, 12); в рома-

---

[11] Указания на «интеллигентность» наименования нередко встречаются в оценках, ср.: «...эта обыкновенная хуторская бабенка называла его не Никитой, а интеллигентно — Никой» (*С. Бабаевский.* Станица, 30).

не украинского писателя В. Собко «Лихобор» один из персонажей «назвал своего сына Феропонтом, от рождения выделяя его из серой массы Иванов, Сергеев или Андреев».

Иногда оценки «несовременности» имени сопровождаются исторической или литературной ассоциациями: — И кто вас таким затрапезным именем наградил? Хм! Егор! Прямо тургеневское что-то... Из «Записок охотника» (Б. Горбовский. Ветка шиповника, гл. I); Мистер Семенов, а почему вы Юлиан?... Ах, мама была историком — Древний Рим и так далее... Понятно... (Ю. Семенов. На «козле» за волком. Записки).

«Несовременность» имени может беспокоить персонажа: Зовут ее Надей, но это имя ей не нравится. Она обязательно переменит его, выберет более созвучное времени (В. Любовцев, П. Шариков. В трех шагах граница, гл. 4). Более того — иногда «современное» имя скрывает за собой другое, кажущееся «несовременным»: Люся. Только Люся не в смысле Ольга или Лена, а в смысле Ксения. Меня раньше называли Ксюша, а я переименовалась. Люся как-то ближе. Верно? (К. Финн. Сестры-разбойницы, д. 1, карт. 3); А зовут меня, знаешь как? — спрашивает она.— Как? — Лукерьей. Людмилу я сама на себя наложила. Для шику... (Е. Габрилович. Вторая четверть).

Однако и не всякое «современное» имя оказывается удобным для его носителя. Так обстоит дело, в частности, с так называемыми «идеологическими именами» [12], которые подчас заменяются в быту традиционными, ср.: ... звонил друг молодости по имени Эдик. Вообще-то он был Индустрий, но это имя оказалось очень громоздким, непрактичным для каждого дня (В. Токарева. Стечение обстоятельств).

Впрочем, «противопоставление старого новому вовсе не тождественно различению плохого и хорошего» [13]. Выбор «старомодного» имени может быть связан и непосредственно с семейной традицией: Через несколько дней после той ночи Данила поехал в сельсовет записывать сына. Нарек его, к удивлению сельчан, не Юркой, не

---

[12] См.: *А. А. Реформатский.* Введение в языкознание, М., 1955, стр. 41.

[13] *В. А. Никонов.* Имя и общество, стр. 148.

Валеркой, а старомодно — Глебом. В честь деда... (И. Токарев. За кормом); Имя, конечно, у Понти забавное. Пантелеймон! Да сейчас таких имен никому и не дают. Но Понтя как раз этим гордится. Его так в честь деда назвали (А. Лиханов. Обман, ч. 1, 8). То же имя, но иной мотив выбора: Чашкина. Мальчика-то как назвали? Семин. Пантелеймоном. Чашкина. Как? Семин. Пантелеймон. Это жена захотела. Она учительница у меня, мудрует. Говорит: зря древние имена из обихода вышли. (*Улыбается*). Эксперимент, значит, делаем. Вроде как ученые себе чуму или холеру прививают (В. Розов. Четыре капли, д. 2). Ср. такие чувства повествователя: Я вхожу в оградку и читаю надпись на шлифованной плоскости памятника: «Дедушке Кузьме Митрофановичу Устинову от внуков Пелагеи и Константина». Дедушке! От внуков! Не генералу, не герою-знаменитости, а простому дедушке! И имена какие хорошие: Кузьма Митрофанович, Константин, Пелагея... (Вл. Сапожников. Дорога на Коён).

Иной раз оценка имени как устарелого (для нашего времени) дается через оценку отчества персонажа. Например: *Абрамовна* — ...библейское отчество, чтимое староверами[14] (А. Рекемчук. Скудный материк, гл. 2); ...пожилой унылый дядька, по фамилии Мирохин, с доисторическим отчеством Пименович (Э. Мацкевич. Ночь без звезд),— если эти отчества воспринимаются как «доисторические», то что уж говорить о соответствующих именах! «Прямо из пьес Островского...— характеризует свои имя и отчество персонаж повести Г. Семенова «Уличные фонари».— Моего отца звали Анемподистом. Вы представляете себе, какой ужас! Ардалион Анемподистович».

Отчество может выступать как своеобразный паспорт персонажа, свидетельствующий о времени его рождения: Грачев отдал рапорт Озерову и взял следующий.— От старшины второй статьи Лаптева Владимира Электроновича.— Грачев расхохотался: — У него отец наверняка двадцать восьмого — тридцать второго года рождения.— Так точно, тридцатого.— Конечно, тогда

[14] Оценка имени с этой точки зрения характерна для религиозной среды, ср. в воспоминаниях бывшего верующего: «...у них еще был сын с библейским именем Марк» («Наука и религия», 1970, № 12, стр. 74).

родители резвились, давая имена новорожденным: Вольт, Динамо, Электрон, Искра... (В. Инфантьев. Обгоняющий птиц, 11).

Новым и существенным в области личных имен в советском обществе является отсутствие «антагонистической социальной дифференциации личных имен». Такой антагонизм В. А. Никонов отмечал между употреблением имен в деревне и городе в дооктябрьский период [15]. Вот как описывает А. Топоров реакцию крестьян на «городское» имя (в повести Н. Ляшко «В разлом»): *Корляков И. Ф.* Аделаида — такая фуфыра! Недаром старику Савелию не поглянулось ее имя; *Стекачев И. А.* Званье-то какое А-де-ла-и-да! Идольское! [16]. И, напротив, ср. оценку имени заглавного героя в романе Горького «Клим Самгин»: «простоватое», по мнению отца, по мнению бабушки —«смешное, мужицкое имя» [17].

В настоящее время в этом плане между деревней и городом «нет былой пропасти»: «Именник современной деревни близок к именнику городов примерно 40-х годов, хотя и неравномерно»; впрочем, различие между именником города и деревни «еще значительно» [18]. И сейчас еще в оценках личных имен встречаются указания на то, что то или иное имя осознается как «городское» или «деревенское», например:— Карина...— сказал Зарубин.— Уж больно по-городскому, а, Антонина? Но та, задумавшись, смотрела им вслед и молчала.— Слышь,— толкнул ее старик.— Подойдет имя внучке-то? Уж больно, говорю, по-городскому звучит (А. Кафаров. Там, где мы дома; ср. также противопоставление в тексте имен *Карина* и *Антонина*); Кирилл. Люба назвала мальчика в честь своего отца — Иваном, а я девочку — в честь своей матери — Груней. ...Груня. Груня — имя

---

[15] *В. А. Никонов.* Личные имена в современной России, стр. 109.— Ср. хотя бы противопоставление имен *Лиза* и *Акулина* в «Барышне-крестьянке» Пушкина или нехарактерность для мужика имени *Платон* (Каратаев) в «Войне и мире» Л. Толстого (*Э. Магазаник.* Указ. соч., стр. 11—13).

[16] *А. Топоров.* Крестьяне о писателях. М., 1967, стр. 188, 194.

[17] См. об этом подробнее: *В. М. Шаталова.* Имя и характер. «Русская речь», 1973, № 5.

[18] *В. А. Никонов.* Личные имена в современной России, стр. 109.— В книге В. А. Никонова «Имя и общество» именник современной деревни приравнивается к именнику города «примерно 50-х годов» (стр. 80).

деревенское. Сколько красивых имен. Кирилл. А чем деревенское хуже (Е. Коронатова. Когда опаздывают поезда, д. 3). Интересны случаи, когда писатель дает «деревенские» имена списком — всерьез: Зовут ее славно: Пульхерия Еремеевна... Вообще здесь в ходу имена, которые у нас и не встретишь: Анфия, Ульяна, Евлампия, Зосима... (Ю. Казаков. Северный дневник, 8) или иронически-пародийно: ...деревенский старик (почему-то всех этих литературных стариков звать Флегонтычами, Ферапонтычами и тому подобными дикими кличками...) (Ю. Казаков. Долгие крики).

Ср. «столкновение» «городского» и «деревенского» имен в сценарии В. Шукшина «Брат мой...»: «...у Девятовых — дым коромыслом: Василий спорил с женой, как назвать новорожденного сына.— Ванька! — кричала жена Настя.— Где это ты их видел нынче, Ванек-то?! Они только в сказках остались — Вани-дурачки. Умру, не дам Ванькой назвать.— Сама ты дура,— тоже резко говорил Василий.— Сейчас в этом деле назад повернули, к старому. Посмотри, в городах...— На черта он мне сдался, твой город! Там с ума начнут сходить, и ты за ними? Я своим умом живу». Входит Иван. «— Что за шум, а драки нет? — А вот — сына не дает Ванькой назвать.— И не дам,— стояла на своем Настя.— А как ты хочешь? — спросил ее Иван.— Валериком...— Ну, Валерик — это тоже не подарок,— заметил Иван, отходя от кроватки.— Да просто плохо! — загорячился опять Василий.— Чем не хорошо — Иван Васильевич?..— Будет Валерик! — Нет, не будет! — Нет, будет! — Назовите в честь деда какого-нибудь,— посоветовал Иван.— В честь твоего отца или твоего.— Да они обои Иваны! — воскликнул Василий.— В том-то и дело».

Характерно также противопоставление имен в романе С. Бабаевского «Станица» (где Эльвира с мужем Жаном возвращается из города в колхоз, чтобы открыть здесь «Салон красоты»): Доярки с маникюром — новшество. Представьте себе, садится за столик какая-нибудь Мария или Глаша, а Эльвира приводит ее руки в надлежащий порядок. Затем к столику присаживается Анастасия или Марфа...

Но восприятие личного имени может быть социальным в узком — классовом — смысле этого слова. В таком узком социальном плане оцениваются иногда и уменьшительные имена, например: Новорожденную, появившуюся на свет в день Анны-летней, окрестили Анной, а по-домашнему Анечкой — по-барски, так присоветовала жена Михайла, которая была почти из благород-

ных — дочка бывшего старшего приказчика купца 1-й гильдии господина Серебренного (Д. Галкин. Цимбалисты, ч. 1, гл. 1). Ср. в рассказе Б. Пастернака (1918) об обращении к горничной: Ульяша, оказавшаяся на этот раз Ульяной («Детство Люверс»). Здесь уместно напомнить, как Л. Толстой характеризовал имя героини романа «Воскресение»: Так между двух влияний из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем — не Катька и не Катенька, а Катюша.

Употребление уменьшительных имен может стать в художественном повествовании объектом оценки не столько в социальном, сколько в стилистическом плане — как обычное в современном устно-бытовом общении (при необычности в таких условиях полных имен). Например: [герой слушает рассказ дяди Левонтия и тетки Васены]. Двое воюют под Мурманском, во флоте. Санька — танкист, и Татьяна — мне так было сказано: Татьяна, и я даже суп хлебать перестал — учится в городе на швею (В. Астафьев. Где-то гремит война, 7);— Это — в райсовет. А в сельский?— В сельсовет — за Нюрку Шумилову.— За Анну Степановну,— поправил Никанор Иванович.—Ежели писать, тогда конечно. А так — что она мне? (А. Знаменский. Не белы снега...); ...одиноко сидела секретарь сельсовета Н. Н. Шумбутова, а короче Нинка, которую Саша при всем своем уважении к местной власти никогда в жизни не называл по имени-отчеству. По деревенским понятиям выглядело бы это смешно: свойская ведь и вдруг — Нина Николаевна! (В. Свирин. Сразу после свадьбы). В таких оценках переплетаются социальный и стилистический аспекты имени.

Наряду с социальными и стилистическими в художественной литературе используются эстетические оценки имени персонажа (как «красивого»). Например: О, как я ненавидела Алину в этот момент! Я ненавидела даже ее имя — такое редкое и красивое (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете...);— А вас, наверное, Элеонорой зовут? Или Эльвирой? Теперь ведь что ни имя, то все в золотых кружочках. Со звоном. Женщинам это нравится (С. Островой. Кикимора). Ср. также: ...свирепый циклон с кокетливым девичьим именем Диана (Ф. Шамазов. Мартын и Диана). Однако оценки имени как «красивого» часто весьма субъективны, ср.: Лена — красивое имя

(В. Тендряков. Три мешка сорной пшеницы) или: ...с таким красивым и значительным именем — Вера!.. (И. Елегечев. Троицкие вершины).

В литературе распространен прием подчеркивания «эстетичности» имени — противопоставление «красивым» именам «будничных» отчеств и фамилий (для создания контраста) [19]. Ср.:— Что поделаешь, мои родители не обладали чувством юмора и не подумали, видно, как будет сочетаться понравившееся им иностранное имя Корнелий с русским отчеством Иванович и особенно с фамилией Телушкин (Н. Томан. Терра инкогнита, 6); О себе же Сократ [Онучин] говорил: «Мама сделала меня смешным по обличию и по вывеске — папину фамилию окрутила с древнегреческим женихом. Уникальный гибрид — антик с алкашом» (В. Тендряков. Ночь перед выпуском, 4); — К такому имю надо фамилию подходящую. А я — Бронислав Пупков. Как в армии перекличка, так — смех. А вон у нас — Ванька Пупков, — хоть бы што! (В. Шукшин. Миль пардон, мадам!); Щеглов. Как ваша фамилия? Петрищев. Петрищев я! А дочку зовут Бриджит! Щеглов. Как? Как зовут? Петрищев. Бриджит! Как Бордо! ...Чельцов. Бриджит Петрищева! Надо же так назвать бедного ребенка! (С. Михалков. Пощечина, акт 1).

Отсюда, по-видимому, возможность тенденции к «подравниванию» имени и отчества в употреблении. Так, героиню романа В. Собко «Лихобор» — Карманьолу Саможук заглавный герой именует то Карманьола Робеспьеровна, то Карманьола Маратовна, то Карманьола Дантоновна и даже Карманьола Жоресовна!

Но «красивое» имя может восприниматься и как претенциозное, например: Альбина — и имя чужое, надуманное (Ю. Грачевский. Что посеешь...); критик об имени персонажа повести А. Адамова «Злым ветром» — ...и зовут-то не как-нибудь, а Элеонора (В. Назаренко. Наследники Одиссея) [20]. (Ср. оценку имен *Альберта, Ирис, Бландина, Марион* в романе Ж. Сименона «Но-

[19] См.: *В. А. Никонов.* Задачи и методы антропонимики, стр. 41.

[20] Почему-то это имя вызывает довольно однозначную реакцию: «Звали ее Элеонора. Для такого имени она была чуточку курносее, чем нужно» (*А. Житинский.* Сено-солома); «Девушки назвались Элеонорой и Сабиной, хотя носы у обеих были курносые» (*Н. Верещагин.* Родничи, I).

ябрь» как претенциозных, а *Вероника* в романе Ж.-Л. Кюртиса «Молодожены» — как «вычурное» и «фальшиво-изысканное»).

В связи с этим интересна отмеченная К. И. Чуковским претенциозность обращения жены Гурова *Димитрий* (вм. *Дмитрий*) в рассказе Чехова «Дама с собачкой» («Тебе, Димитрий, совсем не идет роль фата»). В подстрочном примечании К. И. Чуковский пишет: «Имя *Димитрий* имеет более официальный оттенок, чем *Дмитрий*. См. у Некрасова: «Эпоха в жизни чиновника, когда он из Дмитрия превращается в Димитрия» [21]. Тем любопытнее, что то же обращение повторяется в рассказе А. Борщаговского «Последняя вахта»: жена князя Максутова «всегда произносила его имя протяжно, ласково, с ощущением значительности: Димитрий».

Одним из признаков «эстетичности» личного имени принято считать его благозвучие (или «звучность») [22]: — Кама? — переспросил я. — Угу, Кама, — кивнула она... — Редкое у вас имя, звучное (Э. Ставский. Камыши, ч. 1). Этот аспект уже присутствовал в приведенных ранее примерах: у В. Пановой *Аля* (по сравнению с *Наташа*) «звучней»; в примечании Пушкина — «Сладкозвучнейшие греческие имена...» (ср.: Ну, скажем, не театральный отдел, а ТЕО. Это звучало нежно и красиво. Т-Е-О! Вроде имени какой-нибудь греческой богини — М. Штраух. Два Сергея Михайловича); у Куприна имя *Тамара* — «звучное». Но в этих примерах эстетический критерий (благозвучие) выступает не один, а наряду с социальным: не просто «звучней», а «современнее и звучней»; «сладкозвучнейшие» греческие имена употребляются «между простолюдинами»; у Куприна, с одной стороны — «по-простонародному» и «грубые», а с другой — «звучные» и «экзотические».

Следовательно, здесь можно говорить о связанности эстетического с социальным в мотивировках оценок личных имен. Ср. в этом плане: Мне и имя его понравилось. Правда ведь — красивое имя: Арнольд. — Хорошее, —

---

[21] *К. Чуковский.* О Чехове. М., 1967, стр. 126.

[22] «Распространено убеждение, что одни имена благозвучны, другие неблагозвучны. На самом деле под неблагозвучием понимают совсем иное, но не умеют (или не желают!) этого выразить» (*В. А. Никонов.* Имя и общество, стр. 148).

одобрила Полина. — Культурное (Б. Екимов. Офицерша).

Таким образом, разграничивая (теоретически) в оценках речи по поводу личных имен социальный, стилистический, эстетический аспекты, мы должны учитывать переплетение и взаимодействие этих аспектов в оценках имен. («В самом отборе слов и конструкций, в самом указании — это правильно, а это неправильно — имеется известная эстетическая оценка»[23]).

Проявление эстетического критерия обнаруживает сложность природы оценок речи — и оценок личных имен в частности — в художественном тексте: с одной стороны, эстетический аспект в оценках имен пересекается с социальным (как последний пересекается со стилистическим), выявляя в их сочетании неоднозначность, многогранность мотивировок оценок личных имен; с другой стороны, оценки личных имен в художественном тексте вторичны, поэтому они, будучи отражением антропонимической нормы, являются эстетическими по своему использованию (выступают как элемент образной структуры художественного произведения).

---

[23] *Р. А. Будагов.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967, стр. 49—50.

А. В. Суперанская, А. В. Суслова

«НЕСТАНДАРТНЫЕ» РУССКИЕ ФАМИЛИИ

Основная масса русских фамилий имеет типовые конечные морфемы *-ов, -ев, -ин, -ский, -ской, -их, -ых, -ой, -ий.* Однако часть паспортных фамилий не содержит подобных аффиксов: *Беда, Волк, Смех* и др. Причины, по которым определенная группа фамильных прозвищ осталась не оформленной специальными суффиксами и не была подведена под общую модель, очевидно, весьма разнообразны и в каждом индивидуальном случае свои особые, не поддающиеся лингвистическому анализу. Обычно они кроются в истории семьи, в обстоятельствах, сопутствующих возникновению и бытованию фамилии и т. п.

«Нестандартные», не оформленные специальными суффиксами фамилии по своему происхождению могут быть апеллятивами, личными именами, топонимами и этнонимами. Однако две первые группы значительно превышают по объему две последние [1].

О. Н. Трубачев, отмечая неизбежное участие заимствованного компонента в антропонимии любого народа, считает ригористическую концепцию русских фамилий как только фамилий, снабженных стандартизирующими суффиксами (в свое время обеспечивавшими им форму официального существования), не отвечающей реальному положению вещей и не способствующей развитию науки, а наоборот, обедняющей само понятие русской фамилии. В связи с этим основной критерий при определении фамилий как русских, по его мнению, должен быть узуальный [2].

В настоящее время трудно проследить диалектную, а иногда и языковую отнесенность ряда русских фамилий — частые переезды как отдельных лиц, так и больших групп населения в значительной степени смешали первоначальное территориальное распределение антропонимов. Тем не менее материал исследования показывает, что у русских бытует много «нестандартных» фамилий, которые нередко без достаточного основания считаются украинскими, белорусскими, польскими, и что наряду с южными и западными, в этот разряд попадают и центральные и севернорусские фамилии. Так, по данным В. И. Даля, основы таких фамилий, как *Бориляк, Гомза,*

---

[1] Материалом исследования послужила картотека, собранная А. В. Сусловой на основе публикаций в «Бюллетене Министерства высшего и среднего специального образования СССР» за 1960—1970 гг., «Ведомостях Верховного Совета СССР», «Ведомостях Верховного Совета РСФСР», в газетах и журналах. Картотека насчитывает свыше тысячи образцов нестандартных фамилий и может быть значительно увеличена. При квалификации фамилий как русских принимались во внимание следующие факты: 1) принадлежность апеллятива фамилии к исконной, незаимствованной лексике русского языка, 2) имя и отчество носителя фамилии — отбрасывались случаи, где состав их позволял сомневаться в национальности носителя. Анализ показал, что топонимы и этнонимы чаще составляют фамилии нерусских.

[2] *О. Н. Трубачев.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России (русские фамилии и фамилии, бытующие в России). «Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов». М., 1968, стр. 4.

Негода и некоторые другие, действительно были в свое время представлены в южных и западных говорах, но основы многих других фамилий не могут быть отнесены к западным или южным, ср. *Бакун* (простой русский папушный табак), *Верета* (ср. влад., вят. *верéть, верéтия,* сиб. *веретéйка* ‘возвышенная сухая гряда среди болота’ или *верéтье* новг., ряз., тмб. и *веретá* моск. ‘полотнища для сушки зернового хлеба или подстилки в телегу’), *Бобырь* (воронежск. ‘рыбка пискарь’), *Кекало* (вят. *кéкать* ‘икать’ или яросл., тверск. *кéкнуть* ‘сильно ударить’), *Кудрянь* (новг. *кудра* ‘шалун’), *Комяк* (яросл. *комякать* ‘бить’), *Ляш* (пск., тверск. *ляшить* ‘воровать’) и др.

Обращаясь к периоду становления русских фамилий как постоянного элемента официального именования людей (XVII—XVIII вв.), отметим, что в записи мужчин того времени, помимо личного имени и прозвища, попадали главным образом следующие элементы: указание на род занятий или социальное положение; указание на место происхождения или национальную принадлежность; имя или группа именований отца. Например, *пушкарь Тимошка Кузьмин сын Стрелкин, посиделец Ивашка Григорьев, гулящей Тимошка Иванов, боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков, десятник Микифор Сапожник, поместный пристав Аким Селецкий, полуполковник Иван Григорьев сын Бугайский, черкашенин Иван Хорошков, с Ветлуги Богородицкого прихода Софрон Ильин, москвитин Истомка Феофонов сын прозвище Лабза*[3].

Дальнейшая эволюция именований шла в абсолютном большинстве случаев по линии развития и упрочения фамилий из имен и прозвищ отца. Однако при известных обстоятельствах основной акцент ставился на род занятий, место происхождения или собственно прозвище лица при ослаблении акцента на прозваниях отца или фамилиях (которые в XVII в. еще не были непременным элементом номинации). Если человек с именованием последнего типа долгое время оставался в глухих местах, его дети получали новые прозвища, внуки — опять новые, которые, в конце концов, приходили в соответствие со стандартными для данного района фамилиями. Если он

[3] Примеры собраны С. И. Зининым из различных актовых записей русских городов XVII—XVIII вв., хранящихся в госархивах.

попадал в столицу, где строго велись официальные записи, нестандартное фамильное прозвание его записывалось в своем нестандартном виде и передавалось следующему поколению. Как отмечает С. И. Зинин, в Москве в XVII — XVIII вв. таких нестандартных фамилий было больше, чем в других местах[4].

Процесс имятворчества, если даже новые имена официально не фиксируются, — вечно живой и постоянно действующий. Ежедневно в небольших замкнутых коллективах (семья, двор, участок работы) возникают прозвища, вызванные к жизни теми или иными обстоятельствами, свойствами именуемого, неожиданным сравнением. Как показал анализ современных прозвищ, и сейчас главными различительными критериями при уточнении личности человека остаются указания на род его занятий (*Шурка Керосинщица*), на местожительство или место работы (*Шляхтин из МТП*), на имя, прозвище или фамилию родителей (*сын Павла Марковича Бойко, сын Ивана Никифоровича Бойко*), а основной мотивировкой при образовании индивидуальных прозвищ были и остаются физические и моральные свойства и возможности человека (*Лева Красный* — очень румяный, *Анна Рябая, Велички Ученые* и *Велички Пьяницы*)[5].

Современные прозвища особенно интересны тем, что они прекрасно мотивированы. Особенно это важно в отношении прозвищ, появившихся в результате сравнений, понятных в местных условиях в определенное время, но не ясных при других обстоятельствах. Изучение этих прозвищ может помочь ретроспективному анализу прозвищных фамилий, и в частности, выявлению их мотивировки, не понятной в отрыве от тех условий, в которых они создавались. Ср. современные прозвища детей в Солигаличском р-не Костромской обл.: *Ванька-Брюшко* (с большим животом), *Курица* (тихий, скромный ребенок), *Му-*

---

[4] *С. И. Зинин.* Русская антропонимия XVII—XVIII вв. Канд. дис. Ташкент, 1969, гл. 3.

[5] Материал по современным прозвищам любезно прислали Л. Белоруссов по Солигаличскому р-ну Костромской обл., Г. И. Гулиев по селу Нардаран АзССР, Е. Ф. Данилина по Пензенской обл., студенты Чимкентского пединститута (руководитель В. Н. Попова), П. Т. Поротников по Среднему Уралу, В. И. Тагунова по Муромскому р-ну Владимирской обл.

зыкант (о плаксе), *Колесеня* (с кривыми ногами), *Груздь, Груздок* (с круглым, белым лицом)[6].

Изучение такого свежего материала полезно и в структурном отношении, в частности для решения вопроса о роли суффиксов в составе прозвищных фамилий: специальная ли это ономастическая суффиксация или в качестве прозвища-фамилии употреблены мало известные суффиксальные нарицательные. Ср. такие официальные паспортные фамилии, как *Пузач, Пузыня, Годяк, Косач, Солодуха, Роговик, Левуш, Левун, Комарица, Бедило, Бедей, Белан, Беляй, Лесун* и мн. др. При общей понятности основ этих слов частное значение каждого из них не вполне ясно. Так, очевидно, что *солодуха* — это лицо, каким-то образом связанное с солодом, *держак* — тот, кто держит, или то, чем держат.

Неясность значений подобных апеллятивов заставляет нас обратиться к специальному ономастическому ряду и предположить, что апеллятивное употребление обязательно не для каждого из перечисленных слов, что оно может быть факультативно и может быть известно лишь небольшому замкнутому коллективу. В результате перечисленные и подобные слова остаются потенциальными для основной массы лиц, пользующихся данным языком. При таком подходе к материалу и общепонятные прозвищные фамилии: *Малец, Ключник, Годик, Пасечник* будут лишь омонимами слов *малец, ключник, годик, пасечник*. Тогда речь пойдет о двух словообразовательных рядах: апеллятивном и ономастическом. Становясь на эту точку зрения, следует любое собственное имя, омонимичное нарицательному, считать самостоятельным ономастическим образованием, независимым от апеллятивного ряда. Очевидно, этой точки зрения придерживался и А. М. Селищев, выделяя в качестве суффиксов прозвищных имен *-ай, -ош, -ица, -ок* и т. д.[7], хорошо известные нам по апеллятивному употреблению.

Большинство рассмотренных нами нестандартных русских фамилий — суффиксальные. Мы считаем входящие в их состав суффиксы ономастическими прозвищными (а

---

[6] Примеры Л. Белоруссова.

[7] *А. М. Селищев.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ.— «Уч. Зап. МГУ. Труды каф. рус. яз.», вып. 128, кн. 1 М., 1948.

не фамильными, поскольку в составе фамилий они нерегулярны, не обязательны и многие содержащие их фамилии достаточно случайно проникли в состав официальных, паспортных), при этом многие из этих суффиксов омонимичны суффиксам апеллятивов, употребляющихся в разговорной речи, где они имеют определенный эмоционально-оценочный потенциал.

Наиболее частотны следующие суффиксы [8]:
-ак (-як): Держак, Дрожняк, Железняк, Комляк, Осьмак, Позняк;
-ук (-юк), -чук: Библюк, Гоменюк, Гулюк, Маслюк, Сердюк;
-ник: Бутник, Жорник, Комник, Торяник, Тютник;
-ало: Буркало, Гупало, Цыкало, Чтыхало;
-ило: Бедило, Курило, Рожило, Торчило, Шумило, Шипило;
-айло: Жмайло, Потягайло, Завертайло, Меняйло, Нечитайло;
-арь: Баркарь, Кухарь, Зубарь, Зыгарь;
-ан: Гулян, Жилан, Кован, Лупан, Молчан, Торопан;
-ун: Коротун, Лесун, Порхун, Шикун;
-ач: Копач, Мохнач, Стукач;
-ец: Державец, Левенец, Останец, Погонец.

Значительное число фамилий образовано с редкостными суффиксами, которые не всегда могут быть выделены как активные в нарицательных именах. Иногда они могут быть лишь отмечены как своеобразные финали: *-ага, -га: Дубяга, Мошняга, Нудьга; -ыга, -ыго: Чапыга, Палыга, Бассалыго; -дь: Жедь, Шкурдь; -ка: Зазыка, Ревука; -ко: Шулутко, Кубыко; -ай: Бурлай, Кудлай, Полежай, Радяй; -ей: Булдей, Смолей; -ик: Вязовик, Шалик; -ок: Ливок; -ул, -уль, -уля: Додул, Тевтуль, Бочуля; -ень: Походень; -иня: Махиня; -но: Дорно; -ра, -ря, -ира: Выдря, Косыря, Жудра, Задора, Стахира; -ур, -ура: Татур, Чепур, Снегур; Кочегура, Башура; -та: Плюта, Таратута; -аха, -уха, -юха: Волеваха; Завирюха; -ица: Сушеница; -ош, -уш: Ходош, Левуш.*

Обращают на себя внимание префиксы в составе некоторых фамилий: *Вываль, Заседа, Збирак, Пособило, Походень, Полетай, Постригач, Посяд, Потягайло, Припева, Прихода*, ср. также образования с отрицательной

[8] Иллюстрирующие их фамилии далеко не исчерпывают материала.

приставкой: *Недвиг, Негода, Недоступ, Нехай, Нехода, Нечай.* Насколько это специально ономастические образования и насколько повторение известных апеллятивных лексем — вопрос, нуждающийся в дополнительной разработке.

Переходя к классификации лексических основ нестандартных русских фамилий, посмотрим, от лексем каких полей они образованы. Семантическое содержание этих лексем может быть очень широким. Например, лексема *медведь* в фамилии *Медведь* могла появиться как отражение внешности человека (крупный, полный), как характеристика его голосовых данных (басистый), как отражение пережитков древности, когда имена *Волк* и *Медведь* давались как пожелательные, чтобы человек рос здоровым и сильным, и, наконец, как отголосок древнего тотемизма. Решить, в каком конкретном значении употреблена та или иная лексема в каждой фамилии, не представляется возможным [9]. Поэтому, рассматривая материал на уровне лексем, а не семем, ограничимся лишь приблизительным распределением их по ряду семантических полей — это: 1) различные характеристики человека (физическая, моральная, речевая, семейная, социальная профессиональная, национальная и т. п.); 2) животные; 3) растения; 4) части тела человека и животного; 5) абстрактные понятия; 6) одежда, обувь, ткани, домашняя утварь; 7) продукты питания; 8) орудия труда и их детали; 9) финансовые и торговые отношения, драгоценности; 10) военные и охотничьи атрибуты; 11) явления природы; 12) обозначения отрезков времени или времен года; 13) мифологические представления; 14) предметы и понятия церковного обихода.

Сравнение этих групп современных нестандартных паспортных фамилий с группами, выделяемыми А. М. Селищевым, [10] свидетельствует о чрезвычайной стабильности принципов номинации. В современных нестандартных фамилиях не столь ярко, как это отмечено у А. М. Сели-

---

[9] Например, фамилия *Мех* могла быть первоначально дана в качестве прозвища и меховщику, и тому, кто раздувал меха, и человеку с интенсивным волосяным покровом; фамилии *Рог* и *Щетина* могли получиться из прозвищ лиц, торговавших этими вещами, а могли и характеризовать человека, имевшего шишку на лбу или небритые щеки.

[10] *А. М. Селищев.* Указ. соч.

щева, выделяются слова, отражающие появление нового члена семьи и связанные с ним этнографические обряды (ср. его примеры *Найден, Краденой, Ждан* и др.), «профилактические» именования (*Неудача, Мертвой*) и слова, связанные с предметами и понятиями церковного обихода (*Аминь, Грех*), однако это не означает принципиального их отсутствия в современном ономастиконе. С другой стороны, у А. М. Селищева осталась группа именований озаглавленная «разные». Если бы он проводил свою классификацию на более полном материале, имена этой группы, возможно, распределились бы по некоторым дополнительным рубрикам, выявившимся у нас (слова, связанные с измерением времени, обозначением военных и охотничьих атрибутов, финансов и т. п.).

Ниже приводятся современные нестандартные фамилии, распределенные в соответствии с входящими в их состав лексемами на указанные группы.

1) Различные характеристики человека: *Безрук, Безух, Белогуб, Белозуб, Голован, Головач, Горбач, Губарь, Долгонос, Карлик, Косач, Кривогуз, Кривонос, Кривошей, Лобан, Лобач, Малец, Малыш, Малюта, Пузач, Тригуб, Черноглаз, Черногуз, Черномаз, Черныш, Черняк, Шестопал; Крикун, Говорун, Заика, Шептун, Скороход, Храпач, Ветрогон, Верхогляд, Лиходей, Ломака, Недоступ, Плакса, Порхун, Правдовец, Щеголь, Ребенок, Свояк, Сирота, Третьяк* (третий сын в семье), *Четверня* (четвертый в семье); *Выходец, Ждан, Нечай, Останец; Барчук, Богач, Семижон; Бондарь, Бурлак, Гирник, Гончар, Дубарь, Ключник, Ковшарь, Кожемяка, Колесник, Коробейник, Круподер, Кучер, Лесничий, Мастеровой, Матрос, Мельник, Овчар, Пасечник, Пономарь, Поп, Плахотник* (палач на плахе), *Почтовик, Рыбак, Рыбачок, Солодовник, Стрелец, Ткач* (и даже *Белый Ткач*), *Шаповал, Швец.*

2) Названия животных: *Баран, Бобер, Воробей, Ворона, Голубь, Гусак, Дрозд, Жук* (ср. *Старожук*), *Заяц, Карась, Карасик, Козел, Комар, Комарик, Конь, Корсак, Коршун, Кот, Котик, Коток, Крыса, Кулик, Куница, Курица, Лебедь, Лиса, Лисица, Лось, Муха, Орел, Паук, Пташка, Птица, Рак, Рыба, Рыбка, Саранча, Сова, Сокол, Сорока, Сыч, Тур, Чайка, Шмель.*

3) Названия растений: *Береза, Боб, Бурьян, Верба, Вишня, Гриб, Грибок, Дуб, Дубик, Картошка, Конопля,*

Кукуруза, Лоза, Малина, Малинка, Пастернак, Перец, Перчик, Редька, Репа, Репка, Хмель. Отметим также фамилии — названия частей растений и некоторых грубых изделий из них: *Дубина, Качан, Колос, Корень, Кругляк, Сук.*

4) Названия частей тела человека или животного, как представляется, дополняют группу, связанную с физической характеристикой именуемых. Обозначения частей тела животного, возможно, даны метафорически: *Горб, Губа, Жила, Зуб, Зубец, Кудря, Кулак, Курдюк, Лапа, Локоть, Нога, Нос, Рог, Рот, Ус, Щека, Щетина.*

5) Абстрактные понятия могут выступать как дополняющие нравственную характеристику человека: *Беда, Блажь, Говор, Голод, Доля, Дума, Кривда, Маята, Правда, Прок.* Однако эти слова могли быть даны и в качестве речевых характеристик.

6) Названия одежды, обуви, тканей, домашней утвари: *Атлас, Бархат; Карман, Салоп, Чулок, Шуба; Кочерга, Подушка.*

7) Названия продуктов питания: *Борщ, Бублик, Кисель, Коврига, Колбаса, Корж, Кусок, Опара, Пирог, Рис, Сало, Сивуха, Солод, Щи.*

8) Названия предметов и орудий труда: *Гиря, Дрель, Каток, Ключ, Крюк, Крючок, Кремень, Лемех, Руда, Спица, Спичка, Топор.* Выделяется также небольшая группа прозвищных фамилий по названиям музыкальных инструментов: *Барабан, Дуда, Скрипка.*

9) Финансовые и торговые отношения, драгоценности: *Деньга, Серебро, Червонец, Алмаз.* В качестве прозвища последнее было отмечено еще Н. М. Тупиковым [11].

10) Военные и охотничьи атрибуты: *Булат, Патрон, Пугач, Пыж.*

11) Явления природы: *Буран, Гроза, Гром, Заря, Ливень, Мороз, Холод.*

12) Обозначения отрезков времени или времен года: *Вечер, Годик, Зима, Неделя.*

13) Мифологические представления: *Водяной, Демон, Карга, Кащей, Шайтан.*

14) Слова, отражающие предметы и понятия церковного обихода: *Грех, Ладан.*

---

[11] *Н. М. Тупиков.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Как явствует из примеров, апеллятивные фамилии содержат не только старую, но, порой, и вполне новую лексику. В связи с тем, что в состав населения Советского Союза входит много разных национальностей, ряд нестандартных фамилий, даже выраженных русскими словами, может быть и нерусского происхождения: калька с нерусского, переосмысление русского слова в инонациональной среде. Например, в числе разобранных нам встретилась фамилия *Депутат*. Ее трудно объяснить, как возникшую в наше время от наших советских депутатов, поскольку массовое присвоение фамилий у русских относится к более старому времени, когда это слово еще не было достаточно хорошо известно. Ср., однако, у Г. В. Ксенофонтова:[12] «Софрон Сыранов, известный среди якутов Кангаласского улуса под прозвищем «*Депутат*», считается потомком якутского «тойона» (повелителя-начальника) Тыгына» — запись 1921 г. Очевидно, прозвище это возникло еще до революции, и в основу его было положено понятие о дореволюционных депутациях и депутатах. Подобных случаев может быть довольно много. Выборочное антропонимическое анкетирование, проведенное в Азербайджане, показало, что прозвищами коренных азербайджанцев нередко становятся русские, а не азербайджанские слова. Не исключена возможность, что при массовой паспортизации в условиях билингвизма в документы попадали именно подобные прозвища, которые, по мнению нерусского населения, могли быть понятнее для русских.

Наибольший интерес представляет старая лексика в той ее части, которая не отражена в словарях. Она в значительной степени состоит из слов, безусловно русских, которые в разное время по разным причинам не были выявлены или зарегистрированы. Например, в словаре В. И. Даля отсутствуют нарицательные *бутник* — от глагола *бутить, верещак* — от глагола *верещать* (ср. *верещага*), *верник* от существительного *вернь, пособило* — от глагола *пособить, пособлять*) и др. Все они бытуют в качестве фамилий русских людей. К подобным же старым прозвищам, по всей вероятности, принадлежат *Бедило, Буркало, Держак, Жмайло, Жорник, Зубарь, Коротун,*

[12] *Г. В. Ксенофонтов.* Хрестес. Шаманизм и христианство. Иркутск, 1929, стр. 84.

Левуш, Лихварь, Меняйло, Молчан, Мохнач, Мошняга, Нудьга, Осмола, Нечай, Торопан, Потягайло, Храпач и др.

Часть неясных прозвищных фамилий, как можно предполагать, относится либо к русской диалектной лексике, либо к заимствованиям, в разное время и в разных областях проникшим в русский язык; например, *Богуля, Сукач, Нижник, Гузей, Ротарь, Мизюк, Шкурдь*. Ср. у Даля: *нижник:* 1. нижий брус в стройке; 2. нижний по течению реки конец острова (прм.); 3. исподний жернов на мельнице. У Н. М. Тупикова есть имя *Низовец*. Даль приводит глаголы *гузать*: 1. пятиться; 2. раздумывать, мешкать (твр. прм.); 3. возиться (вор.); *мизюкать* смб. прм. щуриться, плохо видеть; *сукать* юж. зап. сучить пряжу, пск. искать от польск. szukać сев. сплетничать, наговаривать [13].

Анализ лексических групп, участвующих в именованиях, показателен прежде всего этнографически. При всей универсальности ряда групп лексем, употребляющихся в качестве антропооснов, они все же разнятся от народа к народу и количественно, и качественно [14]. В нашем материале, например, полностью отсутствует группа именований, связанных с названиями болезней, если не считать фамилий *Сап* и *Кондрашка* (которые могут быть и другого происхождения), мало фамилий, образованных от прозвищ, данных в качестве профилактики. Но не следует забывать и о том, что, попав в официальные записи, фамилии прошли через ряд «моральных» фильтров, которые, видимо, не пропустили многих именований, встречающихся в неофициальном употреблении. Однако фильтры пропускают «основной спектр» фамилий, который для каждого народа и территории свой, особый. В этом плане большой интерес представляют названия одежды, тканей, обуви, домашней утвари, пищи, употребленные в качестве личных прозвищ или фамилий. Они передают прежде всего этнографическую характеристику коллектива, в котором жил именуемый. Проникая в ономастический ряд, они способствуют закреплению в нем интерес-

---

[13] *В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Фототип со 2-го издания.

[14] Ср. *A. V. Superanskaja.* Lexikalische Stämme der Anthroponyme. «Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift», J. 13, H. 2. Berlin, 1972.

ных, самобытных слов, связанных с историей народа. Орудия труда и их детали как прозвищные имена дают профессионально-трудовую характеристику коллектива: известные ему орудия труда и механизмы, особенности обработки материалов, комплекс трудовых навыков — все это в опосредствованном виде закрепляется в лексике и переживает свою эпоху.

Личные имена без всякого специального оформления встречаются в качестве фамилий русских людей достаточно часто. В этих целях используются как русские, так и западные, и восточные имена в литературной, церковной и диалектной форме, а также сокращенные формы имен и имена с суффиксами субъективной оценки. Происхождение этих фамилий может быть весьма разнообразным. Они могут восходить к той поре, когда русские пользовались двумя именами, неканоническим русским и каноническим. Последнее как менее понятное употреблялось лишь в официальных случаях и могло попасть в записи на правах фамилии. Могли они возникнуть путем обратной деривации из фамилий: *Иванов>Иван*. Иногда западные имена давались в качестве фамилий поступающим в семинарии. Могли быть и другие причины. Основное внимание здесь будет обращаться на характер и состав лексем, участвующих в именованиях.

1. Русские канонические имена.

а) В литературной форме: *Александр, Антон, Борис, Влас, Гордей, Гаврило, Данило, Денис, Емельян, Исак, Карп, Касьян, Кир, Кирик, Кузьма, Лазарь, Лев, Лука, Макар, Марк, Мирон, Олег, Паладий, Панфил, Роман, Савва, Свирид, Северин, Феликс, Флор, Фотий, Харитон, Юрий.*

б) В церковной форме: *Давид, Дамиан, Еремия, Захария, Иона, Мартин, Назарий, Симеон, Филипп.*

в) В просторечной или диалектной форме: *Авдей, Вакула, Гапон, Ермак, Игнат, Клим, Логвин, Нестер, Нефед, Остап, Потий, Проскура, Свирида, Трефон, Яким.*

г) С суффиксами субъективной оценки: *Васюк, Васюта, Данилко, Демидчик, Дёмочка, Лаврик, Назарчик, Павлик, Петрик, Петрух, Петруха, Сёмка, Титок, Федяй, Юрик, Юрок.*

2. Славянские имена: *Богдан, Драгомир, Казимир, Нечволод, Святогор, Тихомир.*

3. Библейские имена: *Азриель, Сим.*

4. Сказочно-былинные имена: *Бова, Додон, Салтан.* Ср., однако, у Даля *додон* — влг. ‘нескладный’.
5. Западные имена: *Арнольд, Бартоломей, Вальтер, Кассий, Луций, Мишель, Мориц* и даже *Робинзон Крузо.*
6. Восточные имена: *Дарий, Кантемир, Мамай, Рустам, Шеремет.*

Обращает на себя внимание отсутствие фамилий-сокращенных имен без суффиксов субъективной оценки типа *Вася, Петя* (такое именование было нетипично для неофициальных речевых ситуаций) и отсутствие фамилий-женских имен. Очевидно это связано с тем, что в прежние времена потомство определялось по мужской линии. Даже вдовы, имевшие юридические права распоряжаться имуществом, в официальных документах писались по мужу или отцу, хотя нам известны многие неофициальные «уличные» фамилии, образованные от женских имен.

При изучении лексических основ антропонимов нестандартные фамилии имеют то преимущество перед стандартными, что их основы живее и непосредственнее отражают этнографическую картину прошлого. Среди стандартных фамилий скорее могут оказаться искусственные, образованные недавно от известных основ по известным моделям. Нестандартные фамилии, не прошедшие специального выравнивания, очевидно, являются наиболее «естественными» и наиболее натуральными.

А. Ванагас

ПРИНЦИПЫ И СТРУКТУРА СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТОВСКИХ ФАМИЛИЙ

В Институте литовского языка и литературы Академии Наук Литовской ССР начато составление словаря современных литовских фамилий. В данных замечаниях мы попытаемся дать общую характеристику этого словаря.

Словарь составляется на основе алфавитной картотеки фамилий, насчитывающей около 260 000 карточек. Материалы для этой картотеки собирались длительное

время, начиная с середины сороковых годов и кончая нашими днями. Картотека составлялась главным образом путем полевых записей (за исключением некоторых частей западной и юго-восточной Литвы). Это предоставляет возможность включить в словарь не только официальную форму фамилии, но и респектировать некоторые различия в употреблении и произношении фамилии, наблюдающиеся в языке местного населения.

Какие фамилии будут включены в словарь? Ответ на этот вопрос представляется затруднительным. Дело в том, что понятие «литовская фамилия» весьма неопределенно. Сразу же возникает множество вопросов. В частности, что будет иметь решающее значение при включении фамилии в словарь — происхождение фамилии или национальность владельца фамилии? Другими словами, будут ли включаться в словарь фамилии только литовского (балтийского) происхождения или же фамилии литовцев любого происхождения? Войдут ли в словарь фамилии литовского (балтийского) происхождения, если их носители в настоящее время не являются литовцами? На эти и подобные вопросы трудно дать категорические ответы, тем более, что и понятия «литовец», «нелитовец», «литовская фамилия», «нелитовская фамилия» тоже очень релятивны. Найти более строгие дифференциальные признаки, которые позволяли бы бесспорно решать вопрос о целесообразности включения той или иной фамилии в словарь, почти невозможно. Это, в частности, предопределено тем, что современные литовские фамилии составляют в генетическом отношении большую пестроту.

Неоднородный по происхождению фонд современных литовских фамилий формировался многие столетия. Здесь уместно подчеркнуть, что в генетическом отношении небалтийские фамилии (см. ниже) в нем составляют значительное большинство. Такое положение предопределено как спецификой становления литовских фамилий, так и самой историей Литвы. Главным здесь является то, что естественный процесс развития литовской антропонимии был прерван и коренным образом изменен с введением христианства в Литве в конце XIV — в начале XV в. (в 1387 г.— в Жямайтии, в 1413 г.— в Аукштайтии). После введения христианства, литовцы наряду с древними литовскими «языческими» именами получили еще крестные имена, которые впоследствии утвердились

и стали господствующими. Эти крестные имена и стали основой формирования литовских фамилий. Они «обрастали» десятками и сотнями производных или сокращенных антропонимов и их вариантов, многие из которых в конечном счете стали фамилиями. Много усеченных антропонимов сформировалось не в литовском, а в соседних языках (в основном славянских и германских) и только позднее были заимствованы литовским языком. Например, различных современных литовских фамилий и их вариантов, образованных от крестного имени Juõzapas (русск. *Иосиф*) известно около 90, от Baltramiẽjus (русск. *Варфоломей*) — около 130, от Simonas (русск. *Симеон*) — около 180, от Jokùbas (русск. *Якоб*) — около 190, от Motiẽjus (русск. *Матфей*) — около 400, от Jõnas (русск. *Иван*) — около 500 и т. д.

Кроме того, в течение веков население Литвы пополнилось самыми разнообразными небалтийскими этническими элементами, которые впоследствии ассимилировались, а их фамилии стали неотъемлемой частью современных литовских фамилий.

Таким образом, не может быть и речи об ограничении словаря только фамилиями литовского (балтийского) происхождения: в него будут включены и фамилии литовцев, независимо от происхождения фамилии, и литовские фамилии, независимо от национальности владельца фамилии. Следовательно, речь идет не о словаре собственно литовских фамилий, а о словаре фамилий Литвы[1].

Разумеется, некоторая часть фамилий, бытующих в настоящее время в Литве, останется за пределами словаря. Это главным образом небалтийские фамилии, имеющие ограниченную сферу употребления, носителями которых являются граждане, поселившиеся в Литве сравнительно недавно или проживающие в ней временно. Лингвистически такие фамилии отличаются тем, что в фонетическом или морфологическом отношениях они расходятся с нормами литовского языка. Например, невключение в словарь фамилии *Филипенко* (Filipènko) может быть оправдано следующим: 1) согласный *ф* для литовского языка несвойствен; 2) гравис на гласном *е* в

[1] Ср. *О. Н. Трубачев.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России). «Этимология 1966». М., 1968, стр. 26 и след.

сочетании с сонорным n (èn) для литовского литературного языка тоже нехарактерен; 3) окончание *о* в именительном падеже в литовском языке вообще невозможно.

Кроме того, неврастание таких фамилий в систему литовской антропонимии может наблюдаться и в том, что от них не образуются производные антропонимы с литовскими суффиксами для обозначения других членов семьи: жены, дочери, сына [2].

Как известно, в Литве до сих пор существуют многочисленные диалекты, поэтому большинство фамилий наряду с официальной (чаще всего и литературной) имеет и диалектную форму. При составлении словаря за основу были взяты официальные (литературные) формы фамилий. Местное произношение в словаре дается только тогда, когда диалектная форма фамилии имеет спорадические (незакономерные, факультативные) фонетические изменения или когда местное произношение отличается от официального еще чем-нибудь другим — сохраняет более древний облик фамилии или, наоборот, имеет признаки народной этимологии, субституции, переосмысления и т. п. Закономерные фонетические изменения в словаре не респектируются.

Применение этого принципиального методологического положения на практике связано со многими трудностями. Как уже упоминалось, большинство (около 70%) современных литовских фамилий генетически являются небалтийскими.

Здесь уместно объяснить, что понимается под «генетически небалтийской фамилией». Имеются в виду заимствованные из других языков фамилии и фамилии, возникшие прямо из заимствованных антропонимов. Другую большую группу «генетически небалтийских фамилий» составляют современные фамилии, образованные с литовскими патронимическими суффиксами от заимствованных фамилий или имен. Это фамилии типа лит. Petr-áitis: Pẽtras «Петр»+суфф. -aitis (по значению литовский суффикс -aitis близок русскому *-ов, -ович*, ср. рус. *Петров*). Дерриваты типа лит. Petráitis — это фамилии

[2] В литовском языке фамилия жены образуется от фамилии мужа с помощью суффикса *-ienė (Butrimas — Butrimienė)*, фамилия дочери — от фамилии отца с суффиксами *-aitė, -ytė, -utė, -ūtė (Butrimas — Butrimaitė, Dauknys — Dauknytė, Butkus — Butkutė, Kubilius — Kubiliūtė)* и т. д.

www.ruslang.ru

исконно литовские, равно как, например, *Петров* — фамилия исконно русская, хотя генетически она происходит из заимствованного крестного имени *Петр*.

Короче говоря, когда речь идет о «генетически небалтийских фамилиях», имеются в виду все современные литовские фамилии, возникшие или образованные от небалтийских основ. Другими словами, понятие «небалтийская фамилия» трактуется этимологически, так как данный словарь в известной степени имеет этимологический характер (см. ниже).

Небалтийские фамилии пришли в Литву из разных языков и их диалектов в разное время. Притом, многие из них (фамилии гебрайского, греческого, латинского и др. происхождения) мигрировали в Прибалтику через посредников — в основном через славянские и германские языки. Определенная часть таких фамилий (точнее — имен, давших начало соответствующим фамилиям) была перенята из канонических письменных источников.

Нельзя забывать и того, что очень многие литовские фамилии происходят из сокращенных (усеченных) форм крестных имен. Процесс сокращения (усечения), как уже упоминалось, часто проходил не в самом литовском языке, а в языках-посредниках (польском, белорусском, русском, немецком и т. д.) — литовский язык заимствовал уже претерпевшие изменения имена и фамилии.

Все эти имена, фамилии и многочисленные их варианты пришли не в литовский литературный язык, а в литовские диалекты, и тоже сильно изменили свой облик. Кроме того, в фонде современных литовских фамилий отмечаются самые разнообразные графические варианты.

Эти и другие обстоятельства снижают до минимума возможность унификации литовских фамилий. Например, литовские фамилии, связанные с каноническим именем польск. Maciej, русс. *Матфей* (лит. Motiẽjus,) в настоящее время имеют много вариантов: Mackẽlis, Mackẽvičius Mãckus; Mockẽlis, Mockẽvičius, Mõckus; Mocáitis, Mãcas, Maceikà, Macijáuskas, Macỹs, Maciùlis, Mãcius; Mačáitis, Mãčas, Mačeikà, Mačijáuskas, Mačỹs, Mačiùlis; Mãčius, Mõcius, Moceikà, Mosỹs; Mõčius, Močiùlis, Močejáuskis и т. д. Одни из этих вариантов сформировались в литовском языке, другие — пришли из славянских языков, третьи являются графическими преобразованиями и т. д.

Так или иначе, все они стали официальными фамилиями — своеобразным юридическим фактом,— и в таком виде утвердились в общенародном употреблении и в литературном языке.

Эти обстоятельства препятствуют сколько-нибудь значительно сократить число подобных вариантов. Поэтому в словаре они будут идти под заглавными словами. Все же, несмотря на очевидные опасности и трудности, в словаре намечается провести некоторую лингвистическую обработку фамильного материала с целью дать исследователям и широкой общественности наиболее надежные, аутентичные формы литовских фамилий. Лингвистическая обработка будет вестись в основном за счет явных диалектизмов и бесспорных искажений. В таких случаях ненадежные, «нелитературные», искаженные фамилии будут выделены графически.

Фамилии в словаре будут даны с указанием акцента.

В словарной статье после самой фамилии намечается дать сведения о распространении и частоте каждой фамилии.

Для этой цели территория республики разбита приблизительно на 280 частей. В каждой части выделен наиболее значительный населенный пункт. Распространение фамилии будет указано путем перечисления сокращенных названий тех населенных пунктов, в окрестностях которых известна данная фамилия.

Частота фамилии определяется двумя цифрами. Одна из них, стоящая после сокращенного названия населенного пункта, будет указывать число семей, имеющих данную фамилию только в этом регионе. Вторая цифра, данная в скобках после перечисления сокращенных названий всех населенных пунктов, даст информацию об общем количестве семей, имеющих данную фамилию. Например: Bùrusas — Akm 14, Lž 5, Trk 3, Vgr (23).

Это значит, что в окрестностях Акмяне (Akmenė) известно 14 семей, носящих фамилию Bùrusas, в окрестностях Лайжува (Laižuva) — 5, в окрестностях Тиркшляй (Tirkšliai) — 3, в окрестностях Вягяряй (Vegeriai) — 1. Всего семей, носящих фамилию *Bùrusas,* известно 23.

После указания распространения и частоты намечается дать некоторые предварительные замечания о происхождении фамилий. Прелиминарность этимологических сведений определяется многими факторами.

Объем (около 40 000 словарных статей), темпы составления словаря и другие обстоятельства ограничивают возможность дать более исчерпывающие этимологии фамилий. Однако эти обстоятельства имели бы второстепенный характер, если бы общее положение в балтийской и славянской антропонимической науке было бы лучше.

Славянская антропонимика здесь упоминается не случайно. Фамилии, заимствованные из славянских языков, и фамилии, образованные от заимствованных из славянских языков (или пришедших через славянские языки) антропонимов, составляют около 60% всех современных литовских фамилий. Поэтому ключом к объяснению происхождения литовских фамилий является славянская антропонимия. К сожалению, как балтийская, так и славянская антропонимия собрана, опубликована и исследована недостаточно. Правда, в последнее время в славянской антропонимике наблюдается заметное оживление. В первую очередь это относится к польской антропонимике, обогатившейся важными обобщающими изданиями [3]. Исключительное значение для этимологических справок составляемого словаря будут иметь две книги белорусского лингвиста Н. В. Бирилы по белорусской антропонимике [4]. Украинская антропонимика хотя и не располагает большими обобщающими работами, все же имеет ценные для наших целей публикации [5]. По русской антропонимике больших обобщающих работ в последние годы не появилось. Более ранний период развития славянской антропонимики тоже не отличался обилием основополагающих изданий, которые могли служить исчерпывающими источниками для эти-

---

[3] Słownik staropolskich nazw osobowych. Pod redakcją i ze wstępem Witołda *Taszyckiego,* t. I—III. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965—1973; *S. Rospond.* Słownik nazwisk Śląskich, cz. I, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967; *J. Mączyński.* Nazwiska Łodzian (XV—XIX wiek). Lódź, 1970; *J. Bubak.* Nazwiska ludności dawnego starostwa Nowotarskiego, cz. I, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970; *M. Karpluk.* Słowiańskie imiona kobiece, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961 и др.

[4] *М. В. Бірыла.* Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966; Беларуская антрапанімія, ч. II, Мінск, 1969.

[5] Ср. в первую очередь, *Ю. К. Редько.* Довідник українських призвищ. Київ, 1969; *С. П. Левченко, Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзяківська.* Словник власних імен людей. Київ, 1961 и др.

мологии славянских антропонимов и их заимствований в других языках[6].

Уровень развития балтийской антропонимики тоже недостаточен для того, чтобы стать твердой опорой для этимологии современных литовских фамилий. Но все же и балтийская антропонимика располагает важными исследованиями в этой области: по древнепрусской антропонимике — работу Р. Траутмана[7], по латышской — исследование Е. Блесе[8] и, кроме того, довольно полный список латышских фамилий «Адреса латышских земельных собственников...»[9]. По этой книге в Институте литовского языка и литературы для этимологических сравнений составлена алфавитная картотека латышских фамилий, имеющая около 30 000 карточек.

Литовская антропонимия исследована слабо. Это в первую очередь относится к фамилиям. Антропонимия вообще, в особенности ее древний, балтийский, слой и некоторые другие пласты заслуживали большего внимания[10].

Суммируя все сказанное, можно сделать неутешительный вывод, что исчерпывающая этимология всех литовских фамилий еще невозможна. Но, с другой стороны, уровень развития балтийской, славянской и, в особенности, германской антропонимики позволяет дать прелиминарные этимологические замечания там, где это окажется возможным.

Для этимологии фамилий балтийского происхождения в качестве программы максимум ставится задача довести ее, где это будет посильно, до апеллятива. Например:

---

[6] Подробнее см. *О. Н. Трубачев.* Указ. соч., стр. 12 и след.; *A. Vanagas.* Lietuvių pavardžių žodyno sudarymo principai ir struktūra, «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai». A serija, 2(36) t. (1971), стр. 188 и след.

[7] *R. Trautmann.* Die altpreussischen Personennamen. Göttingen, 1925.

[8] *E. Blese.* Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas, I. Rīgā, 1929.

[9] Lauksaimnieku un citu zemes īpašnieku adresu grāmata. Red. *V. Salnais* un *A. Maldups.* Rīgā, 1931.

[10] Имеются в виду в первую очередь труды К. Буги и работы последнего времени: *Ю. Юркенас.* Древние сложные имена в письменных памятниках Великого княжества Литовского, канд. дисс., Историко-филологический ф-т Вильнюсского гос. ун-та им. В. Капсукаса. Машинопись; *J. Dumčius.* Antikiniai vardai lietuvių literatūrinėje kalboje, канд. дисс., ч. 1. 2. Историко-филологический ф-т Вильнюсского гос. ун-та им. В. Капсукаса. Машинопись и некоторые другие.

Balañdis Dt 20, Gr, Grl, Vl 2... Žmt 2 (129). Из лит. balañdis ‘голубь’, Beržìnis Akm 2, Dgl, Igl...Žg 4 (40). Образована с суфф. -inis от лит. béržas ‘береза’.

Для фамилий, образованных с литовскими патронимическими суффиксами от канонических имен, будет указано, с каким суффиксом и от какого имени или соответствующей фамилии образована фамилия. Например: *Abrom-áitis* Al 2, Bbl, Bt 2... Žm (99). Образована с суфф. -aitis от Abrõmas ‘Аврам’.

Если фамилия выходит прямо из канонического имени, то будет указано это имя: *Abrõmas* Jnšk, Šl 4, Vdk, Žgč 11 (17). Из канонического имени Abrõmas ‘Аврам’.

Для заимствованных фамилий будет дан источник (или несколько возможных источников) заимствования. Например: *Bajárskas* Kdn 2, Lnkv 3, Slč... Šl (14). Ср. польск. Bojarski,... Bojerski...; *Bagdan-ãvičius* Al 4, Alv 5, Ant 2... Žž 2 (147). Ср. польск. Bogdanowicz,... блр. *Багдановіч*,... русск. Богданович...; *Albrechtas* Bbl, Gl, Snt... Trg 8 (14). Из герм. Albrecht... [11].

---

[11] Разумеется, будут и многие другие аспекты этимологии, но они здесь не перечисляются.

А. Б. Пеньковский

РУССКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО ДВУХКОМПОНЕНТНОЙ МОДЕЛИ «ИМЯ + ОТЧЕСТВО»

Бурный рост антропонимических исследований в последние два десятилетия обусловил становление антропонимики как самостоятельной области научного познания и позволил заложить основы этой науки. Но то, что сделано,— только начало, и до идеала — восстановления русской антропонимической системы во всей ее полноте — еще достаточно далеко. Не обследован ряд важных секторов русского антропонимического пространства, по

некоторым же другим — материал, находящийся в нашем распоряжении, явно неполон и потому недостаточно осмыслен. Многие важные теоретические проблемы пока остаются нерешенными, иные же и вообще еще не поставлены [1].

Так, например, если основные (базовые) антропонимические единицы — личные имена, отчества, фамилии и прозвища — давно уже являются предметом заинтересованного внимания ученых, собираются, описываются и исследуются в различных аспектах и с разных точек зрения, то соединения этих единиц друг с другом (а также с некоторыми апеллятивными именами лиц) в составе двух-, трех- и многокомпонентных сочетаний, являющихся важнейшими формами личного именования, оказываются совершенно неизученными.

Одной из причин такого положения следует, по-видимому, считать то, что указанные комплексные формы, образуемые по определенным типовым моделям путем своеобразного нанизывания базовых антропонимических единиц (*Петр, Петя, Петька, Иванович, Сидоров, Гвоздь* и т. п.), представляют собой рядоположные соединения (*Петр Сидоров, Петя Сидоров, Петька Сидоров, Петька-Гвоздь, Петр Иванович, Петр Иванович Сидоров*), входя в которые базовые антропонимы, по общему молчаливому предположению, остаются тождественными себе, не подвергаясь каким-либо синтагматическим изменениям. Ниже будет показано, что по крайней мере для части случаев такое представление несправедливо, но сейчас важно подчеркнуть одно: на современной антропонимической карте такие комплексные образования создают обширное белое пятно.

Для них не выработана необходимая научная терминология. Не известен полный набор моделей, по которым они образуются. Не исследованы взаимоотношения между этими моделями и правила трансформации, определяющие возможные переходы от одной модели к другой. Не установлен характер внутренних связей между их компонентами, возможности их лексического наполнения и обусловленные этим возможности их внутреннего варьирования. Не выяснены и не кодифицированы стихийно

---

[1] Ср.: *В. А. Никонов.* Задачи и методы антропонимики. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970.

сложившиеся и, видимо, развивающиеся нормы употребления тех или иных форм, хотя именно с их помощью носители русского языка в различных социальных и возрастных группах и в различных ситуациях и условиях общения осуществляют различные виды личного и персонифицирующего именования. Совершенно не изучены стилистические и образные потенции таких форм и правила, по которым происходит их преобразование в художественной речи [2].

Важнейшее место в указанном кругу образований принадлежит личным именованиям, построенным по двухкомпонентной модели, соединяющей личное имя и патронимическое имя (отчество). Статус и уровневая принадлежность этой модели и ее конкретных реализаций не получили в русском языкознании устоявшейся интерпретации.

1. Есть основания считать, что двусловные именования лица типа *Иван Васильевич, Марья Петровна* и т. п., обладая целостностью номинации, занимают промежуточное положение между словосочетаниями (с аппозитивным определением-приложением) и составными словами, причем обнаруживают тенденцию к превращению в составные слова.

1.1. Со словосочетаниями их сближает:

1) то, что каждый их компонент является самостоятельной лексемой и может использоваться в самостоятельном употреблении;

2) то, что эти компоненты синтагматически связаны — как бы ни квалифицировать способ связи между ними: как согласование (в традиционном или новейшем понимании этого явления [3]), как координацию, корреляцию, параллелизм или как-нибудь иначе;

[2] Посвящая этой последней проблеме специальное исследование, отмечу здесь только одно принципиально важное положение: в художественном тексте любое личное именование, не переставая быть самим собой, преобразуется в личное имя. Именно этим объясняется возможность этимологического анализа таких именований применительно к их носителям, что для естественных образований бессмысленно. Именование и имя — таковы те два полюса, между которыми в восприятии читателя и слушателя создается пульсирующее напряжение большей или меньшей мощности, которое и обеспечивает необходимый художественный эффект.

[3] См. *Ю. С. Степанов.* Современные связи лингвистики и логики.— ВЯ, 1973, № 4, стр. 66.

3) то, что каждый из компонентов может эллиптироваться. При этом эллипсис отчества ситуативно ограничен и всегда конситуативен (обычное именование лица одним личным именем не является эллиптированной реализацией рассматриваемой модели), тогда как эллипсис имени может быть, по-видимому, и языковым.

Эллипсис этих компонентов может иметь специальный лексический показатель. В этой роли выступает частица *просто,* получающая местоименную функцию на синтаксическом уровне и используемая как знак эллиптированного компонента. Ср.: — Как вас по отчеству-то, Агата? — Да никак... Просто Агата (А. Иванов, Вечный зов); — Добрый день, Анна Дмитриевна. — Здравствуйте, здравствуйте. Только уж зовите меня просто Митриевна (из записей устной речи). Ср. также: «...с переходом в неофициальную сферу имя часто подвергается диминутивной деривации и эллипсису. Например: ...*Ирина Васильевна — Ирина* или просто *Васильевна*»[4].

1.2. С составными словами их сближает:

1) то, что, характеризуясь раздельностью и склоняемостью обоих компонентов, они обнаруживают в разговорной речи тенденцию к слиянию этих компонентов в единое целое с утратой склонения первой части (ср.: *Иван Петрович — Иван-Петровича, Иван-Петровичу, Иван-Петровичем* и т. п.)[5];

2) то, что образующееся в результате такого слияния единство получает возможность выступать в качестве производящей основы притяжательных прилагательных (ср.: *Иван Петрович — Иван-Петровича — Иван-Петровичев, -а, -о, -ы* и т. п.).

1.3. К двум только что охарактеризованным рядам общностей следует прибавить еще то, что объединяет все три типа образований, а вместе с ними и сложные сло-

---

[4] *А. В. Суперанская.* Общая теория имени собственного. М., 1973, стр. 163—164.

[5] В беглых, аллегровых стилях речи к этому изменению в мужских и женских именованиях определенной фонетической структуры присоединяется явление фонетической компрессии. Ср.: *Александр Александрович — Сан-Саныч* или *Сан-Санч, Марья Ивановна — Марь-Ванна, Людмила Александровна — Л-Санна* и т. п. Особенно показательно, что женские именования такого типа свободно образуют известные разговорные звательные формы. Ср.: *Марья Ивановна — Марь-Ванна — Марь-Ванн!; Анна Александровна — Анн-Санна — Анн-Санн!* и т. п.

ва, — возможность создания на их базе разного рода аббревиатур (*Николай Николаевич — Ник-Ник* или *Эн-Эн* и т. п.).

Едва ли справедливо связывать образование аббревиатурных антропонимов только с практикой конструирования псевдонимов и, поскольку выступления в печати под псевдонимом стали редкостью, утверждать, что такие аббревиатуры сейчас почти не возникают[6]. Аббревиатуры-антропонимы широко используются в устном общении целого ряда коллективов — школьных, студенческих, научных и др. Ср. отражения этого в языке художественной литературы: ...все шло вроде бы своим чередом, тем более, что ПэПэ — как звали сотрудники Петра Петровича Кирьянова — хозяйничать ей не позволял и все решал сам (А. Лиханов, Паводок, «Юность», 1972, № 7); — Всю летучку его долбают. Хоть бы ты сказал два слова в его защиту... — Я скажу. За что долбают-то? — Ну, ты же знаешь: Эрэр его не переваривает... (Ю. Трифонов, Бесконечные игры, 5) («Эрэр» — Роман Романович) и др. под.

Показательны в этом отношении явления антропонимического раскрытия аббревиатур-апеллятивов. Ср., например, широко распространенное в первые годы Отечественной войны именование бронепоездов («бэ-пэ») именем «Борис Петрович» (см.: Я. Шведов, Из дневника батальонного комиссара, «Молодая гвардия», 1974, № 4) и др. под.

1.4. Наличие у рассматриваемых словосочетаний признаков составного или даже сложного слова объясняется спецификой их семантики и структуры. Обладая целостностью номинации и обнаруживая тенденцию к целостности семантики, эти словосочетания фразеологичны по своей структуре. В этом отношении они сближаются с фразеологизированными конструкциями и, как и эти последние, строятся по определенной и строгой фразеосхеме.

Этим обусловлено то, что, при широких возможностях лексического наполнения и фонетического варьирования компонентов, совершенно невозможны ни их перестановка (ср. *Иван Петрович,* но не *Петрович Иван*), ни разде-

---

[6] См. «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 67.

ление вставными единицами[7]. Даже подстановка вместо нормативных полных форм входящих сюда личных имен — их производных с различными эмоционально-оценочными суффиксами и вообще всех так называемых полуимен (ср. былинные *Илеюшка Иванович, Добрынюшка Никитич* и т. п., народно-песенные типа *Клавденька Гордеевна* и под., диалектные, например, пермские типа *Дуня Николаевна* и т. п.) противоречит сложившейся антропонимической норме.

Ср. снятие этого ограничения — с сознательным нарушением фактической антропонимической нормы — в специально детских именованиях при шутливом обращении взрослых к ребенку как к взрослому или — вследствие незнания нормы — в детских «взрослых» самопредставлениях типа *Оля Петровна* и т. п. (отражение этого см., например, в рассказе В. Белова «Вова-сатюк») и в некоторых других случаях. См., например, *Даша Викторовна,* именование, которым велела называть себя учительница-татарка, героиня рассказа Ю. Дружникова «Уроки молчания», потому что «паспортное имя у нее трудно выговаривается и не нравится ей» («Юность», 1974, № 5).

Противоречат строгой норме и известные некоторым стилям непринужденного общения ласкательные с оттенком фамильярности образования типа *Иванушка Петрович, Танечка Николаевна* и т. п. Показателен случай с сознательным противопоставлением двух типов форм: «Скажи не *Катеньке Николаевне,* а *Катерине Николаевне,* что брат ее будет разве через месяц...» (П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской, 13 января 1832 г.). Ср. также отражения: — Подождите минутку, *Егорушка Иванович,* — сказала она... (С. Дангулов, Кузнецкий мост); — Только информация у тебя, *Ганночка Денисовна,* односторонняя... (Д. Гранин, Дождь в чужом городе) и т. п. То же самое следует сказать и о «суффиксально-согласованных» формах, которые (в связи с невозможно-

---

[7] Если не иметь в виду некоторые частицы, которые более или менее свободно вводятся между компонентами любых фразеологизмов (ср.: ...через Амалию же Ивановну...— *Ф. М. Достоевский.* Преступление и наказание, ч. 5, гл. 2), то едва ли не единственным исключением оказывается народно-поэтическое, уважительно-величательное *свет,* известное как своего рода вокативная частица (ср.: *Иван-свет-Петрович*). Между тем, раньше в русском языке в этой позиции использовался широкий круг личных апеллятивов.

стью уменьшительно-ласкательных образований от мужских патронимических имен) представлены только женскими именованиями типа *Танечка Петровночка, Танюшка Петровнушка, Оленька Петровненька* и под.

2.0. Сказанным определяется влиятельность рассматриваемой модели, объясняющая целый ряд различных по частоте и распространенности, но в любом случае показательных явлений.

2.1. Таковы, например, факты преобразования второго личного имени в двойных парных именованиях типа *Козьма-Демьян* (<*Косьма* и *Дамиан*) в отчество, откуда *Козьма* (*Кузьма*) *Демьянович*[8].

То же при перестройке на русский лад иноязычных многокомпонентных именований, когда немец *Христофор Теодор Готлиб Лемм* становится *Христофором Федоровичем* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо), а француз *Жан Батист Боке* превращается в *Ивана Батистовича* (А. И. Герцен — М. К. Рейхель, 3 марта 1853 г.) и т. п. Ср. также именование *Егор Федорович* в качестве «домашнего» фамильярного имени *Георга Теодора Гегеля* в московских философских кружках первой четверти прошлого века.

Показательно также преобразование по модели имя + +отчество личных именований, представляющих сочетание имени с прозвищем или с высоким приложением-эпитетом в функции второго имени. Отсюда такие широко представленные в былинном языке образования, как *Михаил Козарьевич* (<*Михаил Козарин*), *Мишаточка Путятович* (<*Мишаточка Путята*) или *Змей Тугаринович* (<*Змей Тугарин*) и др. под. Ср. также менее распространенные случаи типа *Иван Златоустович* (с. Б. Удолы Вязниковского р-на Владимирской обл.) <*Иван Златоуст* или соотношение русского народно-поэтического *Днепр Словутич* и укр. *Дніпр-Славута* и т. п.

Особо должна быть отмечена связанная с историей формирования патронимических имен и возникновением на определенном ее этапе омонимии отчеств и фамилий

---

[8] Ср., например, в тексте русской свадебной песни: «Ты, святой ли ты, *Козьма Демьян*, Да *Козьма* ли ты *Демьянович*!». Ср. также шутливое «Давненько я у *Фрола Лаврыча* не бывал» (о церкви святых Флора и Лавра), записанное нами в д. Малые Удолы Вязниковского района Владимирской области.

на *-ов* возможность аналогичной трансформации образований, построенных по двухкомпонентной модели «имя + +фамилия». Ср. превращение *Гришки Отрепьева* в *Гришку Отрепьевича* («Приехал в Москву самозванный царь, Самозванный царь Гришка Отрепьевич», Былины Севера, т. II, № 108) или, например, какого-нибудь *М. Н. Лонгинова* в *Михаила Лонгиновича* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Январь 1864 года).

2.2. О влиятельности рассматриваемой модели свидетельствует, несомненно, и яркий прием конструирования личных и персонифицирующих именований из неантропонимов путем присоединения к ним одного из узкого круга готовых «ключевых» отчеств.

Таковы, во-первых, персонифицирующие именования природных объектов типа *Гром Иванович, Мороз Иванович, Дон Иванович, Дунай Иванович* (ср. также более поздние *Урал Иванович* и *Амур Иванович*) и т. п. в языке различных народно-поэтических жанров и, в качестве реминесценции, в живой народной речи. Ср. также в стилизации: — Здравствуй, Заря-Заряница, красна девица! Здравствуй, День Иванович! (В. Пулькин, Кижские рассказы).

Таковы, во-вторых, некоторые персонифицирующие именования животных типа *Котофей* (*Котонайло, Кысарей*) *Иванович* (для кота), *Лисафья* (*Лисава, Лисавета*) *Ивановна* (для лисы), *Петушайло Иванович* (для петуха), обычные в языке загадок, русской сказки и других сопредельных жанров.

Вместе с некоторыми другими, вполне антропоморфными именами животных, каковы *Хавронья Ивановна* (для свиньи), *Михаил Иванович* (для медведя), *Марья Ивановна* (для медведицы) и *Левон(тий) Иванович* (для волка), они образуют особый антропоморфный именник, противопоставленный апеллятивному именнику всех остальных домашних и диких животных[9].

---

[9] Этот факт может, вероятно, свидетельствовать об особом месте, которое занимают перечисленные животные герои в сказочном мире, выступая как связующее звено между двумя противопоставленными его частями — домом и лесом. Об этом противопоставлении см.: *В. В. Иванов* и *В. Н. Топоров.* Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965. Если это так, то последующее расширение указанного круга животных имен можно было бы рассматривать как проявление отхода от первоначальной традиции. Ср.,

Сходные антропоморфные именования предметов обнаруживаются и в иных случаях. Таковы, например, ритуальные (в заговорах) именования типа *Анна Ивановна* (в обращении к полуношнице, особой детской болезни) или *Соломония Ивановна* (в обращении к целебной росе) и т. п. (см.: П. С. Ефименко. Материалы для этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 2. М., 1879). Ср. также именования предметов, принятые в практике общения тех или иных узких коллективов, например, имя самовара *Иван Иванович* в семье художника Серова (см.: Н. Я. Симонович-Ефимова. Воспоминания о В. А. Серове. Л., 1964, стр. 21) или в индивидуальном употреблении одного лица: «Он снял саблю и, сказав: «Подождите здесь, *Софья Ивановна*!», поставил ее в угол...» (Н. А. Некрасов. Очерки литературной жизни. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 306); Анатолий Васильевич пил местную минеральную воду, принимал дигиталис и строфантин, который он величал «*Строфантий Иваныч*» (Н. А. Луначарская-Розенель. Последний год. «Прометей», I. М., 1966, стр. 225) и т. п.

Таковы, в третьих, оценочно-характеризующие личные именования (преимущественно вокативы) типа *Балда Иванович* (*Ивановна*) и под., широко распространенные в говорах, просторечии и разговорной речи. Ср., например, в одном из рязанских говоров: Кроф' он штол'? Он д'ит'ам кроф', а мн'е он — *Ч'орт Иваныч*! (Словарь современного русского народного говора. М., 1969, стр. 253). Ср. также:—...Танцуешь с какой-нибудь *кривулей ивановной,* улыбаешься по-дурацки, а сам думаешь... (А. Чехов. Один из многих); — Дядя, нет ли какой работенки на станции? — Работа есть, *Шут Иваныч*... (В. Розов, В дороге, д. II);— А ты что же, *обалдуй иванович,* зачем ты той девице дал адрес? Котелок твой соображает? (Ю. Пиляр, Последняя электричка, II); — Ну чего, чего, *трус Иваныч*? Чего ты? (Г. Бакланов, Друзья, VII) и т. п.

Отсюда — как вторичное явление — использование подобных образований в отношении к абстрактным поняти-

---

например, такие образования, как *Зверь Иванович* (в обращении к лосенку — *В. Шишков.* Лесной житель) или *Ворона Ивановна* в одноименном рассказе и сборнике Д. Горбунова (Ярославль, 1972).

ям, действиям, общественным движениям и т. п. Ср.: «...нельзя всем построить собственные домики и безмятежно жить в них, пока двужильный старик *Захват Иванович* сидит на большой коробке да похваливается, а свободная человечья душа ему молится...» (Н. С. Лесков, Некуда, кн. I, гл. XXV, 1).

2.3. Второй компонент рассмотренных именований, патронимическое имя на *-ович, -овна,* присоединяясь к апеллятиву, употребляется с погашенным антропонимическим значением, приобретая взамен другие функции. Оно становится здесь прежде всего знаком определенной антропонимической модели и, выступая как представление второго ее компонента, маркирует все образование в целом и особенно первую его часть, придавая апеллятиву статус антропонима [10]. В то же время это имя оказывается еще и этнонимизирующим знаком, знаком принадлежности объекта культурному миру русского этноса.

Словообразовательно связанные с личным именем *Иван* и фамильными *Иванов, Иванова*, этими именами-символами «среднего русского» (ср. *Свен Свенссон* как имя «среднего шведа») [11], патронимы *Иванович, Ивановна* также являются символическими, и употребление их в такой функции может считаться строго нормативным.

Использование на их месте других патронимических имен (ср. народное именование сохи *Сохой Андреевной* или имя *Потапович* в сказочном именовании медведя и т. п.) наблюдается лишь единично и, обнаруживая четкую обусловленность некоторыми специальными семантическими и фонетическими факторами, должно рассматриваться как явление преднамеренного и экспрессивно оправданного нарушения указанной нормы.

Норма, о которой идет речь, должна быть признана одной из важнейших ономастических норм и тем более интересна, что за ней стоит многовековая культурно-эт-

---

[10] В этом отношении — при отсутствии для таких образований прочной орфографической традиции, что указывает на устный источник их проникновения в литературный язык,— чрезвычайно показательны расхождения в их написаниях.

[11] Отсюда специфический подбор фамилий к имени *Иван* в практике создания псевдонимов. Ср. *Иван Человеков* (псевдоним С. Д. Махалова), *Иван Русаков* (псевдоним В. Ф. Майстраха), *Иван Русопетов* (псевдоним К. Н. Леонтьева) и т. п. (см. *И. Ф. Масанов.* Словарь псевдонимов, т. III, стр. 39, 233).

ническая традиция. У истоков ее находятся именования типа *Дунай Иванович*. Одно из последних ее порождений — именование *Мамонт Иванович* (по сообщению Московского телевидения — чучело мамонта, выставленное СССР на международной выставке «Экспо-73» в Японии).

В XIX в. эта же традиция сделала патронимы *Иванович, Ивановна* знаком натурализации нерусских в России. Одни получили такое отчество в качестве правильного трансформа их собственного второго имени, другие — в соответствии с подлинным именем отца (*Иоганнов* среди немцев было достаточно много), третьи — как условное второе имя, позволявшее избежать фонетических трудностей, связанных с образованием отчеств от тех или иных нерусских имен. Одни носили его как часть законного паспортного именования, другие присваивали его себе самовольно, третьи получали его условно от русского окружения. Один из самых ранних примеров: *Ивановичем* стал выдающийся художник-калмык, родившийся около 1765 г., в пятилетнем возрасте похищенный в астраханских степях яицкими казаками, доставленный ко двору Екатерины и получивший при крещении имя *Федор* («Прометей», вып. 9. М., 1973, стр. 48). Ср. также рассказ А. Чехова «Перекати-поле», герой которого *Исаак* принял при крещении имя *Александр Иванович*. Ср. даже: «Ребенка при святом крещении назвали Васильем. Отец звал его Вильгельм-Роберт. Мать, лаская дитя у своей груди, звала его Васей, а прислуга Вильгельмом Ивановичем, так как Ульрих Райнер Мария в России именовался, для простоты речи, Иваном Ивановичем» (Н. С. Лесков, Некуда, кн. 2, гл. 3).

Вот откуда в русской прозе XIX в. многочисленные персонажи второго плана: *Адамы* (*Густавы, Крестьяны, Францы*) *Ивановичи* и *Амалии* (*Кристины, Матильды, Эрнестины*) *Ивановны* — учителя немецкого языка, управляющие имениями, ремесленники, купцы, врачи, кухмистеры, домовладельцы, акушерки и т. п. Особенно широко (от вдовы генерала фон В. в пушкинском отрывке «В 179 * возвращался я...» до учителя в «Детстве» Л. Толстого) представлены среди них *Каролины Ивановны* и *Карлы Ивановичи* (или *Иваны Карловичи*). Ср.: «Управляющий! уж в одном этом слове сейчас слышится немец, какой-нибудь Карл Иванович Бризенмейстер или еще

помудренее...» (Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов. Как опасно предаваться человеколюбивым снам); — Тьфу! всё навыворот, все теперь кверху ногами пошли. Девушка в доме растет, вдруг среди улицы прыг на дрожки. «Маменька, я на днях за такого-то Карлыча или Ивановича замуж вышла, прощайте!» (Ф. М. Достоевский, Идиот, ч. 2, гл. IX — слова генеральши Епанчиной).

2.4. Неукоснительная строгость, с какой в русском языке соблюдается фразеосхема рассматриваемой модели, обеспечивает беспрепятственное восприятие и однозначное понимание соответствующих сегментов писаных и произнесенных текстов как репрезентантов именно этой, а не какой-нибудь иной антропонимической модели [12]. Отсюда — благодаря высокой информативности и идентифицирующей и дифференцирующей силе этой модели — почти неограниченная свобода лексического наполнения каждого из ее компонентов.

2.4.1. Помимо стандартных антропонимов, т. е. личных имен, находящихся в живом обращении на данном синхронном срезе русского языка, наполнителями основ компонентов этой модели могут быть любые архаические имена из состава языческого и христианского именословов, любые экзотические иноязычные имена и имена вымышленные, придуманные или сконструированные в тех или иных целях.

Это совершенно очевидно в отношении первого компонента модели, но столь же справедливо и в отношении второго ее компонента, поскольку патронимические имена на *-ович, -овна* свободно образуются от любых антропонимических основ — непосредственно от основ на согласный или при помощи интерфикса *-j-* от основ на

---

[12] Этому способствует, несомненно, обычное противопоставление патронимических и фамильных имен на *-ович* по месту ударения (ср.: *Анто́нович — Антоно́вич, Серге́евич — Сергее́вич* и т. п.) при отсутствии у фамильных имен стянутых и синкопированных вариантов. Ср. также противопоставление патронимических имен на *-ович* и фамильных имен на *-евич* (*Анто́нович — Антоне́вич* и т. п.). На основе таких противопоставлений сложились нередкие в практике создания псевдонимов специальные приемы преобразования отчеств в фамилии, типа *Александр Серафимович* Попов > *А. С. Серафимо́вич* и под., где перенос ударения функционально тождествен усечению морфа *-ич* (ср.: *Андрей Платонович* Климентьев > *Андрей Платонов*).

гласный, т. е. не знают по существу никаких морфонологических ограничений [13].

Что касается их ограничения основами только мужских и притом только официальных мужских имен, то оба эти ограничения имеют, несомненно, экстралингвистический характер.

Первое обусловлено отсутствием в современной системе личного именования матронимического принципа [14], но легко снимается в некоторых неофициальных ситуациях общения (при шутливом подчеркивании того, что ребенок весь в мать, для указания на то, что его отец неизвестен [15] и т. п.) или при описании фантастического общества будущего, принявшего матронимический принцип [16].

Другое ограничение обусловлено несовместимостью сфер употребления сокращенных и экспрессивно-оценочных форм личных имен, с одной стороны, и патронимических имен, с другой, и их принадлежностью разным моделям: первые являются неофициальными и принадлежат однокомпонентному именованию «личное имя» или двухкомпонентной модели «имя+фамилия»; вторые же являются официальными, соответственно принадлежа либо двухкомпонентной модели «имя+отчество», либо трехкомпонентной модели «имя+отчество+фамилия». Ср. снятие этого ограничения в случаях, когда сокращенное имя избирается в качестве полного и оказывается

---

[13] Именно эта морфонологическая универсальность объясняет широкое и свободное принятие рассматриваемой модели многими народами, населяющими Советский Союз. См. публикации на эту тему в сб.: «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970.

[14] Судя по фамильным именам на *-ич* типа *Татьянич, Маринич* матронимический принцип свободно использовался в прошлом, правда для образования не отчеств, а прозвищ, которые затем становились фамилиями и получали продолжение в фамилиях на *-ичев* типа *Татьяничев.*

[15] Ср., например, имя одного из героев повести Н. Кочина «Девки» — *Анныч,* которому отец его, так как он был «пригулыш», дал отчество по матери и заставил попа записать его в книгу (см. кн. 3, гл. 7. М., 1974, стр. 235).

[16] Ср., например, следующий диалог из повести-сказки В. Шефнера «Скромный гений»: — А как тебя величать-то? — ...Меня зовут Матвей Людмилович.— А меня Степан Степанович. Я этих материнских отчеств не признаю,— добавил он с доброй стариковской усмешкой...

официальным (*Жорж → Жоржевич, Олесь → Олесевич*[17]), и в некоторых других ситуациях[18].

2.4.2. Наполнителями компонентов рассматриваемой модели могут быть также и нарицательные имена, апеллятивы, что свидетельствуется как официальными именами реальных лиц (ср. отмеченные в литературе предмета имена *Аргон, Гений, Трактор* и т. п., откуда, естественно, и соответствующие патронимические имена у лиц следующего поколения[19]), так и вымышленными, обычно в художественно-выразительных целях, именами[20].

Однако во всех подобных случаях апеллятивы подвергаются предварительной антропонимизации и входят в состав компонентов именования уже как полноправные антропонимы. Поэтому речь здесь должна идти о таких образованиях, в состав которых апеллятивы входят именно как апеллятивы, и если и становятся антропонимами или приобретают статус антропонима, то не до, а после и в результате такого вхождения. Можно указать три вида таких образований:

1. Образования с апеллятивами в первой части. Таковы рассмотренные выше персонифицирующие именования предметов и животных типа *Дунай Иванович, Соха Андреевна* и т. п. и оценочно-характеризующие именования лиц типа *Дурында Ивановна* и т. п.

2. Образования с апеллятивами во второй части. Таковы, например, именования сказочных героев типа *Иван Быкович, Иван Водович* и подобные им, свободно образуемые окказиональные именования лиц.

3. Образования с апеллятивами в составе обеих частей. Таковы разнообразные персонифицирующие именования предметов и животных типа *Воспа Восповна, Ерш Ершович* и под. и оценочно-характеризующие именования лиц типа *Лихач Кудрявич, Сахар Медович* и т. п.

---

[17] См. *А. В. Суперанская.* Личные имена в официальном и неофициальном употреблении. «Антропонимика». М., 1970, стр. 188.

[18] Ср. у А. Чехова: [Барышни] Михаил Михайлович!.. [Лебедев] Мишель Мишелевич!.. (Иванов, д. II, карт. V).

[19] Можно полагать, что именно перспектива неизбежного последующего образования патронимического имени сдерживает и без того ограниченное использование апеллятивов в качестве мужских имен. Для женских имен, а также для прозвищ этот сдерживающий фактор отсутствует.

[20] Ср., например, Перспектива Степановна, Дуб Викторович и Сосна Викторовна в повести-сказке В. Шефнера «Человек с пятью «не»».

Апеллятивное наполнение, таким образом, создает два основных типа реализаций изучаемой модели: неоднородные (апеллятивно-антропонимические и антропонимо-апеллятивные) и однородные — с апеллятивным составом обеих частей [21].

2.4.3. Этим двум апеллятивным типам противопоставлен основной для этой модели тип однородных антропонимических реализаций, представляющих две разновидности образований:

1) Образования с несовпадающим, нетождественным наполнением компонентов модели — типа *Иван Петрович, Марья Александровна.* Их можно было бы назвать гетеронимическими или гетеронимами.

2) Образования с совпадающим, тождественным наполнением компонентов модели — типа *Иван Иванович, Александра Александровна.* Их можно было бы назвать таутонимическими или таутонимами.

При всем их внешнем сходстве, при всей их несомненной близости, эти две разновидности личных именований обнаруживают существенные различия. И не только лексические (они лежат на поверхности и совершенно очевидны), но и иные, скрытые за ними различия в характере и направлении внутренних связей между компонентами модели и их внешних связей. Вскрыть эти связи — значит получить ключ к объяснению всей (достаточно сложной, как было показано выше) системы реализаций изучаемой модели. Таким ключом может стать анализ различных реализаций модели с точки зрения мотивированности — немотивированности ее компонентов.

4.0. Подходя к антропонимическим единицам с указанной точки зрения, оказывается необходимым различать мотивированность — немотивированность их выбора (Мв—М̄в), значения (Мз—М̄з) и образования (Мо—М̄о), учитывая при этом, что все они могут получать языковое выражение (Мв+, Мз+, Мо+) или оставаться невыраженными (Мв−, Мз−, Мо−).

Для разных типов основных антропонимических единиц отношение их к этим видам мотивированности ока-

---

[21] Специально обо всей этой группе образований и связанных с ними теоретических проблемах см.: *В. Ф. Киприянов* и *А. Б. Пеньковский.* **Усилительные образования нарицательных имен, построенные по антропонимической модели.**

зывается различным, как различны их структурные особенности, способы введения в акт наречения и последующая антропонимическая жизнь.

4.1. Так, личные имена как правило не образуются (не придумываются и не конструируются) и не наследуются, а выбираются из определенного круга готовых имен. Поэтому они характеризуются мотивированностью выбора. Мотивированность эта может осознаваться или не осознаваться нарекающими и носителями имени, она может быть целиком экстралингвистической или опираться отчасти и на языковые признаки имени (характер его звучания, соответствие в том или ином отношении отчеству и/или фамилии и т. п.[22]), но, как правило, остается невыраженной[23].

В то же время личное имя как чистый знак, характеризующийся тенденцией к полной редукции лексического значения[24], должно быть немотивированным по образованию. Если в момент наречения такая мотивированность и имеется, например, в искусственно сконструированных именах типа *Вилен* (<В. И. Ленин), *Мэлс* (<Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), *Донара* (<дочь народа) и т. п.[25], то последующая их жизнь неизбежно приводит к забвению мотивированности — нередко даже для самих носителей таких имен, сохраняясь для них в лучшем случае через семейные предания[26].

4.2. Соответствующие характеристики патронимических имен оказываются существенно иными.

В отношении отчеств нарекающие не располагают свободой выбора, поскольку отчество однозначно предоп-

---

[22] Действие такого рода факторов обнаруживается, однако, преимущественно негативно — в случаях, когда явно нарушается необходимое соответствие.

[23] См. *В. А. Никонов.* Указ. соч., стр. 41—43.

[24] См. *А. В. Суперанская.* Общая теория имени собственного, стр. 236—249.

[25] См. о них: *Д. И. Алексеев.* К истории аббревиации личных имен. «Антропонимика». М., 1970, стр. 248; *Е. Ф. Данилина.* Имена-неологизмы (словообразование). «Лексика и словообразование русского языка». Пенза, 1972, стр. 16—24.

[26] Показателен случай, рассказанный С. Антоновым: «Когда я однажды в рабочей семье увидел девочку по имени Гертруда и спросил, почему ее назвали так старомодно, мне ответили: — Почему старомодно? Это сокращенное — Героиня труда» («Я читаю рассказ». М., 1973, стр. 214).

ределяется именем отца. Оно принудительно навязывается и нарекающим и нарекаемым исторически сложившейся системой личного именования. Отчества, таким образом, не выбираются (в отличие от имен) и не наследуются (в отличие от фамилий) [27], а образуются. Они образуются,— по-видимому, каждый раз заново [28] — от собственных мужских имен, представляя два особых продуктивных типа существительных с суффиксами *-ович/-евич* и *-овна/-евна* и два закрытых непродуктивных типа с суффиксами *-ич* и *-ична/-инична* [29].

При этом то, что с позиции нарекающих предстает как отсутствие свободы выбора отчества, для носителей отчеств оборачивается жесткими ограничениями их замены [30]. Последняя может иметь место либо как следст-

---

[27] Ср., однако, странное утверждение Н. А. Янко-Триницкой, что отчества; как и фамилии, переходят от одних лиц к другим в связи с различными родственными отношениями (см. ее: О некоторых особенностях имен собственных. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», т. XLII. М., 1957, стр. 243).

[28] То, что при этом — особенно в случаях образования отчеств от стандартных личных имен — вновь образуемое совпадает с уже образованным, создаваемое с готовым, ни в какой мере не противоречит высказанному утверждению, поскольку в таком совпадении отражается связанное с известной антиномией языка единство результата-процесса, охватывающее всю массу существующих в языке регулярных производных образований.

[29] Иное понимание механизма образования женских отчеств сформулировано в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970). Авторы соответствующего раздела, исходя из наличия объединяющего патронимические суффиксы морфа *-ов-* и опираясь на отношения, представленные в таких патронимических парах, как *Саввич — Саввична, Никитич — Никитична, Фокич — Фокична,* рассматривают все женские отчества как мотивированные мужскими (см. стр. 123). При этом, однако, полностью игнорируются реальные семантические отношения (*Петровна* — ‘дочь Петра’, а не ‘сестра Петровича’) и постулируется сложная операция замены морфов (*Петр→Петрович→Петровна* — с заменой морфа *-ич* морфом *-на*). Если прибавить к этому, что имена *Савва* и *Фока* уже ушли из современного именника, а от имени *Никита* все чаще, вопреки норме, образуются регулярные отчества *Никитович* и *Никитовна,* то обсуждаемую точку зрения нужно будет признать неоправданной и требующей пересмотра. Любопытно, что единственная пара, которая могла бы подкрепить уязвимую позицию авторов (*цесаревич* ‘наследник престола’ — *цесаревна* ‘жена цесаревича’), в «Грамматике» не приводится.

[30] Поэтому если имя отца предопределяет отчество детей, то отчество в его предвосхищающем представлении может корректировать

вие изменения имени отца [31], либо как следствие смены отца (при усыновлении).

Возможность свободного выбора отчества связана поэтому с редкими критическими ситуациями, когда имя отца по каким-либо причинам не может использоваться в качестве производящего (так бывало, например, при наречении отчества русским царицам иноземного происхождения [32]), когда имя отца неизвестно, а конкретный восприемник отсутствует (например, при наречении младенцев-подкидышей в приютах и детских домах) и т. д.

Очевидно, что отсутствие свободы выбора отчества в естественных ситуациях наречения делает вопрос о мотивированности выбора в отношении патронимических имен некорректным, и, значит, соответствующий признак оказывается для них в норме нерелевантным.

Другой важной особенностью патронимических имен, противопоставляющей их личным именам, является наличие у них определенного лексического значения. По формулировке новейшей грамматики, патронимические имена «обозначают лицо, являющееся сыном того лица, которое названо мотивирующим словом» [33]. Таким образом, *Иванович* значит «сын Ивана», *Ивановна* — «дочь Ивана» и т. п. в полном соответствии с русской пословицей, гласящей, что «все Иванычи — Ивановы детки».

Противопоставляясь по этому признаку также и фамильным именам (поскольку фамилия *Иванов,* например, несмотря на остаточную членимость, не обращает нашу мысль к некоему Ивану, зарытому под корнями генеалогического древа, и не обозначает ни «потомок Ивана», ни «из семьи Ивана»), патронимические имена характеризуются мотивированностью значения и образования и потому должны рассматриваться как полуантропонимы-

---

выбор имени и оказывается иногда тем ultima ratio, который заставляет отвергнуть уже избранное для наречения имя. Ср. в этой связи рассказанную Л. Успенским историю об имени Чанг.

[31] См. *Б. А. Успенский.* Из истории русских канонических имен. М., 1969, стр. 214.

[32] См. *Б. А. Успенский.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе. «Труды по знаковым системам». V. Тарту, 1971, стр. 483.

[33] См. «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 103.

полуапеллятивы, как единицы, совмещающие в себе признаки двух лексических классов [34].

4.3. Итак, можно утверждать, что личные имена и отчества противопоставлены по всем рассмотренным выше признакам (см. табл.).

Антропонимическ. единицы	Признаки противопоставления		
	Выбор	Значение	Образование
Личные имена	+	—	—
Отчества	—	+	+

Антропонимическ. единицы	Мотивированность		
	Выбор	Значение	Образование
Личные имена	+	0	0
Отчества	0	+	+

Поскольку, однако, патронимические имена в противоположность личным несвободны по употреблению и не могут в норме использоваться самостоятельно, выступая всегда как члены двухкомпонентных и трехкомпонентных именований и находясь всегда в односторонней зависимости от личного имени [35], то целесообразно уяснить себе, как складываются реально эти противопоставления в естественных условиях их функционирования, т. е. в различных типах реализаций двухкомпонентной антропонимической модели.

5.0. Можно предполагать, что в таких условиях указанные выше противопоставления должны принимать вид контрастов, а единство номинации должно порождать

---

[34] Не случайно, что из всех типов антропонимических единиц только патронимам противопоставлены в русском различные местоименные корреляты. Таковы, например, шутливые разговорно-простореч ные *Батькович, Батьковна* и диалектные уральск. сибирск. *Чеевич, Чеевна.* Ср.: — Как по отчеству? Чеевич ты будешь? — Павлинович.— А-а, Павлина Митрича сын?;— Полинарья, чеевна она — забыла, Платоновна, кажись, говорила мне... (*В. П. Тимофеев.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, стр. 115).

[35] Что касается использования отчеств в однословных именованиях типа *Петрович, Дмитриевна* и т. п., то в таких случаях, как было сказано выше, мы имеем дело с эллиптической реализацией двухкомпонентной модели.

тенденцию к сглаживанию контрастов и снятию противопоставлений. Если это справедливо, то можно априори предположить, что действие этой тенденции должно сказываться прежде всего на признаках патронимического имени, ослабляя или даже устраняя в нем все то, что нарушает его антропонимическую цельность. Очевидно, что такие нарушения связаны как раз с характерными для патронимических имен признаками мотивированности значения и образования.

Разумеется, пока в обществе действует патронимический принцип наречения второго имени, эти признаки не могут полностью перестать осознаваться. Этому препятствуют как экстралингвистические, так и лингвистические факторы. Показателен в этой связи самый термин — *отчество* (ср. устар. *отечество, отцеименное* или *отечественное имя*). Ср. также формулировку вопроса об отчестве: *Как вас по батюшке*?

Этим объясняется возможность использования патронимов в составе двухкомпонентных именований как средства шутливой характеристики предметов по тем или иным их внешних связям, которые могут осмысляться как отношения родства. Таковы, например, отношения рода и вида. Ср. именование *Софа Диванovна* (о софе) в рассказе Ф. Кривина «Диваны, не помнящие родства» («Полусказки», Ужгород, 1964). Таковы же отношения между произведением и его творцом (ср. использование слов *дитя, чадо, первенец* и др. под. по отношению к порождениям духовной и вообще творческой деятельности человека). Ср.: «Дщерь же моя теперь *Фелица Гавриловна* скачет по городу, подымя хвост, и всяк ее иметь желает» (Г. Р. Державин — В. В. Капнисту, 11 мая 1783 г.). Ср. также *Весна Викторовна* в названии стихотворения и одноименного поэтического сборника поэта Виктора Бокова (М., 1964).

Но указанные признаки не могут также и оставаться все время в светлом поле сознания даже самого носителя данного патронимического имени (не говоря уже о его ближнем и дальнем окружении), поскольку основная функция этого имени — быть дифференцирующим и идентифицирующим именем, а не средством выражения родственных отношений.

Поэтому признаки мотивированности патронимических имен подвергаются ослаблению и существуют как бы между жизнью и смертью, возвращаясь в сознание, актуализируясь только в случаях особой необходимости

или при особо благоприятных для этого условиях. Так, даже в ситуации, когда, не зная патронимического имени лица, к которому нужно обратиться, мы говорим: «Простите, не знаю Вашего отчества», связь «отчество ↔ имя отца» не прорывается обычно с периферии нашего сознания. А тот, чье отчество нас интересует, называет его, также не вспоминая о своем отце и его имени.

Поэтому ответная реплика типа «Моего отца зовут (звали) имярек» возможна лишь в коллективах, где именование взрослых лиц осуществляется в норме по однокомпонентной (личное имя) или двухкомпонентным (имя + фамилия, имя + прозвище и др.) моделям и потому отчество сохраняет всю силу и свежесть патронимического значения, либо же (при стандартном типе именования) имеет нарочито-искусственный характер и вызывается особым экспрессивным заданием. Ср.: — Обо мне уже, наверное, слышали, — спросила она. — Бабкой Груней меня зовут. — Слышал, — сказал Зимарин, — вот только отчества не знаю. — Бабка Груня покачала головой, будто о чем-то не о том спросил ее Зимарин... — Зовут меня все так — бабка Груня. А отца моего Сергеем звали... Сергеевна я. Да уж привычней, когда бабкой Груней кличут... (П. Кочурин, Вещие зори, 14); Аристарх Гребенников не принял это всерьез, не бросил панибратского тона: — Ты будь спокоен, я беру руководство на себя! — Обойдусь... — Да ты что, Парфен! — Ты, надеюсь, не забыл еще, что моего отца Тимофеем зовут пока что... — Вот теперь до меня дошло... Я темный, и забыл, что вас по имени и отчеству с этого дня величать надо!... (А. Кривоносов, Гори, гори ясно).

Понятно, что вторичная актуализация мотивированности отчества осуществляется обычно в режиме обратного словообразования как восстановление имени отца в тех случаях, когда отчество привлекает к себе особое, рефлектирующее, внимание своей необычностью в том или ином отношении, под давлением тех или иных ассоциаций или в связи с факторами экстралингвистического характера.

Ср., например, ситуацию, описанную М. Цветаевой в рассказе «Кирилловны»: Существовали они только во множественном числе... и все на одно лицо... И имя у них было одно, собирательное, и даже не имя, а отчество: Кирилловны... Почему Кирилловны? Когда никакого

Кирилла и в помине не было. И кто был тот Кирилл, действительно ли им отец, и почему у него было сразу столько — тридцать? сорок? больше? — дочерей и ни одного сына?.. Теперь бы я сказала, что этот многодочерний Кирилл существовал только как дочернее отчество...

Или, например, в рассказе В. Шефнера: Эту пожилую женщину звали так: Татьяна Робинзоновна Эрколи-Баскунчак. Я сразу же спросил, кем ей приходится Робинзон Крузо, и она сердито ответила, что никем и не я первый задаю такой глупый вопрос (Счастливый неудачник, 2).

Ср. также использование А. И. Герценом отчества *Семенович* применительно к Николаю I для выражения намека на то, что Павел I не был его отцом (А. И. Герцен — М. К. Рейхель, 29 февраля 1855 г.).

В обычных же условиях связь «имя отца → отчество детей», определяющая механизм порождения отчеств в акте наречения, и обратная связь — «отчество лица ← ←имя его отца», отражающая мотивированность значения и образования отчеств, находятся за порогом нашего сознания.

5.1. Отчество, таким образом, обнаруживает тенденцию к тому, чтобы стать вторым личным именем, и по существу уравнивается с первым, отличаясь от него лишь местом, занимаемым в составном именовании.

Отсюда возможность рассмотренных выше трансформаций типа *Козьма-Демьян > Козьма Демьянович, Христофор Теодор > Христофор Фёдорович* и т. п.

Отсюда же — обычные ошибки в личных именованиях, связанные с меной основ первого и второго имени (*Иван Павлович* вместо *Павел Иванович* и наоборот) и свидетельствующие о том, что усвоение именования начинается с запоминания основ его компонентов при относительном безразличии к их месту, к их положению в модели. Соответственно в ситуации припоминания забытого имени память восстанавливает прежде всего компонирующие основы, ошибаясь в их локализации. Ср.: — О, глядите, и *Варфоломей Сергеич... — Сергей Варфоломеевич,* — поправил Григорий Назарович. — Ну, это я извиняюсь, — не сильно смутился председатель колхоза. — Редко видимся... (П. Нилин, Знакомство с Тишковым). Ср. в этой связи также былинные варианты типа *Змей Тугаринович* и *Тугарин Змеевич, Дунай Иванович* и *Иван*

Дунаевич и т. п., естественно возникающие в условиях устного бытования былин [36].

Заслуживает быть отмеченным и прием шутливой характеристики лица при помощи апеллятивов или антропонимов с нарицательно-характеризующим значением, замещающих на равных правах либо первое имя, либо основу второго. Ср.: дорогая графиня *Прелесть Александровна* (В. А. Жуковский в письмах к Софье Александровне Бобринской. «Прометей», вып. 10. М., 1974, стр. 271), *Ловлас Николаевич* вместо *Алексей Николаевич* (А. Пушкин — А. Н. Вульфу, 16 октября 1829 г.), *Юпитер Григорьевич* вместо *Николай Григорьевич* (о Н. Г. Рубинштейне; Н. Ф. Мекк — П. И. Чайковскому, 14 января 1880 г.), *Леонид Лоэнгриныч* вместо *Леонид Витальевич* (о Л. В. Собинове — В. Маяковский, Сергею Есенину) и мн. др. под.

5.2. Таким образом, пусть эфемерно, пусть на время и для определенных условий функционирования, но отчество освобождается все же от апеллятивных элементов значения, от избыточных для антропонима признаков мотивированности значения и образования.

В связи с этим суффиксы *-ович, -овна* и их варианты утрачивают свое патронимическое значение и получают служебно-техническую функцию — функцию суффиксов личного имени, занимающего в составном именовании

---

[36] Интуитивно постигая закономерность, стоящую за явлениями такого рода, и преобразуя их, художники слова выработали на их основе выразительный прием удвоения или раздвоения персонажей. Отсюда широко распространенные в русской литературе, начиная с Гоголя, комические персонажные пары, инвариантная единосущность которых символизируется тождеством компонирующих основ: чиновники *Иван Семенович* и *Семен Иванович* (*Н. А. Некрасов.* Петербург и петербургские дачи), помещики *Петр Иванович* и *Иван Петрович,* добрые и оригинальные холостяки (*С. Безыменный.* Прошлое лето в деревне, «Русский Вестник», 1862, т. 39, кн. 5), московские обыватели *Назар Иванович* и *Иван Назарыч* (*И. Ф. Горбунов.* Еще из московского захолустья, II), похожие друг на друга коллежские секретари *Евтей Евсеевич* и *Евсей Евтеевич* (*Я. Бутков.* Первое число), «похожие друг на друга до смешного, пожилые, оставшиеся за штатом» действительные статские советники *Андрей Иваныч* и *Иван Андреич* (*М. Е. Салтыков-Щедрин.* Недовольные), обыватели *Иван Петрович* и *Петр Иванович* (*он же,* Каплуны), обыватели *Яков Петрович* и *Петр Яковлевич* (*он же,* Глуповское распутство) и мн. др. под.

лица второе место. Значение отчеств при этом становится значимостью, а образование — остаточной членимостью, подобно тому, как это характерно для фамильных имен различных регулярных типов [37].

Отсюда — возможность самостоятельного употребления отчеств в эллиптированных реализациях двухкомпонентной модели и последующее использование их в качестве образца соответствующей трансформации фамильных имен. Ср. широко распространенные в известных ситуациях общения и столь же широко отраженные в языке художественной литературы трансформации типа *Бекетов → Бекетыч* (С. Дангулов, Кузнецкий мост), *Собачаров → Собачарыч* (В. Шефнер, Змеиный день), *Катасонов → Катасоныч* (В. Богомолов, Иван) и т. п.

Образование подобных трансформов также и для фамилий со стандартными лично-именными антропонимическими основами типа *Егорыч < Егоров, Романыч < Романов* и т. п. еще более подрывает принцип единственности, предопределенности отчеств и создает для них — пусть только в неофициальной сфере — хотя бы эфемерную возможность выбора, т. е. тот самый признак, наличие которого принципиально отличает первое личное имя от всех других типов антропонимических единиц.

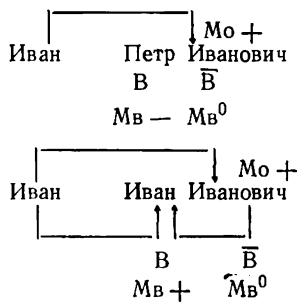
Дальнейшее развитие описанных выше отношений связано с таутонимическими реализациями рассматриваемой модели.

---

[37] Это значит, что патронимическое имя (например, *Петрович*) как самостоятельная лексическая единица языка и отчество *Петрович* как часть речевых образований, какими являются составные именования лиц (например, *Иван Петрович*), не тождественны друг другу. В последнем этимологическое значение ‹сын Петра› оказывается в значительной степени выветрившимся. Поэтому единицы *Петрович* и *сын Петра*, совпадая на денотативном уровне, не совпадают сигнификативно. Они не способны замещать друг друга. И если в списке погибших в Польше воинов второго Берлинского пехотного полка советский офицер Иван Петрович Рембеза именуется «майор Рембеза Ян сын Петра» (*Я. Вахтель.* Азимут Варшава. Варшава, 1972, стр. 268), мы воспринимаем выражение *сын Петра* как нарушение современной русской антропонимической нормы. Ср.: «Для знакомства с девушками я даже придумал такую форму: Роман, сын Алексеев. Звучит привлекательно, непонятно и архаично...» (*В. Киселёв.* Веселый Роман. М., 1972, стр. 12—13). Ср. в этом плане руссифицированное Феб Зевесович (*В. А. Жуковский.* Записка к Свечину, 1814).

6.0. Таутонимические реализации представляют особый интерес, поскольку тождество основ личного и патронимического имени создает особые отношения между ними, существенно отличающиеся от отношений между компонентами гетеронимических реализаций, рассмотренных выше.

6.1. Обусловленные экстралингвистическим обычаем наречения сына (как правило — старшего сына, в редких случаях также и дочери) по отцу, таутонимические именования типа *Иван Иванович, Александра Александровна* и т. п. отличаются тем, что мотивированность выбора как признак первого личного имени получает в их составе открытое, эксплицитное выражение:

(1)

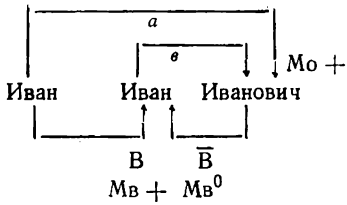
(2)

Очевидно, что в именованиях типа *Иван Иванович* выбор имени мотивирован именем отца (*Иван Иванович* с точки зрения изначальных отношений значит 'сын Ивана, названный в его честь Иваном'[38]) и, следовательно, мотивированность этого выбора выражена именем *Иван* в основе отчества.

6.2. Этим, однако, не исчерпывается специфика таутонимических именований. Другая важная их особенность состоит в том, что личное имя, повторяющее имя отца его носителя, дополнительно мотивирует образование отчества. Учитывая это, отношения между компонентами таутонимических именований следует представить более полно, чем это показано на схеме (2).

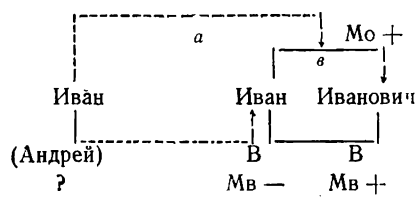
[38] Ср.: «...Крепко и нежно тебя целую — твой единоутробный голубоглазый братец, крещенный Александром от отца также Александра» (А. А. Фадеев — Т. А. Фадеевой, 15 апреля 1953 г.).

(3)

Самое существенное здесь — это наличие двойной связи, мотивирующей образование патронимического имени. При этом основная для именований рассматриваемой модели мотивирующая связь *а* является слабой, парадигматической связью между отчеством и именем отца его носителя. Дополнительная же связь *в*, характерная исключительно для таутонимических именований, оказывается сильной, синтагматической связью между двумя соседними именами в составе одного образования.

6.3. Выдвижение этой дополнительной связи на передний план и даже возможное превращение ее в основную, совершающееся при некоторых специфических условиях, существенно перестраивает отношения между компонентами именования:

(4)

Нетрудно убедиться, что общая тенденция развития патронимических имен, описанная выше, получает здесь особо благоприятные возможности. Патронимическая семантика отчества в таких случаях предельно ослабевает или даже вообще опустошается, и отчество становится вторым личным именем, выбор которого однозначно мотивируется первым. Связи, мотивирующие образование и выбор патронимического имени, совпадают по направлению, образуя круг, в котором отчество, лишенное внешних связей, замыкается на личном имени и обнаруживает тенденцию к превращению в элемент тавтологического сочетания, наделенный функцией усиления.

Механизм связей, показанных схемой (3), действует не только в обычных актах таутонимического наречения, но и в последующей жизни таутонимических именований, хотя в зависимости от тех или иных условий их использования может происходить и происходит пульсирующее переключение (3) ↔ (4), поскольку связи этого типа виртуально существуют в сознании говорящих.

7.0. Прямое обращение к механизму (4) в естественных условиях возможно лишь в актах наречения, связанных с такими критическими ситуациями, когда имя отца неизвестно или сознательно отводится. Ср., например, описание двух ситуаций наречения:

1) В ближайший день, когда мать выходила на работу в вечернюю смену, решили нести его регистрировать. — Как назовем-то? — осторожно спросила мать. Валя оглянулась на мать. Чего та ждала от нее? Может быть, про себя мать уже перебрала десятки имен, ни на одном не остановившись и зная, что все равно дочь назовет по-своему. — Вадимом назовем, — сказала Валя. Увидела, как в молчании дрогнули у матери губы. Отвернувшись, Валя добавила: — Имя красивое. Нравится мне. — Строгая девушка в загсе спросила: — Отчество как записать? — Валя, не глядя на мать, твёрдо ответила: — Вадимычем. (А. Минчковский, Третий лишний, «Аврора», 1973, № 12, стр. 49);

2) Сына Анечка назвала Андреем. И отчество дала ему такое же: Андреевич. Ей нравились эти сочетания одинаковых имен, звучало это, по ее мнению, очень весомо и артистично. Ведь есть же такой известный артист: Роман Романов. Или известный писатель: Сергей Сергеевич. Может быть, и ее Андрей Андреевич будет такой же яркой звездой, кто знает? (С. Островой, Кикимора, «Юность», 1973, № 11, стр. 37).

В обоих случаях обстановка наречения «без отца». Но в первом — наречение с опорой на имя отца и в его честь. Во втором же — отец случайный, подлинное его имя неизвестно, а названное им недостоверно, неприятно и потому отвергнуто. Здесь открыто действует схема (4), с явной ситуацией свободного выбора отчества и эстетической мотивировкой его. В первом же случае работает механизм связей (3), замаскированный для непосвященных под ситуацию свободного выбора.

7.1. Однако наиболее чистым видом наречения «без

отца» оказывается наречение детей «без роду без племени», от рождения лишенных семейных связей или волею обстоятельств насильственно вырванных из них. И если учесть, что в государственных актах семейного права, где нормы, регламентирующие присвоение отчеств, составляют наименее разработанный раздел [39], указанная ситуация вообще не предусмотрена, то будет очевидно, что наречение «без отца» в этой чистой его форме — это тот самый случай, когда нарекающим предоставляется полная и, казалось бы, ничем не ограниченная свобода выбора отчества.

Тем более показательно, что возникающая в этой ситуации неопределенность выбора отчества стихийно разрешается, как правило, естественным и не вынужденным обращением нарекающих к механизму связей типа (4). Для круглых сирот избираются основанные на «круге» таутонимические («круглые» — по народной терминологии) именования.

Так, в одном из вариантов былины об Илье Муромце и сыне его Сокольнике, не знающем своего отца, этот незаконнорожденный, «сколотыш», называет себя... Ерусланом Еруслановичем [40]. Так в русских сказках сироты нередко именуются и именуют себя таутонимическими именованиями [41]. Так в русской художественной литературе таутонимы выступают нередко как сиротские имена, отражая действительное, объективное явление русской антропонимики.

Ср. развернутое ретроспективное описание детдомовского варианта наречения «без отца»: В стороне, в снегу, лежал деревянный обелиск — он сразу бросался в глаза, потому что был выкрашен в красный цвет. На нем белела табличка с надписью «Красноармеец Семьянинов Григорий Григорьевич. 1919—1940». Странно было это величанье по отчеству. Я как-то и не думал раньше о том, что у Гришки есть отчество, хотя, конечно, знал, что в паспорте оно есть, и именно Григорьевич. У нас с

---

[39] См. *Н. А. Белык.* Некоторые правовые и социологические вопросы антропонимики. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970, стр. 17—19.

[40] См. «Былины Севера», т. II. М.— Л., 1951, стр. 675.

[41] Ср. «Был некто Елизар Елизарович, был круглой сирота, не отца не матери...» (*Н. Е. Ончуков.* Северные сказки. СПб., 1908, № 268, стр. 548).

ним были отчества по нашим же именам, — ведь никто не знал, как зовут наших отцов, и при выдаче паспортов мы как бы стали сами себе отцами... (В. Шефнер, Сестра печали, 6[42]).

7.2. Описанные выше различия между двумя механизмами образования таутонимических именований обнаруживаются только в акте наречения и в последующей их антропонимической жизни оказываются несущественными. Однако несущественное в обычном, общеупотребительном языке может оказаться и действительно оказывается существенным в художественной поэтической речи. Здесь углубляется также и противопоставление таутонимических и гетеронимических именований. Те и другие обнаруживают особые потенции художественного преобразования и используются художниками слова для того или иного членения антропонимического и — шире — ономастического пространства.

---

[42] Ср. здесь же имя завуча техникума — Петр Петрович Жеребуд и преподавателя военного дела Юрия Юрьевича, о первом из которых выясняется, что он был «вроде нас — без роду без племени, воспитывался еще в царское время в благотворительном приюте для подкидышей».

В. Сталтмане

О ДВОЯКОМ МОРФОЛОГИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ХОРОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Разбиение топонимов на классы (ойконимы, гидронимы, урбанонимы и др.) не случайно, оно обусловлено не только различием семантики, но и структурными особенностями отдельных разрядов топонимии. Важно соблюдать эту рубрикацию также при передаче топонимов из одного языка на другой, так как для определенных классов топонимов могут быть выработаны (только им свойственные) специфические способы и приемы передачи. С этой точки зрения небезынтересно представляется проследить,

как на русский язык передаются иноязычные хоронимы [1], чему в основном и посвящена настоящая статья.

При передаче иноязычных имен собственных (далее ИС) на синтетические языки особое место занимает морфологическое оформление транскрибированных ИС. Что касается морфологии и синтаксиса русского языка, то наряду с допущением иносистемных вкраплений в ткань языка (ср. несклоняемые формы топонимов типа *Хельсинки, Дубулти, Катовице, штат Невада, в штате Невада*) в ряде других случаев иноязычные ИС подвергаются последовательной морфологической адаптации, т. е. транскрибированные иноязычные ИС получают аффиксы и флексии русского языка (или исконные финали заменяют русскими). Это дает им возможность органически включиться в склонение русского языка. Передача, допускающая морфологическую трансформацию иноязычных ИС на русский лад, — идет в русле традиции, в то время как стремление сохранить транскрибированные ИС в неизменной форме соответствует современным тенденциям передачи иноязычных ИС. При передаче различных групп топонимов тот или другой способ передачи может преобладать. Из всех классов топонимов наиболее наглядно двоякое оформление (и следовательно, выбор синтаксической конструкции) в русском языке можно продемонстрировать на примере иноязычных хоронимов. В современной практике оба способа их оформления достаточно распространены и прочны. Согласно первому из них иноязычные хоронимы передаются по типу русских, т. е. словосочетанием, состоящим из относительного прилагательного (оттопонимного) и следующего за ним географического термина (модель *Краковское воеводство*), согласно второму — иноязычный хороним передается словосочетанием «географический термин + топоним в форме им. падежа существительного» (модель *штат*

---

[1] Термин *хороним* (греч. ὅρος ‹межевой знак, граница, рубеж›), применяемый в лингвистической литературе для названий различных областей, территорий, районов, имеющих определенные границы (см. *Н. В. Подольская, А. В. Суперанская.* Терминология ономастики.— ВЯ, 1969, № 4, стр. 141), в настоящей статье употреблен в более узком смысле для обозначения только одной разновидности хоронимов — для названий единиц административно-территориального деления.

Невада) [2]. По первому способу в русском языке оформляются хоронимы из языков народов СССР и из большинства славянских языков. Второй способ употребляется во всех остальных случаях. Такое различное оформление иноязычных хоронимов в русском языке имеет свою историю [3] и не лишено лингвистического смысла.

1

Оформление хоронимов в виде словосочетания с оттопонимным прилагательным распространено последовательно на всю разноязычную территорию Советского Союза, несмотря на структурно-типологическое разнообразие и различие письменности языков народов СССР. Такая унификация, по-видимому, в большинстве случаев объяснима едиными принципами номинации хоронимов по всему Союзу, а именно, название области, района или сельсовета, как правило, дается по одноименному названию населенного пункта (ойконима), являющегося тем самым центром соответствующего района, области и т. п. [4] Примеры: *Бесединский р-н* — районный центр с. *Беседино, Льговский р-н* — г. *Льгов* (Курская обл.), *Валгаский р-н* — г. *Валга, Косеский р-н* — с. *Косе* (Эстонская ССР), *Илукстский р-н* — г. *Илукste* (Латвийская ССР), *Гукасянский р-н* — с. *Гукасян, Мартунинский р-н* — с. *Мартуни* (Армянская ССР), *Абашский р-н* — пгт *Абаша, Душетский р-н* — г. *Душети, Кварельский р-н* —

---

[2] Формально в русском языке ничто не препятствует склонению хоронима *Невада* (ср. *штат Невада* и *город Москва, в городе Москве*), практическая несклоняемость в этом случае, по-видимому, продиктована желанием наиболее адекватно сохранить исконную форму *Невада*. Модель же с оттопонимным прилаг. (*Невадский штат*) изменила бы исходную форму до неузнаваемости.

[3] Примеры, иллюстрирующие это положение, засвидетельствованы уже в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1901—1909 (сокр. Б-Е) в словарных статьях, посвященных описанию отдельных стран (США, Великобритании, Франции, Польши и др.).

[4] Названия районов, областей и сельсоветов и др. у нас обычно бывают оттопонимными, ср. *Воронежская обл., Московская обл., Кировская обл.* (центр. г. Киров), *Ленинградская обл.* (центр. г. Ленинград), в то время как урбанонимические наименования внутригородского районирования более автономны и обычно непосредственно отантропонимны (так же как и современные названия улиц), ср. *Гагаринский р-н, Ленинский р-н* и т. п.

с. *Кварели* (Грузинская ССР); *Ошская обл.* — г. *Ош, Сузакский р-н* — с. *Сузак, Гульчинский р-н* — с. *Гульча* (Киргизская ССР), *Кара-Калинский р-н* — пгт *Кара-Кала, Марыйский р-н* — г. *Мары, Ильялинский р-н* — пгт *Ильялы* (Туркменская ССР), *Кулябский р-н* — г. *Куляб, Гармский р-н* — пгт *Гарм, Науский р-н* — пгт *Нау* (Таджикская ССР), *Бендерский р-н* — г. *Бендеры, Глодянский р-н* — с. *Глодяны, Дрониевский р-н* — пгт *Дрония* (Молдавская ССР), *Акмянский р-н* — г. *Акмяне, Кедайнский р-н* — г. *Кедайняй* (Литовская ССР). Названия хоронимов, непроизводные от названия центра единицы административно-территориального деления, встречаются сравнительно редко, ср. *Ленинский р-н* — пгт *Микашенич* (Белорусская ССР), *Аургазинский р-н* — с. *Толбазы* (Башкирская АССР), *Алешковский р-н* — с. *Народное* (Воронежская обл.).

Преобладание названий районов, областей и сельсоветов, однокоренных с названием центра соответствующей единицы в сознании говорящего постоянно связывает хороним (*Воронежская обл.*) как нечто производное от коррелятивного ойконима (*Воронеж*), что и выражено в оттопонимном относительном прилагательном, и в то же время его структурно отличает от исходного названия — производящей основы; в противоположном случае получилась бы омонимия типа: (район) *Архангельское* — (село) *Архангельское,* (область) *Воронеж* — (город) *Воронеж.*

Однотипность русских и большинства западнославянских (польских, чешских, болгарских) хоронимов основана на вышерассмотренном едином принципе номинации, ср. польск. Kraków — Krakówskie województwo, Warszawa — Warszawskie w., Łódź — Łódzkie w., чеш. Plzeň — Plzenský kraj, Praha — Pražský kr., болг. *Плевен — Плевенски окръг, Хасково — Хасковски* окр., *Бургас — Бургаски окр.* и т. п. Аналогичным способом эти славянские хоронимы оформлены и в русской передаче, ср. *Краковское, Варшавское воеводство, Пражская, Брненская область, Хасковский, Плевенский округ* и т. п. Русское оформление славянских хоронимов, по-видимому, поддерживается также материально сходными и генетически родственными относительными прилагательными (с суфф. *-ск-*), содержащимися в исходных славянских названиях, ср. Krakówskie województwo — *Краковское воеводство.*

По иному принципу происходила номинация хоронимов в неславянских странах, что отразилось и в их русской передаче. Так, например, штаты и их административные центры в США имеют вполне автономные, немотивированные (не связанные между собой деревационными отношениями) названия, ср. *штат Алабама* — административный центр город *Монтгомери,* шт. *Монтана* — г. *Хелина,* шт. *Нью-Йорк* — г. *Олбани,* шт. *Вашингтон* — г. *Олимпия* и т. п. В случаях совпадения названия штата и его центра-города, последний получает отличительный маркер элемент city, ср. шт. *Оклохама* — г. *Оклохама-Сити.*

Значительное количество графств Великобритании мотивировано по отношению к названиям городов-центров. Нельзя не заметить, что вопреки широко распространенному в английском языке лексико-семантическому приему в словообразовании (конверсии) — названия графств отличаются от названий городов наличием в первых форманта-shire, ср. графство Devonshire — город Devon, Derbyshire — Derby, Gloucestershire — Gloucester, Flintshire — Flint, Yorkshire — York.

В русской передаче графство *Девоншир* — г. *Девон, Йоркшир — Йорк* и т. п. Таким образом, омонимия названия города и графства устранена. Транскрипцию названий графств Англии (*Йоркшир*), а не руссифицированное оформление (*Йоркширское графство*) можно объяснить также непринадлежностью английских топонимов к «славянскому миру» и отсутствием материально и генетически родственных элементов в структуре транскрибированных названий с теми же элементами в аналогичных исконных структурах.

Особо следует оговорить передачу французских хоронимов. Хотя они и не принадлежат к славянским, все же (в силу специфики их номинации в оригинале) в передаче их на русский язык иногда применяются отдельные элементы руссификации. Приведем примеры названий департаментов Франции и названий их центров: *департамент Жиронда* — его центр *город Бордо,* дп. *Шер* — г. *Бурж,* дп. *Сомна* — г. *Амьен,* дп. *Нижняя Луара* — г. *Нант,* дп. *Па-де-Кале* — г. *Аррас,* дп. *Вогезы* — г. *Эпиналь,* дп. *Нижняя Сена* — г. *Руан,* дп. *Сена* — г. *Париж,*

дп. *Рона* — г. *Лион,* дп. *Верхняя Горонна* — г. *Тулуз.* Как видно из примеров, хоронимы во Франции не мотивированы по отношению к названию соответствующего города-центра. Однако их оттопонимность выражается в другом: в большом количестве случаев хоронимы названы по соответствующим гидронимам, оронимам и т. п. (*дп. Сена* и *р. Сена*). Этот способ номинации хоронимов во французском языке (языке источнике) создает омонимию, которая «наследуется» и в передаче: (р.) *Сена* и (дп.) *Сена.* А это вынуждает переводчика искать пути и способы устранения омонимии и (кроме последовательного употребления различителей — географических терминов типа *департамент, река, гора*) прибегать к некоторым руссифицированным приемам передачи. Так, по-видимому, не случайно в словаре Б-Е названия департаментов, совпадающие с названиями общеизвестных природных объектов, приводятся в форме родительного падежа: *дп. Сены, дп. Роны,* но: *р. Сена, р. Рона,* избегая, таким образом, омонимии. Интересно отметить, что в современной передаче названий департаментов Франции, с одной стороны, не устранена омонимия названия департамента и реки (*дп. Сена — р. Сена*), с другой же стороны, стремление избежать руссификации в оформлении названий департаментов в некоторой степени преувеличено, поскольку имеется уже прецедент оформления французских географических названий с русскими оттопонимными прилагательными, ср. названия типа *Гаронская низменность, Сенская долина* и т. п.

* * *

На фоне рассмотренного материала можно сделать некоторые выводы, касающиеся морфологического оформления транскрибированных нерусских хоронимов на территории СССР. Единообразная передача этих названий на русский язык несомненно является следствием сознательно проводимой унификации в этой области, так как не только административное районирование страны, но и наименование полученных единиц деления (а одновременно и их русская передача) в нашей стране осуществляется централизованно: всесоюзными и республиканскими верховными органами Советов Министров. Закономерности передачи обусловлены прочными традициями

однотипного оформления русских и нерусских хоронимов.

Если к этому вопросу подходить только с лингвистической стороны, то кое-что в этой традиции может оказаться спорным. Приведем примеры из литовской и латышской топонимии. Не вызывает сомнения, что названия районов и сельсоветов этих республик, оформленные в оригинале последовательно в форме родительного падежа, составляют единую модель с названиями озер, холмов, пещер, улиц и других объектов, функционирующих в этих языках также только в форме родительного падежа, например, лтш. район Balvu rajons — город Balvi, лит. Švenčionių raj. — Švenčionys, ср. лтш. Liepājas ezers, лит. Ančios ežeras и т. п.

В свое время составителями «Инструкции по передаче на картах географических названий Латвийской ССР» (М., 1953) было замечено, что большинство названий озер Латвии являются однокоренными с названиями близлежащих населенных пунктов: Liepājas ezers — Liepāja, Burtnieku ezers — Burtnieki.

А между тем именно эта корреляция с названиями населенных пунктов послужила основанием для составителей инструкции, оправдывающим в русской передаче восстановление в названиях озер формы именительного падежа, т. е. инструкция рекомендовала передавать по-русски: *оз. Лиепая, оз. Бабите, оз. Буртниеки* и т. п.[5] Как видно из примеров, корреляция: Kuldīgas raj.— Kuldīga, Liepājas ezers — Liepāja лишний раз подтверждает принадлежность хоронимов и названий озер к одной и той же модели. Однако картографическая практика пошла по иному пути передачи названий балтийских озер. Отказавшись от «реставрации» именительного падежа как от бесплодной попытки создания форм искусственных, в латышском и литовском языках не существующих (например, озера под названием Liepāja в Латвии не существует), составители инструкции отказались и от руссифицированной передачи названий озер, оформленных в виде оттопонимных прилагательных (*Лиепайское озеро*), так как этот прием для передачи гидронимов (кроме традиционных названий типа *Женевское озеро*)

[5] Предлагаемая инструкцией передача была аналогична современной передаче на русский язык названий департаментов Франции: *дп. Сена, р. Сена* и т. п.

в настоящее время в картографической практике не применяется. И было решено названия балтийских озер транскрибировать в форме родительного падежа (*оз. Буртниеку*).

Если обосновывать руссифицированную передачу хоронимов стремлением устранить омонимию, то в балтийских названиях в оригинале ее как раз и нет, так как название города и района в них морфологически разграничены, ср. лтш. район Balvu rajons — Balvi, лит. Biržių rajonas — Biržiai.

Это формальное различие можно приравнять к выше рассмотренному словообразовательному различию названия графства *Йоркшир* и города *Йорк,* устраняющему омонимию и способствующему беспрепятственному функционированию этих двух различных наименований.

Напрашивается следующий вывод: расщепление единой морфологической модели балтийских топонимов (выраженных словосочетанием «топоним в форме родительного падежа+географический термин в им. падеже») при передаче их на русский язык не может быть оправдано, оставаясь в пределах сугубо лингвистической аргументации. При оценке подобных фактов языка не должен быть упущен социолингвистический аспект. Дело, по-видимому, не только в том, что в нашей практике передачей хоронимов, с одной стороны, и топонимов других классов — с другой, как уже было сказано выше, занимаются разные ведомства (хотя последнее обстоятельство не может не отражаться на результатах транскрипции). При анализе передачи хоронимов с языков народов СССР на русский нельзя не учесть социальной значимости этих названий. Административное районирование страны, название места рождения и проживания, записанное в каждом паспорте, и т. п.— все это делает рассматриваемую категорию ономастикона более подверженной влияниям билингвизма, широко распространенного в советских республиках. Название сельсовета, района, городского района оказывается очень употребительным в повседневной административной жизни и в деловой речи. Активное владение двумя языками: родным и русским заставляет латыша, говорящего по-русски, оформлять название района, переданное с латышского языка по той же модели, по которой названия районов образуются в русском языке, ср. *Валмиерский район* (Valmieras rajons) и

Николаевский р-н. На передачу топонимов, обозначающих объекты физической географии, интерференция языков не давит с такой силой, в связи с меньшей степенью их общественной значимости, это позволяет картографам, транскрибируя (Velna ala — *пещера Велна*) не заменять их оттопонимными прилагательными. Транскрипция гидронимов, оронимов и других разрядов топонимов поддерживается также лингвистическими факторами — отсутствием единой морфологической модели для этих названий в русском языке, ср. *Ладожское озеро, озеро Силигер,* но только *Воронежская обл., Николаевский р-н, Березовский сельсовет.*

III

СКЛОНЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Л. П. Калакуцкая

СКЛОНЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН (ФАМИЛИЙ) В ОТНОШЕНИИ К НОРМЕ

Литературная норма, отделяющая то, что принадлежит литературному языку, от того, что остается за его пределами, практически не касается формы собственных имен и как следствие — их склонения. Действительно, если кто-то произнесет имя польского композитора *Шопен* как [Ш ^ п'ён], то тем самым сразу поставит это произношение за рамки допустимого в современной орфоэпии, но если он же скажет и даже напишет (письменная речь, как известно, более строго нормирована): «подошел *к Джейн Фонда»,* «разговаривал *с Джульеттой Мазина»,* «написал *Нино Рота»* и т. п., то никто его не сможет упрекнуть в том, что им не соблюдены нормы литературного языка. Литературная норма допускает и различные варианты транскрипции заимствованных собственных имен, и различные варианты их склонения.

Кроме того, некоторые фамилии представляют собой трудный, с точки зрения литературной нормы, феномен. И ее колебания в этих случаях бывают вполне оправданны. Приведем два примера: «Французы, у которых он чаще всего снимается, зовут его *Лино́ Вентура́,* землякиитальянцы — *Ли́но Вентю́ра.* Впрочем, настоящая его фамилия — Боррини. Он родился в Падуе». Как поступать с этой фамилией — как с французской, то есть не склонять, или как с итальянской — и склонять как фамилии на *-а*? Автор статьи выбирает последнее, хотя фамилия принадлежит человеку, считающемуся известным ф р а н ц у з с к и м актером. Знающие *Вентуру* близко..., Если

раньше *Вентуре* выпадало играть силу... (Сов. экран, 1975, № 12, стр. 16—17).

Приведем другой пример: Это была непривычная роль — до встречи с Дзурлини *Карина* была ведущей актрисой французской «новой волны» и зритель привык к ней в ролях циничных, раскованных и несчастных парижанок. Так что ...знакомство наше с *Кариной* (?) началось ролью нетипичной.

Семнадцатилетняя копенгагенская танцовщица, певица и манекенщица (настоящее имя Анны — Ханне-Карин Байер) ...(Сов. экран, 1975, № 15, стр. 14).

Встречающиеся колебания в склонении этих и подобных им фамилий вполне оправданы неопределенностью выбора образца для их склонения (или несклонения).

При отсутствии литературной нормы склонения фамилий у носителей языка существует достаточно ясное представление о том, что можно считать нормальной, обычной фамилией и именем и острая реакция на необычную фамилию, имя: Его звали *Родина* — по имени партизанского отряда, где он родился зимой сорок четвертого. В шестнадцать лет, когда он получал паспорт, работник милиции, не вдаваясь в подробности, неодобрительно буркнул: «Что ты, девка что ли... «И написал: *Родин* Нахапетов. В двадцать лет, когда студент Р. Нахапетов снялся в одном из первых фильмов, его странное имя показалось кому-то опиской. Внимательный товарищ внес в титры «пропущенную» букву. Получилось — *Родион* Нахапетов. *Родиону* Нахапетову 26 лет (Сов. экран, 1970, № 23, стр. 4); ... отец постановил окрестить меня *Стефаном,* так и было сделано, причем попу пришлось дать взятку за букву «ф», ибо *Стефан* — имя иностранное (В. Шефнер, Человек с пятью «не». «Звезда», 1967, № 4, стр. 125); Долгое время в нашей семье хранилась как курьез довольно большая, захватанная пальцами визитная карточка..., гласившая: *Кисель* Пейсахович Гробокопатель. Эту визитную карточку показывали тем, кто не хотел верить, что существует человек с таким анекдотическим именем (В. Катаев, Разбитая жизнь. Новый мир, 1972, № 8, стр. 157). Виноват ли Шекспир в том, что имя его прекрасной героини звучит по-русски анекдотично: *Порция!* В бессмертной комедии Лопе де Вега «Валенсианская вдова» служанку главной герои-

ни зовут таким испанским именем, которое по-русски и процитировать-то невозможно. И, ставя эту пьесу, я, с полного согласия культурнейшего и замечательного переводчика М. Лозинского, заменил это имя на «Марта» (Н. Акимов, Лит. газета, 9 июня 1966 г.).

Молчаливый поляк со странной фамилией *Осенка* возобновил у себя в углу прерванное занятие (Г. Березко. Дом учителя. Новый мир, 1973, № 4, стр. 16); Был еще преподаватель духовного училища, уроженец Умани, со странной фамилией Кривда — украинец в вышитой рубашке... (В. Катаев. Разбитая жизнь. Новый мир, 1972, № 8, стр. 107); ...но вот, кроме Нюрка, в комнате № 475 была еще одна Анна — Анна Борисовна *Глеб* — такая уж странная фамилия! (С. Залыгин. Южно-Американский вариант. Наш современник, 1973, № 1, стр. 26).

Примеров подобного рода, в которых выражается отношение к фамилии или имени, являющимся отклонением от нормы, можно привести много. Но что же тогда воспринимается как норма?

«На моей фамилии вся Россия держится — *Иванов*»,— говорит герой фильма, созданного по сценарию К. Симонова «Живые и мертвые».

«То и дело упоминались имена прославленных советских летчиков — *Чкалова, Покрышкина*, асов военных и мирных лет.

Все курносые да скуластые,
Все на -ин, на -ев, да на -ов

(*Ф. Чуев*)

(Вл. Разумневич. Поэскадрильно строятся стихи. «Октябрь», 1972, № 2, стр. 217).

Вот эти-то фамилии на *-ов, -ев, -ин* и воспринимаются в качестве обычных, нормальных для русского языка фамилий.

«Словообразовательному составу русских фамилий, в противоположность украинским или белорусским, чужда пестрота. Поражает монолитность, в деревне даже абсолютная, на огромных пространствах русской равнины. Суффиксы *-ов, -ин* вне конкуренции. ... Большинство принадлежит суффиксу *-ов*. ... Значения суффиксов *-ов* (*-ев*) и *-ин* рано совпали, выражая так называемую притяжа-

тельность («чей»), сходны их судьбы. ...Именно притяжательному значению эти суффиксы обязаны своим господством в создании русских фамилий, основная масса которых дана по предкам или владельцам, на них и указывали основы фамилий» [1].

ФАМИЛИИ, СОВПАДАЮЩИЕ С АПЕЛЛЯТИВАМИ

На фоне этих обычных, нормальных для русского языка фамилий, для которых «роль аффиксального элемента при национальной соотнесенности фамилий значительно важнее роли корневой морфемы» (по словам А. В. Суперанской [2]), фамилии иного — субстантивного — типа воспринимаются как отклонения от нормы. Среди отклонений от нормы языковым сознанием прежде всего выделяются фамилии, совпадающие по форме с апеллятивами.

Приведем некоторые такие фамилии: Соловей, Жук, Рыбак, Чижик, Зуб, Заяц, Сокол, Ткач, Вихрь, Стукач, Мороз, Горн, Гриб, Токарь, Голод, Зайчик, Борец, Сушильник, Кругляк, Рог, Кулак, Пекарь, Посох, Ангел, Куль, Корж, Грач, Гайдук, Краковяк, Соболь, Лебедь, Секрет, Кулик, Квас, Коваль, Котенок, Венец, Вечер, Характер, Перец, Волк, Пушкарь, Торф, Попович, Украинец, Дуб, Дрозд, Баран, Калашник, Мучник, Таран, Маляр, Рысь;

Щука, Черешня, Скрипка, Могила, Искра, Брынза, Беда, Кочерга, Сковорода, Сметана, Чайка, Дубина, Гребенка, Чуприна, Скирда, Шуба, Дудка, Вишня, Птица, Розга, Метелица, Дума, Доля, Лебедка, Кривда, Пальма,

---

[1] *В. А. Никонов.* Формы русских фамилий. «Studia językoznawcze poświęcone Stanisławowi Rospondowi». Wrocław, 1966, стр. 321—322.

[2] *А. В. Суперанская.* Структура имени собственного. М., 1969, стр. 79.— Ср. также: Суффикс *-ов* «...оформляет огромное множество совершенно нерусских фамильных и родовых прозваний, в частности, в русской передаче (например, *Абаев* — при собственно осетинском *Абайты*), а в прошлом этот аффикс как бы обеспечивал форму официального существования соответствующих фамилий (например, *Фаранджев* — при армянском *Фаранджян*). *О. Н. Трубачев.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России). «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 4. См. также *В. Васченко.* О румынском происхождении ряда русских фамилий на *-ýлов.* «Slavica slovaca», ročn. 6, 1971, číslo 1.

Музыка, Головня, Свобода, Зверюга, Рогоза, Колба, Глыбка, Куделя, Река, Сосна, Матушка, Гора, Капуста, Крыса, Веревка;

Толокно, Сало, Синисало, Жало, Масло, Скобло, Сито, Кутало, Шило и др. под.

К этому же типу относятся фамилии, совпадающие по форме с личными именами или географическими названиями: Павел, Павлик, Марина, Любочка, Нарва[3], Полтава, Рейн, Люксембург, Франкфурт, Берлин[4], Жозеф, Жак, Эмиль, Натан, Кармен, Рубен и др. под.

Фамилии, совпадающие с апеллятивами, не типичны для русской фамильной системы. Как правило, они пришли в русский язык из украинского языка («В своем возникновении русские фамилии по форме адъективны, украинские — в массе субстантивны[5]. Часть подобных фамилий могла прийти из сербского, словацкого, чешского и польского языков[6]. Часть таких фамилий — русского происхождения[7]. Некоторые фамилии рассматриваемого типа не славянского, а западноевропейского происхождения, и их совпадение с соответствующими апеллятивами или случайно (например, фамилия австрийской фигуристки Беатрис *Шубы* или французского политического деятеля Пьера *Кота,* а также фамилии типа *Даль, Моль, Капель, Мор* и др. под.) или не случайно, если русским языком был заимствован и соответствующий апеллятив (*Секрет, Бриллиант, Шаль, Сталь, Дуэль, Альт, Бас, Блок*[8], *Штиль, Ребус, Минор, Шериф, Граф, Бар, Кон* и др. под.).

---

[3] *Е. С. Отин.* Об именах и кличках, тождественных топонимам. «Этнография имен». М., 1971.

[4] *А. В. Суперанская.* Указ. соч., стр. 82, 84—85.

[5] *В. А. Никонов.* Указ. соч., стр. 326.

[6] *St. Rospond.* Klasyfikacja strukturalnogramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957, стр. 106.

[7] См. статью А. В. Суперанской и А. В. Сусловой «Нестандартные русские фамилии» в настоящем сборнике.

[8] «Вот еще какой-то Андрей Белый завелся, завтра читает лекцию. Мало им Горького—Максима, Белый—Андрей понадобился! А то еще какой-то Александр *Блок* (что за фамилия такая? Из жидов должно быть! Сочинил «Прекрасную Даму», уже одно название чего стоит, стыда нет! Раньше тоже про дам писали, только не печатали, а в стол прятали,— разве что в приятельской компании)» (мнение жены профессора истории Дмитрия Владимировича Цветаева — дяди Марины Цветаевой) (*М. Цветаева.* Пленный дух, «Москва», 1967, № 4, стр. 113).

Фамилии названного типа противоречат, с одной стороны, особенности имен собственных, которая состоит в том, что «...наибольшая чистота и полнота проявления «назывательной» функции (то есть свойства «быть именем собственным») связана с наименьшей мотивированностью названия данного имени собственного»[9]. С другой стороны, эти фамилии противоречат общеязыковой тенденции, состоящей в «выражении разных значений разными формами»[10].

Носители языка, не осознавая этих глубинных языковых процессов и различий, однако очень точно реагируют на необычность рассматриваемых фамилий. Эта реакция прежде всего выражается в их замене. Смена фамилий в эпохи «социальных катаклизмов» (по выражению Ю. Лотмана и Б. Успенского[11]) носит массовый характер. Описание перемены личных имен и фамилий оставил А. М. Селищев в статье «Смена фамилий и личных имен», опубликованной лишь недавно[12]. Материалом для этой статьи послужили извещения о перемене фамилий и личных имен в газете «Известия» за 1930—1933 гг., в те времена публиковавшиеся[13]. «Неприятными,— писал А. М. Селищев,— являются фамилии в форме именительного падежа, в особенности от имен прозаического значения, а также фамилии сложные, состоящие из глагола в повелительном наклонении и имени существительного — Байдак (украинск. «байдак» — «барка»), Блоха, Бухгалтер, Бык, Гарбуз, Глухонемой, Голуб, Гребень, Детина, Дехтяр, Дубина, Закройщик, Зуб, Картофель,

---

[9] *В. Н. Топоров.* Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики. «Принципы топонимики». М., 1969, стр. 12.

[10] *Б. А. Серебренников.* Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 56.

[11] «Показательно, что смена культур (в частности, в эпохи социальных катаклизмов) сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имен и названий)». *Ю. Лотман, Б. Успенский.* О семиотическом механизме культуры. Уч. зап., Тартуского Гос. ун-та, вып. 284. «Труды по знаковым системам», V, 1971, стр. 145.

[12] Уч. зап. Тартуского Гос. ун-та, вып. 284. «Труды по знаковым системам», V, 1971.

[13] Сведения о переменах фамилий, относящиеся к более раннему времени (1925—1927 годам), см. *И. Н. Шпильрейн.* О перемене имен и фамилий. «Психотехника и психофизиология труда», 1929, № 4.

Кисель, Калоша, Кот, Купленный, Лапа, Лев, Лепетун, Лысый, Метла, Могила, Могильный, Муховоз, Надточий, Нетреба, Новик, Половой, Портняко, Пузыня, Резник, Свистун, Середа, Сковорода, Шкода и др. На то, что эту перемену вызывает форма имени, указывают некоторые новые фамилии этих лиц: Бык→Быков, Голуб→Голубев, Кисель→Киселев, Лев→Левин, Новик→Новиков, Резник→Резников». «Наконец, сделаем замечание о форме новых фамилий,— пишет далее А. М. Селищев.— Большинство их взято из запаса существующих фамилий: Большаков, Яковлев и др.»[14] А. М. Селищев описывал картину массовой смены фамилий, но единичная замена фамилий продолжается постоянно. В статье Т. А. Коротковой описана перемена фамилий с 1929 по 1967 год среди жителей Свердловска и городов Свердловской области. Но и на этом материале «очень четко прослеживается стремление к отказу от фамилий прозвищного типа, не оформленных специальным суффиксом: Баран, Кулак, Найда, Муха, Сорока, Трубач и т. п., всего 32 фамилии. При замене таких фамилий прослеживаются две тенденции. Одна из них: добавить к такой фамилии продуктивные патронимические форманты и таким образом избрать опять-таки нейтрально звучащую фамилию: Баран стал Баранов, Головня — Головин, Козел — Козлов, Кожура — Кожуров, Кулак — Кулаков, Муха — Мухин, Найда — Найденов, Сорока — Сорокин, Спичка — Спичкин. Другая тенденция — вовсе отказаться и от основы неприятной фамилии: Варенье — стал Никитченко, Плакса — Лысенко, Нищета — Сибирцев»[15].

Б. А. Успенский описывает факты, из которых следует, что форма фамилии была социально значима в России. Фамилии прозвищного характера принадлежали людям, стоящим на низших ступенях социальной лестницы: «Нет нужды специально говорить о тех случаях, когда перемена имени имеет обрядовый характер — например, при пострижении в монахи; но характерно, что при выходе из данного социума соответствующее лицо лишалось и полученного имени. Так, известный *Сильвестр Медведев* по документальному свидетельству «ли-

---

[14] *А. М. Селищев.* Указ. соч., стр. 495—496, 499.

[15] *Т. А. Короткова.* Перемена фамилий. «Этнография имен». М., 1971, стр. 117.

шен был образа иноческого и именования: из *Сильвестра Медведева* стал *Сенка Медведь*». Этот пример интересен в двух отношениях: замечательно, что здесь меняется не только иноческое имя (иноческое на мирское), но и фамилия (*Медведев*>*Медведь*), причем можно сказать, по-видимому, что фамилия заменяется в этом случае на прозвище, что соответствует резкому понижению социального статуса самого Медведева. (Мы видим, таким образом, что не только отчество на *-ич*, но и фамилия в XVII в. имеет социальную значимость). Еще более явно это в другом случае насильственного расстрижения: так, митрополит *Арсений Мациевич,* будучи расстрижен, волею Екатерины II стал именоваться *Андреем Брехуном;* и здесь опять-таки, не только меняется иноческое имя, но и фамилия заменяется на прозвище.

Приведенные примеры — изменение фамилии на прозвище — любопытны и в том отношении, что они противостоят по своей направленности общему процессу эволюции имен, заключающемуся, напротив, в превращении прозвища в фамилию [ср.: *Седой,* как признак индивида→*Седой* (а затем и *Седов*) как признак рода]. Эта обратная эволюция, отнесение назад во временном плане отвечает в данном случае соответствующей трансформации в плане социальном. Но в других случаях подобное явление может быть не связано непременно с понижением социального статуса, будучи связано вообще с его изменением» [16].

Итак, при перемене фамилий основное направление процесса состоит в том, что необычное меняется на обычное, отклонения от нормы стремятся подравнять под норму [17]. Причем, показателем нормы является фамильный аффикс в большей степени, чем значение основы. Однако, несмотря на перемену, фамилии, совпадающие с апеллятивами, существуют и, соответственно, существует нормативно-конфликтная ситуация, из которой носителями языка ищется выход. Этот выход пытаются найти,

---

[16] *Б. А. Успенский.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе. Уч. зап. Тартуского Гос. ун-та, вып. 284, «Труды по знаковым системам», V, 1971, стр. 485—486.

[17] «Какие-то житейские неудобства и языковые значения некоторых из этих фамилий вызывают такую перемену»,— писал А. М. Селищев (Указ. соч., стр. 496).

любым способом отличая фамилию от соответствующего апеллятива.

Стремление отличить фамилии от соответствующих апеллятивов выражается разными способами — переносом ударения (см. фамилии *Крысá, Бóрец, Сахáр, Кóзел* и под.) [18], но чаще всего — несклонением этих фамилий. Приведем несколько примеров:... отряду кораблей под командованием вице-адмирала *Дрозд* (Правда, 28 окт. 1966 г.); В городе Борисове высится обелиск-памятник Героям Советского Союза лейтенанту *П. Рак* и сержантам А. Петряеву и А. Данилову (Известия, 1 июля 1969 г.); ...более семидесяти композиций, составленных ботаником Марией Алексеевной *Скрипка* (Веч. Москва, 27 янв. 1972 г.); Информацию о приеме заместителя министра иностранных дел Республики Чили *А. Пальма* (Веч. Москва, 4 марта 1972 г.); ...между бронзовым призером чемпионата 1969 г. фигуристкой Беатрис *Шуба*... (Правда, 7 февр. 1970 г.); ...лучший результат после выполнения двух фигур у австрийской фигуристки *Б. Шуба* (Веч. Москва, 4 февр. 1970 г.); Извещения о защите диссертаций в газете Веч. Москва: *Слива А. Я.* (6 янв. 1971 г.); *Лютня Л. М.* (11 февр. 1969 г.); *Зима М. Б.* (25 апр. 1966 г.); *Нарва В. К.* (14 дек. 1969 г.); *Хмель* Анна Яковлевна возбуждает дело о разводе с *Хмель* Александром Семеновичем (Веч. Москва, 23 окт. 1959 г.); *Корж* Нина Николаевна возбуждает дело о разводе с *Корж* Виктором Сергеевичем (Моск. правда, 30 авг. 1956 г.); Извещения о смерти Валентина Акимовича *Жук* (Моск. правда, 18 июля 1962 г.); ...Станислава Иосифовича *Граф* (Веч. Москва, 24 сент. 1971 г.); *Посох* Маргарита Владимировна возбуждает дело о разводе с *Посох* Михаилом Григорьевичем (Моск. правда, 27 авг. 1965 г.); *Куль* Валентина

---

[18] «Староста их слесарь *Долбóнос* ... Смешно? — Лука весело рассмеялся.— Он коренной украинец, а в фамилии почему-то изменил ударение и произносит ее на греческий манер — *Долбóнос*. А так парень хороший, только трепач.— Думаю, что будет правильно, если вести это собрание мы поручим товарищу *Долбонóсу*.— *Долбóносу*,— поправил ударение Иван.— Товарищу *Долбóносу*,— не скрывая своего раздражения, поправился Горегляд...— Итак,— проговорил довольный Иван *Долбóнос*, публично узаконивший греческое произношение своей фамилии,— профсоюзное собрание сорок первого цеха объявляю открытым». (*В. Собко.* Лихобор, пер. с укр. Н. Крючковой, «Октябрь», 1974 г., № 1, стр. 37).

Дмитриевна возбуждает дело о разводе с *Куль* Израилем Моисеевичем (Веч. Москва, 3 окт. 1956 г.); ...Премия присуждается *Кот* Владимиру Ивановичу (Известия и Комс. правда, 7 ноября 1973 г.).

Сохранилось эксплицитно выраженное (в письме к Г. Козинцеву) отношение Б. Л. Пастернака к несклонению его фамилии (пастернак — м., пустарнак, растн. Pastinaca, полевой борщ, поповник, козелки́, ствольё — Словарь В. И. Даля): «25 марта 1954 г. Дорогой Григорий Михайлович! Сердечное спасибо за присланную афишу. Но при дальнейшем печатании надо будет имя склонять: *Перевод Б. Пастернака.* Мне так кажется. Скажите, чтобы в дальнейшем исправили». (Вопросы литературы, 1975 г., № 1, стр. 221).

Несклонение фамилий подобного типа в извещениях о защите также заставляет предположить стремление расподобить их с соответствующими апеллятивами; при этом носители языка не отдают себе отчета в том, что при несклонении мужских фамилий на согласную возникает нежелательная информация о принадлежности этих фамилий женщинам. Защита диссертаций (публикации в Веч. Москве): Секрет И. С. (29 сент. 1966 г.); Кулик А. М. (25 июня 1967 г.); Чижик И. Е. (30 янв. 1969 г); Волк А. И. (7 июня 1966 г.); Круг О. Ю. (1 марта 1972 г.); Пушкарь Э. Г. (1 дек. 1966 г.); Коваль М. Н. (21 дек. 1971 г.); Бас Р. Г. (14 окт. 1971 г.); Соболь Л. Г. (1 сент. 1971 г.); Мороз Г. Л. (12 апр. 1971 г.); Рыбак Р. С. (13 апр. 1971 г.); Лось (18 апр. 1971 г.); Лебедь Э. С. (20 апр. 1971 г.); Павлик Б. Д. (22 апр. 1971 г.); Натан Л. Н. (6 июня 1967 г.); Герман Э. И. (18 марта 1971 г.); Жак Р. М. (3 апр. 1972 г.); Чех В. Ф. (21 апр. 1971 г.); Талмуд Н. И. (13 окт. 1971 г.); Мороз Л. Д. (21 сент. 1971 г.); Гриб В. В. (29 сент. 1966 г.); Соболь Г. Ф. (3 апр. 1966 г.); Бриллиант М. Д. (17 марта 1966 г.); Мор Е. Г. (11 окт. 1971 г.); Шериф Г. М. (14 окт. 1971 г.); Разгон Е. С. (24 ноября 1971 г.); Казимирчик А. И. (21 мая 1972 г.); Музыкант Е. А. (3 янв. 1972 г.); Хмель И. С. (11 апр. 1972 г.); Синяк Л. И. (31 марта 1971 г.) и мн. др.

Мы сознательно привели различный газетный материал, который показывает, что несклонение фамилий, совпадающих с апеллятивами, допускается как корректорами и редакторами центральных газет, так и самими носите-

лями этих фамилий (материалы объявлений в газетах не редактируются).

Итак, стремление отличить фамилию от апеллятива проявляется прежде всего в ее несклонении[19]. В редких случаях такое несклонение возможно, потому что оно совпадает с современной грамматической нормой. Так, не должны склоняться весьма редкие фамилии, совпадающие с апеллятивами среднего рода, типа *Жало, Сало, Синисало, Сито, Масло, Толокно, Кутало, Скобло, Шило*

---

[19] Недавно в Институт русского языка АН СССР было прислано письмо следующего содержания: «Дорогие сотрудники русского языка и культуры речи, во-первых, добрый день, а во-вторых — давно я вам собирался написать, да все боялся, что малое образование, а сейчас решился, так что прошу у вас прощения, что я вас побеспокою своим письмом. Дело в том, что у меня фамилия *Чуприна*. И мне всегда приходится из-за нее краснеть. Вот я и хотел вас спросить, дорогие товарищи, знатоки русского языка. Как правильно написать в мужском и женском роде фамилию *Чуприна*. Я вас очень и очень прошу, дорогие товарищи, напишите мне по адресу... Вы не удивляйтесь, что я написал *Чуприне*. Дело в том, что я купил орфографический словарь русского языка, издательство «Советская энциклопедия», Москва, 1965. Вот в нем я нашел *Чуприна*, а окончание стоит р. п. (*ы*). Вот я и понял, что фамилия склоняется по падежам. Вот у меня вторая просьба. Прошу, напишите в мужском и женском роде как склоняется по падежам *Чуприна*. Дорогие сотрудники, я вас прошу, извините меня за беспокойство, но мне хотелось узнать всю правду о Чуприне. Мне присвоено звание «Ударник коммунистического труда». И вот написали наши сотрудники завода. Удостоверение выдано тов. *Чуприна*. Правильно это или нет, мне хотелось бы знать! Вот еще наградили меня почетной грамотой и тоже написали: Почетной грамотой завода «победителя соревнования в честь 50-летия Великого Октября награждают тов. *Чуприна* Василия Григорьевича. Правильно это или нет, опять я не знаю. Вот, дорогие сотрудники русского языка и культуры речи, если возможно, отпечатайте все правильные формы написания фамилии *Чуприна* в мужском и женском роде. А то у меня почти каждый день бывают споры в бригаде и цехе о правильности фамилии *Чуприна*. Большинство говорит, что фамилия Чуприна нерусская, но, прочитав словарь русского языка, выходит, что русская. Дорогие знатоки русского языка, прошу вас очень, отпечатайте мне все подробности о Чуприне в мужском и женском роде, чтобы я мог подробности эти зачитать на общем собрании цеха».

Письмо это замечательно в своем роде. Оно показывает, насколько актуальным оказывается вопрос о склонении-несклонении фамилий, совпадающих по форме с апеллятивом, для самого широкого круга лиц и насколько неясно для этих лиц, можно ли и нужно ли склонять такие фамилии.

и нек. др., хотя соответствующие им апеллятивы склоняются. Эти фамилии не должны склоняться в связи с грамматической нормой склонения фамилий в современном русском языке, по которой не склоняются фамилии, оканчивающиеся на *-о, -е,* как русские, так и иноязычные, например, *Дурново, Хитрово, Живаго, Мертваго, Белаго, Шапиро, Нетте, Прево, Виардо, Ландо* и т. п.

В отношении же других фамилий, совпадающих с апеллятивами, такое несклонение является нарушением грамматических норм. Однако рекомендации подобного рода проникают даже в печать: «...когда фамилия совпадает по форме с наименованием животного или неодушевленного предмета, то при склонении возникают непривычные сочетания: *у товарища Коня; у гражданина Жука.* Здесь начинают действовать не грамматические правила, а эстетические мотивы. Поэтому в некоторых случаях, главным образом в официально-деловой речи, стремятся сохранить исходную форму фамилии. Пишут: *Наградить профессора Жук,* присвоить звание народного артиста *Сергею Васильевичу Гусь* и т. д.» [20]

В этой конфликтной ситуации — отсутствия литературной нормы и наличия «общественного языкового мнения», готового заменить собой запреты и указания литературной нормы,— особую роль в склонении собственных имен начинает играть грамматическая норма, иными словами — грамматическая система: «... не следует полагать, будто грамматическая система литературного языка может быть представлена в каком-либо достаточно авторитетном руководстве. В действительности учебник может содержать лишь более или менее удачную кодификацию системы. Сама же система существует в языке как его грамматическая норма, как совокупность грамматических средств языка, находящихся в коллективном употреблении и стремящихся к стабилизации и нормализации» [21].

Эта-то ускользающая грамматическая норма и определяет склонение собственных имен. Положение усугубляется еще тем обстоятельством, что склонение рассматриваемых фамилий находится под влиянием нескольких

---

[20] «Наука и жизнь», 1973, № 11, стр. 92.

[21] *И. Вахек.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, стр. 125.

одновременно действующих причин: 1) общественного языкового мнения (о чем говорилось выше), 2) сложившейся грамматической системы склонения соответствующих апеллятивов и 3) складывающейся грамматической системы склонения собственных имен (антропонимов). При отсутствии строгих и вообще каких-либо запретов литературной нормы в этом вопросе вариантность в склонении рассматриваемой группы фамилий неизбежна.

Из трех вышеперечисленных причин, оказывающих влияние на склонение субстантивных фамилий, рассмотрим третью причину — складывающуюся грамматическую систему склонения собственных имен — как наиболее неизученную. По образному выражению С. Д. Кацнельсона, «грамматика сравнима с айсбергом, большая часть которого скрыта под водой»[22], однако наиболее справедлива его мысль в отношении ономастической грамматики. Действительно, большая ее часть скрыта от наших глаз, и можно лишь угадывать очертания того, что находится под водой. «Для функциональной морфологии и функционального синтаксиса,— пишет А. В. Бондарко,— важно изучение грамматических единиц с учетом всего того, из лексической и лексико-грамматической среды..., что с ними взаимодействует, необходим охват фактов не только «открытой», но и «скрытой» грамматики»[23]. При изучении этой «скрытой грамматики» ошибки неизбежны и, будем надеяться, оправданны. Итак, обратимся к описанию той части айсберга, которая скрыта под водой.

1. Если в основе склонения апеллятивной лексики лежит явление (понятие) морфологического рода[24] (которых в русском языке три — мужской, женский и средний), то в основе современного склонения фамилий и личных имен лежит явление (понятие) реального пола лица —носителя имени или фамилии (их, соответственно, может быть два — мужской и женский). По этой причине в ономастике отсутствует парадигма склонения существительных среднего рода. Фамилии *Масло, Сало, Кутало* и под.

---

[22] *С. Д. Кацнельсон.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 83.

[23] *А. В. Бондарко.* Принципы построения функциональной грамматики современных славянских языков. «Грамматическое описание славянских языков». М., 1974, стр. 25.

[24] *А. А. Зализняк.* Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 147.

не склоняются [25], как не склоняются русские и иноязычные фамилии на *-о* (*Живаго, Дурново, Шапиро, Прево* и т. п.). Очевидно, отсутствием среднего морфологического рода в склонении антропонимов можно объяснить и устанавливающееся (с конца XIX в. до настоящего времени) несклонение фамилий на *-ко, -енко* украинского происхождения: «Таким образом, на основании данных «Вопросника по морфологии» мы можем сделать вывод о том, что несклоняемые формы фамилий на *-ко* предпочитаются склоняемым, распределение их в разных социальных группах сравнительно равномерное. Несклоняемость фамилий на *-ко* — это явление достаточно прочно завоевавшее позиции в языке, вариантность форм в данном случае очень мала...» [26]

Из этого основного различия следует еще один грамматический вывод: противоречие реального пола носителя имени или фамилии морфологическому форманту определяет несклонение личного имени или фамилии. По этой причине не склоняются фамилии типа *Жук, Кот, Дрозд* и под., когда они принадлежат женщинам, как не склоняются любые женские фамилии, оканчивающиеся на согласный *Каплан, Дурбин, Цейтлин, Риф* и т. п.[27]

---

[25] Между тем, даже в начале XIX в. склонение фамилий представляло несколько иную картину. Так, у Н. В. Гоголя фамилия *Шило* спокойно склонялась, как склоняется соответствующий апеллятив. Конечно, здесь можно усмотреть влияние украинского языка, но ведь Н. В. Гоголь писал свои произведения по-русски: «*Шило* пусть будет атаманом!» кричали одни. «*Шила* посадить в кошевые! В спину тебе ш и л о!» кричала с бранью толпа, «К черту в мешок, пьяницу *Шила*!» «Кирдюга! Кирдюга» кричала толпа. «Бородатого! Бородатого! Кирдюга! *Шила*! К черту с ш и л о м! Кирдюга!» (*Н. В. Гоголь.* Тарас Бульба).

Ср. также склонение фамилии *Щепилло* в письмах декабриста Сергея Муравьева: «Приезжайте и скажите барону Соловьеву, *Щепилле* и Суханову, чтобы они тоже приехали как можно скорее в Трилесы. Ваш Сергей Муравьев». (Цит. по: *Н. Эйдельман.* «Комсомольская правда», 18 июля 1975 г.).

[26] «Русский язык по данным массового обследования». М., 1974, стр. 199.

[27] В чешском языке подобные женские фамилии непременно получили бы фамильный аффикс женского рода *-ова: Барнет — Барнетова* и под.; в польском языке, правда, в последние десятилетия наблюдается тенденция сохранить мужскую фамилию и в качестве женской: *Малгося Дзедзиц, Барбара Битнер* и т. п. Интересный лингвистический эксперимент, проведенный в Латвии в 1924 г., описан в статье В. Э. Сталтмане «Образование женских форм фа-

Мужские фамилии, оканчивающиеся на *-а,* склоняются, как склоняются существительные *дядя, Ваня* и под., однако их склонение вызывает у носителей большие затруднения. Справочную службу русского языка постоянно спрашивают: «Как склонять фамилии *Щука, Мина, Метелица, Рыба, Сметана* и под., если они принадлежат мужчине?» Ответ: «Так же, как и соответствующие женские фамилии» — не удовлетворяет: «Один *Габуниа,* писавший свою фамилию через *я* в конце, жаловался на то, что многие, не будучи лично с ним знакомы, ...принимают его за особу женского пола, по всей вероятности, полагая, что мужчина носил бы фамилию *Габуний*»[28], в начале статьи мы приводили цитату, в которой работник милиции заменяет имя *Родина* на *Родин* артисту Нахапетову, замечая: «Что ты, девка что ли»; — Батарея, смирр-р-но! — кричал сержант Ланцов, и вдруг его взгляд упирался в кого-нибудь из нас, ну, допустим, в меня, и он багровел и командовал: — *Окуджав,* два шага вперед шаго-о-о-м марш! (Он никак не мог привыкнуть к моей фамилии: ему все время казалось, что окончание «ва» должно относиться к женщине.)

И я делал два шага вперед. И он подходил ко мне. (Булат Окуджава, Утро красит нежным светом. Лит. газ., 16 апреля 1975 г., стр. 7).

Каждый раз недоумение вызывает окончание *-а* в мужском имени или фамилии, и соответственно, необходимость склонять мужскую фамилию по женской парадигме. Этой конфликтной грамматической ситуацией объясняется, в частности, массовое несклонение русских и заимствованных фамилий, оканчивающихся на *-а* неударное[29].

2. Другой специфической чертой склонения фамилий является стремление сохранить неизменной основу фа-

---

милий в латышском языке как лингвистический эксперимент» (в сб. «Ономастика». М., 1969). В результате этого эксперимента по юридическому акту латышские женские фамилии получиди формально выраженный род.

[28] *С. И. Данелиа.* Русская транскрипция группы фамильных имен, «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. IX, вып. 5, 1950.

[29] Подробнее об этом типе фамилий и личных имен см. *Л. П. Калакуцкая.* О склонении имен собственных (морфологический тип на *а-* неударное). **«Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970.**

милии; это дает возможность при наличии именительного падежа фамилии безошибочно выводить из него формы косвенных падежей и, наоборот, зная косвенные падежи, автоматически восстанавливать форму именительного падежа.

При таком подходе склонение фамилии отличается от склонения соответствующего апеллятива: *Заяц — Заяца — Заяцу* (ср. *заяц — зайца — зайцу*):

Подражания *А. Заяцу* (Лит. газета, 22 марта 1972 г., 16 стр.); защита диссертации *Заяцем И. Н.* (Моск. правда, 3 дек. 1971 г.); но: защита диссертации *Зайцем В. А.* (Веч. Москва, 24 мая 1972 г.); защита диссертации *Волчеком А. Г.* (Моск. правда, 13 ноября 1971 г.); но: защита диссертации *Волчком Г. И.* (Веч. Москва, 1 июля 1968 г.); пригласить подставного редактора *Владимира Турока* (К. Чуковский. Современники. М., 1963, стр. 260); *Перец* сказал ему: ...обращайтесь *к Перецу*, он посмотрел *на Переца*. *До Переца* донеслось кваканье (Байкал, 1968, № 1, стр. 55—57); ср. склонение географических названий: До войны *в городе Локоть* был преподаватель..., Пока бригада стояла *в Локоте*... (Арк. Васильев, В час дня, Ваше превосходительство. М., 1970, стр. 470—471).

На современном этапе развития языка следует признать равноправное сосуществование обеих парадигм склонения этих фамилий (с сохранением беглой гласной в парадигме и традиционной — с выпадением гласной).

3. Специфической чертой склонения фамилий является отсутствие третьего типа склонения и, соответственно, иное распределение материала между первым и вторым типом. Женские фамилии типа *Рысь, Мышь, Лебедь* (ср. возможность «лебедь белая»), *Соль, Сталь, Шаль, Моль, Капель, Дуэль* имеют нулевую парадигму склонения, а не третье склонение, по которому изменяются соответствующие апеллятивы.

Таким образом, при функционировании в русском языке фамилий, совпадающих по форме с апеллятивом, они оказываются под перекрестным влиянием трех одновременно действующих факторов: общественного языкового мнения, грамматической системы склонения соответствующих апеллятивов и складывающейся грамматической системы склонения фамилий. Действие этих факторов приводит к наличию вариантных форм склонения в языке: несклоняемый вариант (*с Пьером Кот, к Пьеру Кот*);

склоняемый по модели соответствующего апеллятива (поэта *Анатолия Зайца, Анатолию Зайцу*), склоняемый по модели склонения собственного имени (поэта *Анатолия Заяца, Анатолию Заяцу*). Правильными, с точки зрения грамматической нормы для современного состояния языка и соответственно рекомендованными, могут быть только два последние варианта.

Именно таким образом становится возможным изменение морфологической системы: «Развитие морфологической системы, как и фонологической, — вероятностный процесс. Развитие идет путем нащупывающего выбора, поиска путей возможного изменения» [30].

СКЛОНЕНИЕ ФАМИЛИЙ, ОКАНЧИВАЮЩИХСЯ НА *-ОВ, -ИН*

Эта самая распространенная, самая типичная и, казалось бы, поэтому самая легкая для склонения группа фамилий оказывается в словоизменительном отношении сложной, поскольку при склонении ее приходится разграничивать русские и заимствованные фамилии, имеющие то же окончание. Таким образом, и в этой группе фамилий, разумеется, не во всей, а лишь в сравнительно небольшой ее части, наблюдается нормативно-конфликтная ситуация.

Мужские фамилии русского происхождения, оканчивающиеся на *-ов, -ин,* имеют в творительном падеже безударное окончание *-ым* (*с Ивановым, с Маниным*), свидетельствующее о их происхождении из притяжательных прилагательных.

Соответствующие фамилии, принадлежащие лицам женского пола, сохранили в своем склонении больше черт притяжательных имен прилагательных. В них родительный, дательный, творительный и предложный падежи имеют окончание *-ой,* свойственное парадигме членных прилагательных [31].

Заимствованные мужские фамилии, имеющие в своем исходе *-ов* и *-ин,* склоняются по субстантивному типу

---

[30] *В. Журавлев.* Мысли о диахронической морфологии славянских и балтийских языков, Baltistica, X (1), 1974, стр. 33.

[31] *В. В. Виноградов.* Русский язык. М., 1972, стр. 163—164.

склонения и, соответственно, в творительном падеже имеют окончание *-ом: Чарльз Чаплин, Рудольф Вирхов, с Чарльзом Чаплином, Рудольфом Вирховом*: согласовано *с самим Чаплином* (Сов. экран, 1974, № 5, стр. 19); Изучая его, я узнаю, что Пруст, в свою очередь, восхищался *Рескином,* Жорж Санд (А. Моруа. Из писем к незнакомке, Иностр. лит-ра, 1974, № 1, стр. 141); Рецензия на один из сонетов Шекспира, отправленный *Девлином* очередному издателю, гласила... (За рубежом, 1973, № 12, стр. 23); Холм был «открыт» в 1936 году неким *Уильямом Гудвином,* археологом-любителем из Хартфорда (За рубежом, 1973, № 2, стр. 31); Миндсенти установил контакт со своим старым другом, *Палом Жамбокином* (За рубежом, 1973, № 1, стр. 27); ...вверху — катушки, изобретенные *Пэпином* (Наука и жизнь, 1973, № 3, стр. 149).

В XIX в. при склонении заимствованных фамилий на *-ов, -ин* чаще пользовались русской парадигмой. Так, о новой книге Рескина Лев Николаевич записал: «Я не согласен *с Рескиным*» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников»). Но и в современном употреблении и даже в лингвистической литературе можно встретить вариантные формы: ...большинство слушателей двинулось за Дюбуа и *Вирховым* (В. Ларичев. Недостающее звено, Новосибирск, 1973, стр. 74); ...сочувственно цитируемым *Л. Ельмслевым* (Общее языкознание. М., 1972, стр. 25); ...был тонко проанализирован *Л. Ельмслевом* (сб. «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков». М., 1973, стр. 31); ведь знаменитый Чарли, созданный *Чаплиным,* действует на экране... (Ю. Никулин. Я — клоун. Комс. пр., 3 июля 1975 г.).

Разница в склонении фамилий этих крайних групп увеличивается от того, что соответствующие незаимствованные женские фамилии склоняются, как уже говорилось, по парадигме членных притяжательных прилагательных, а женские заимствованные фамилии имеют нулевую парадигму склонения, как заимствованные женские фамилии, оканчивающиеся на согласный, например: *С Гладис Марин,* генеральным секретарем ЦК коммунистической молодежи Чили, я познакомился, когда... (Комс. правда, 30 окт. 1973 г.); Героиня *Джеральдины Чаплин* в фильме «Анна и волки» поступила бонной в богатую

семью. (Сов. экран, 1973, № 16, стр. 17); Мы не нашли этих слов *Бернадетты Девлин,* как и речей других выступавших в Дерри... (Комс. правда, 17 февр. 1973 г.); Балет назван по песенке, написанной Джорджем и *Айрой Гершвин* (Программы Нью-Йорк сити Балет, Госконцерт СССР).

В Академической грамматике (М., 1953, стр. 141) говорится: «По тому же типу (т. е. по образцу *Иванов, Манин.— Л. К.*) склоняются и русские фамилии иноязычного происхождения на *-ин*, напр.: *Фонвизин, Карамзин.* Иностранные фамилии на *-ов, -ин* склоняются без отступления от образцов твердого склонения существительных мужского рода и имеют в творительном падеже единственного числа окончание *-ом: Дарвином, Вирховом*». Итак, по Академической грамматике разграничиваются «русские фамилии на *-ин* иноязычного происхождения» и «иностранные фамилии». По существу же разграничение идет — носитель фамилии, живущий в России, и иностранец — т. е. сопоставляются категории неморфологические и даже нелингвистические. Так, фамилию *Чарли Чаплина* следует склонять в творительном падеже — *с Чаплином,* фамилия его дочери *Джеральдины Чаплин* не будет склоняться, а русская фамилия *Чаплин* (т. е. Цаплин), соответственно, будет склоняться по русскому образцу и в мужском и в женском роде: например, откуда жулику было знать, что он попал в квартиру научного сотрудника зоопарка *Веры Васильевны Чаплиной*...; на снимке *В. В. Чаплина* со своими питомцами; кстати, и у *В. В. Чаплиной*... (Говорит и показывает Москва, 1 мая 1974 г., № 19, стр. 17). Склоняются по русской парадигме фамилии явно заимствованного характера, такие, как *Карамзин* (*с Карамзиным — Карамзина*) и *Фонвизин* (*с Фонвизиным — Фонвизина*); *Баланчин*: «Сын петербургского композитора Мелитона Баланчивадзе, выпускник Петроградского балетного училища, в прошлом ведущий балетмейстер труппы «Русский балет» Сергея Дягилева во Франции, Георгий Баланчивадзе (*Джорж Баланчин*) вот уже 39 лет стоит во главе американского национального балета (Комс. правда, 11 окт. 1972 г.); ...основал совместно *с Баланчиным* Школу Американского Балета; ...основанной Кёрстайном и *Баланчиным*;... работавших в последние годы с *Баланчиным* (Программы Нью-Йорк сити балет, Госконцерт

СССР). Фамилии же *Кронин, Дурбин, Кельвин, Кальвин* и под. склоняются как иностранные.

Внутри группы фамилий на *-ин* есть еще одна разновидность. Фамилии типа *Берлин, Стерлин, Цейтлин, Касвин* в мужском роде склоняются по русской парадигме (*с Берлиным, Стерлиным, Цейтлиным, Касвиным*): ...защита диссертации *Берлиным Ю. А.* (Веч. Москва, 10 мая 1971 г.); *Цейтлиным Б. С.* (Веч. Москва, 14 марта 1972 г.) и др. под. Когда же эти фамилии принадлежат женщинам, то они либо склоняются по образцу «обрусевших фамилий», либо не склоняются как «иностранные фамилии». В концертах принимали участие лауреаты Всесоюзного конкурса эстрады *Раиса Цизина*... (Веч. Москва, 29 ноября 1972 г.). Доклад профессора *Р. О. Халфиной* (Справочник Дома ученых, май 1972 г., стр. 20); защита диссертации *Бейлиной В. Б.* (Веч. Москва, 22 мая 1972 г.); извещение о смерти *Рахили Лазаревны Глезиной* (Веч. Москва, 25 мая 1973 г.) и т. д. и т. п.

Ср. несклоняемые варианты сходных женских фамилий в публикациях в Вечерней Москве о защите диссертаций: *Цейтлин Ф. А.* (15 марта 1971 г.), *Берлин А. М.* (9 июня 1966 г.), *Стерлин Г. А.* (30 мая 1966 г.), *Шин Г. З.* (14 дек. 1971 г.) и т. д. и т. п.

Любопытно, что процесс идет в обе стороны и не только обрусевают фамилии явно нерусского происхождения типа *Фонвизин, Баланчин* и др. под., но и перестают склоняться фамилии очевидно славянские: Двадцать лет *Надежда Артемовна Лебедин* спала. Выросла она в селе Дрюкивка на Днепропетровщине. *Надежде Лебедин* было тогда 35 лет; ...несли *Лебедин* на рентген; *С Лебедин* проводят курс восстановительной терапии... (Неделя, 1973, № 48, стр. 12).

Разграничение лексики по принципу «заимствованное — незаимствованное» всегда представляет сложность. Особенно сложным оказывается проводить такое разграничение в словоизменении. По существу, мы имеем две парадигмы: 1) русскую — с *-ым* в творительном падеже для мужских фамилий и склоняемую парадигму соответствующих женских фамилий; 2) заимствованную с *-ом* в творительном падеже для мужских фамилий и несклоняемую для соответствующих женских. Языковая же действительность предлагает массу переходных случаев. К какой парадигме относить славянские фамилии?

Считать их заимствованными или нет? Как склонять, например, болгарскую фамилию *Зарев:* находящаяся в Москве делегация болгарских писателей во главе с председателем Союза писателей Болгарии академиком *П. Заревым...* (Известия, 16 марта 1973 г. и Комсомольская правда, 17 марта 1973 г.)? Или как склонять фамилии русских, давно живущих за границей, например, такие: *Жеребцов* (Jerebzoff, франц.), *Козлов* (Kosloff, англ.), *Дворкин* (Dworkin, амер.), *Апостолов* (Apostolov, англ.); французский кинорежиссер *Лайонел Рогозин* пригласил ее сняться... (Комсом. правда, 6 авг. 1972 г.) и т. п.? Или как склонять соответствующие латышские фамилии, которые имеют разную транскрибированную форму — русифицированную *Берзин, Граудин*: Он присел на скамейку, вспоминая давнюю встречу со «стариком» *Берзиным,* руководителем советской военной разведки (Комсом. правда, 24 марта 1973 г.). Эта фамилия в нерусифицированной форме имеет вид *Берзинь* или *Берзиньш* и соответственно тогда склоняется *с Берзинем, с Берзиньшем.*

Как склонять американские фамилии *Соскин, Лабов, Левин* (Soskin, Labov, Levin, Новое в лингв., вып. VII, 1975, стр. 77, 342, 475), *Орлов.* «Любопытную короткометражку под названием «Твиск» привез на фестиваль молодой американец по фамилии *Орлов*» (Лит. газ., 21 мая 1975 г., стр. 15)?

Экстралингвистические показатели категории «заимствованное — незаимствованное» или, другими словами, «исконное — иностранное» имеют много переходных ступеней, а при склонении они имеют только две различающиеся парадигмы. Естественно, что в языке в этих случаях появляется масса вариантных форм склонения.

Итак, критерий для разграничения заимствованных — незаимствованных (иностранных) фамилий неморфологический, а само разграничение идет на интуитивном уровне и производится самими носителями языка. К сожалению, ничего более точного в отношении склонения этих фамилий предложить пока нельзя.

Эта группа фамилий является своего рода утконосом в современной словоизменительной системе: русские мужские фамилии, которые оканчиваются на согласную, имеют все основания для склонения — и последовательно не склоняются. Это довольно представительная группа фамилий, во всяком случае гораздо представительнее двух других раритетных групп фамилий, также образованных из падежных форм и также несклоняемых, но их несклонение совпадает с современной системой словоизменения фамилий (*Дурново, Хитрово* и *Мертваго, Живаго, Белаго* и нек. др.).

Несклонение фамилий на *-их, -ых* (ср. склонение существительных *роздых, отдых, жмых* и под.) системно не оправдано. Оно может быть объяснено запретом не грамматической системы, а литературной нормы, и в качестве такового последовательно сохраняется в письменном языке. Представляется уместным вспомнить здесь высказывание А. А. Реформатского о морфонологии: «...факты морфонологии больше касаются нормы, а не системы; морфонология не глобальна, а «штучна»[32]. В рассматриваемом случае несклонение фамилий, оканчивающихся на *-их, -ых,* объясняется «штучным» влиянием литературной нормы, оказавшейся сильнее грамматической системы. Это как раз тот случай, когда исключение оказывается сильнее правила.

Встречающееся в устной речи и в языке художественной литературы склонение фамилий на *-их, -ых* объясняется причинами иного порядка. Дело в том, что письменная и устная формы литературного языка характеризуются в склонении собственных имен двумя разнонаправленными тенденциями[33]. Письменная форма литературного языка характеризуется тенденцией к аналитизму; устная же форма, напротив, стремится к склоняемости даже несклоняемых собственных имен. По этой

---

[32] *А. А. Реформатский.* Фонологические этюды. М., 1975, стр. 118.

[33] Слово «тенденция» мы употребляем в значении, сформулированном Ж. Марузо в «Словаре лингвистических терминов» (М., 1960): «Этот термин употребляется для обозначения совокупности факторов, часто плохо поддающихся определению, которые направляют в определенную сторону языковые изменения на данной территории в данную эпоху».

причине в разговорном литературном языке склоняются фамилии на *-ко* и фамилии на *-ых, -их,* о которых идет речь. В ряде случаев эта повышенная склоняемость устной формы литературного языка проникает в художественную литературу, поскольку в последней находят отражение обе разновидности литературного языка — как устная, так и письменная. Приведем примеры склонения: *...у Черемныха* (Маяковский в воспоминаниях современников, стр. 206). Виктор Хлебников писал *Крученыху* (В. Шкловский. Жили-были. М., 1964, стр. 305).

И въелось *в Крученыха/* злобное лихо/ непомнящих роду/ пьянчуг/ замарах... (Н. Асеев. Маяковский начинается, Избр. стихотворения и поэмы, М., 1947, стр. 235); ...написанный двумя авторами в 1926 году, когда старшему из них — *Г. Белыху* шел всего лишь двадцатый год (Программы радио и телевидения, 7 мая 1969 г., стр. 36); Поэтов-футуристов Велемира Хлебникова и *Александра Крученыха* в действительности звали: первого — Виктором, а второго — Алексеем (В. Г. Дмитриев. Скрывшие свое имя. М., 1970, стр. 156); Он приходил к нам вместе с *Крученыхом* (Лидия Либединская, Зеленая лампа. М., 1966, стр. 115), ...обратилась она к *Крученыху* (там же, стр. 125). На экземпляре *А. Крученыха* Марина Ивановна (Цветаева — *Л. К.*) написала: «Дорогому *Алексею Елисеевичу Крученых*...» (там же, стр. 131); гости легко узнавали ...изобилующие деталями рисунки *М. Черемныха.* Идея «Окон» принадлежит... блестящему мастеру рисунка *М. Черемныху* (Веч. Москва, 22 янв. 1973 г.). Или сравнить: Защита диссертации кандидатом историч. наук *Черныхом В. А.* (Веч. Москва, 21 окт. 1955 г.) и защита диссертации доктором исторических наук *Черных Е. Н.* (Веч. Москва, 29 мая 1972 г.); Режиссер А. Сахаров по сценарию *В. Черныха* создал фильм о председателе колхоза (Веч. Москва, 26 авг. 1972 г.) и объявления о разводе: Черных Лариса Алексеевна извещает о разводе с *Черных Игорем Викторовичем* (Веч. Москва, 7 дек. 1964 г.); ...О разводе с *Черных Виктором Алексеевичем* (Веч. Москва, 7 окт. 1964 г.); книга посвящена жизни и деятельности видного советского хирурга *А. Н. Рыжиха.* Автор книги — жена ученого («Наука и жизнь», № 3, 1975, стр. 92).

Приведем также любопытное письмо в Институт русского языка носителя фамилии *Товчих*; «Моя фамилия —

Говчих. Эта фамилия, как известно, не склоняется. Но никакие мои объяснения не могут убедить в этом моих коллег по работе, которые в разговоре и в деловых бумагах упорно продолжают склонять мою фамилию по всем падежам. Очень прошу вас прислать мне письменный ответ, подтверждающий несклоняемость фамилии *Говчих*».

Заключая статью о склонении собственных имен (фамилий) в отношении к норме, следует сказать, что грамматическая система представлена в них (собственных именах, фамилиях) в виде колебаний, допускающих возможность вариантных форм. И если в отношении апеллятивной морфологии справедлива мысль В. Журавлева о том, что «идея системности, структурализма даже лучше «работает» в диахронии, чем в синхронии. Задача диахрониста — проследить тенденции к системности, синхронист же всегда будет наталкиваться на отступление от системности. Это и хорошо. Не будь этого, не было бы развития языка»[34], но особенно она справедлива в отношении ономастической морфологии, поскольку ономастика занимает периферию языка, т. е. представляет собою «неустойчивые блоки», которые стремятся к устойчивости, равновесию, что и вызывает развитие системы в целом»[35].

---

[34] *В. Журавлев*. Указ. соч., стр. 33.

[35] Там же, стр. 34.— Ср. сходную мысль А. Е. Супруна о современной морфологии: «Лишь наличие колебаний в процессе функционирования грамматического правила делает возможным в диахронической перспективе изменения в нем. Если бы все правила осуществлялись без колебаний, то никаких изменений в них произойти бы не могло». (*А. Е. Супрун*. Вероятностный характер языка и описание грамматической системы. «Грамматическое описание славянских языков», стр. 21).

Л. К. Граудина

НОРМА УПОТРЕБЛЕНИЯ ТОПОНИМОВ С ФИНАЛЯМИ *-ОВ(О), -ЕВ(О), -ЁВ(О), -ИН(О), -ЫН(О)*

«Географические названия на *-ино, -ово, -ево, -но* все заметнее переходят в разряд несклоняемых, чем больше они воспринимаются как существительные, и тем самым пополняют возрастающий «фонд» аналитических средств современного русского языка». (О. И. Лабунько).

«Географические названия с суффиксами *-ин-*, *-ов-* типа *Рощино, Шувалово* без всякого сомнения должны быть отнесены... к склоняемым словам, связь которых с другими словами выражается синтетически... Склонение существительных типа *Рощино, Шувалово* уходит корнями в историю языка, широко проявляется в живой речевой практике...» (Г. А. Качевская).

* * *

Остро полемический сюжет статьи заставляет вновь и вновь обращаться к спору о склоняемости этих топонимов, который давно уже вышел за стены научных кабинетов. В реплике, напечатанной в «Новом мире» (№ 6, 1958 г.), Н. Кузьмин, возмущенный фактами несклоняемости географических названий, называет это явление «инфекцией», «посягательством на грамматику». «Не раз доводилось слышать по радио — «температура воздуха в Иваново», «гостиница во Владыкино», «парад в Тушино», «дом отдыха в Голицыно». Даже в книгах встречаются сплошь и рядом странно несклоняемые «Тушино», «Останкино», «Горелово», «Неелово», как будто это не коренные русские названия, а иностранные, как «Токио» или «Бордо».

Сравнение понравилось. Статья получила сочувственные отклики. Однако и противоположная точка зрения нашла защитников. Приведу образец полемики:

«...Странно, что люди, хорошо знающие русский язык, терпеливо относятся к выражениям *был в Шебалино, вышел из Шебалино, подъехал к Шебалино*, а порой и сами произносят *Шебалино* на иностранный манер по

образцу города *Токио,* как остроумно заметил один словесник» (М. Бочаров. За чистоту языка. Звезда Алтая, 18 мая 1962 г.). Подобные недоумения очень типичны для элементарно-пуристического подхода к языку. Между тем простой (хотя, разумеется, достаточно полный) мысленный эксперимент позволил бы по крайней мере снять авторское недоумение. Еще не описанная удовлетворительно, давно уже известная тенденция в определенных стилях речи использовать сочетания типа *в* (*селе*) *Шебалино, около* (*города*) *Малая Вишера, на реке Буг* (ср. также *на Москва-реке, больше полчаса, по пять рублей*) и т. п., и общие соображения о возможных преимуществах несклоняемых имен собственных, стань она общей нормой, могли бы, казалось, подсказать автору и другие вопросы «языковой политики» в отношении сочетаний, привлекших его внимание. Объективно оправданное стремление сохранить — особенно в области словоизменения — традиционные нормы, очевидно, должно уступить в данном случае целесообразности, стремлению избежать «падежных иллюзий» [1].

Далеко не всех корреспондентов раздражает несклоняемость названий на *-о.* Многим неизменяемость этих форм кажется естественной. По этому поводу напечатано интересное письмо капитана Ю. Леонтьева: «Я работаю капитаном-дублером на теплоходе «М-181», который курсирует на линии Кожухово — Нагатино. И вот в связи с этими названиями мне и хотелось бы задать свой вопрос: склоняются ли эти слова или нет? Я лично их не склоняю. Однако в печатных текстах мне недавно встретилось такое выражение: «Между Кожуховом и Нагатином». Вот я и решил узнать: разве на этот счет произошли какие-то изменения в грамматике?» (Моск. правда, 20 мая 1960 г.).

Отвечая на это письмо, А. Панфилов справедливо сослался на существующее издавна правило склонять наименования такого типа: *в Люблине, в Тушине, из Кожухова* и т. д. Дальше автор пишет: «Надо отметить, что вопрос тов. Леонтьева далеко не случаен. За последние годы не только тов. Леонтьев, но многие сотни и

---

[1] *В. П. Григорьев.* Культура языка и языковая политика (вместо рецензии на книгу К. И. Чуковского). «Вопросы культуры речи», вып. 4, 1963, стр. 17.

тысячи людей, говорящих по-русски, стали употреблять слова типа «Бородино», «Нагатино», «Перово» без изменения их по падежам: «Я еду до Косино», «Мой брат живет в Перово», «Молоко привезли из Бородино» и т. п. Подобные выражения стали проникать и в письменную речь. Так например, на картонной коробке из-под пельменей написано: Московский мясоперерабатывающий завод в Останкино (?). Нет сомнения, что подобные отклонения от норм русской грамматики не содействуют обогащению русского языка» (Моск. правда, 20 мая 1960 г.)

Капитан Ю. Леонтьев не склоняет географические наименования в соответствии с профессиональными навыками. Широко известен факт, что первоначально несклоняемые формы употреблялись лишь в речи географов и военных: важно было давать названия в исходной номинативной форме, чтобы не спутать дублетные названия без окончания: *г. Васильков* и *село Васильково, Белов* и *Белово, Киров* и *Кирово, Борисов — Борисово, Касимов — Касимово, Пушкин — Пушкино* и т. д. В военных руководствах к составлению приказов действует правило во избежание недоразумений и ошибок употреблять названия городов и населенных пунктов в неизменяемой форме. Вот, например, выдержка из приказа времен Великой Отечественной войны: «Командарму 4-й танковой. В течение ночи с 17 на 18.IV.45 форсировать реку Шпрее севернее Шпремберг и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребсац, Халац, Даме, Лукенвальде. Задача армии к исходу 20.IV.45 овладеть районом Белиц, Трейтонбритцен, Лукенвальде. В ночь с 20 на 21.IV.45 овладеть Потсдам и юго-западной частью Берлин». (Правда, 21 апреля 1965 г.).

Однако серьезного влияния на нормы литературного языка стиль приказов оказать не мог. Подавляющее большинство географических наименований по существующим нормам литературного языка склоняется — это в особенности относится к названиям славянского происхождения, оканчивающимся на согласный и на гласный *-а* и *-ы*. Другая судьба складывается у топонимов на *-о, -е*. В академических изданиях мнение об укрепившейся тенденции к употреблению географических названий на *-ово, -ино* в несклоняемой форме высказано в «Грамма-

тике современного русского литературного языка». «В современном языке обнаруживают тенденцию пополнить группу слов нулевого склонения слова — топонимы с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)* и *-ин(о)*, *-ын(о)*, например: *Иваново, Бирюлево, Князево, Болдино, Люблино, Голицыно* и др.»

Авторы академической грамматики опирались в своем утверждении на известные языковедческие работы. К аналогичным выводам пришли в своих исследованиях О. И. Лабунько в кандидатской диссертации «Склонение географических названий в современном русском литературном языке» (наименования населенных пунктов)» (М., 1963), А. А. Зализняк в книге «Русское именное словоизменение» (М., 1967), И. П. Мучник в книге «Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке» (М., 1971). Не обременяя внимания читателя повторением однонаправленных цитат, приведем только еще одно типичное высказывание из серии констатаций несклоняемости формы в современной устной и письменной речи.

«Топонимы СССР, Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии на *-ово, -ёво, -ево* (с ударением не на последнем слоге) и на *-ино, -ыно* (с ударением не на предпоследнем слоге) относятся по литературной норме к притяжательному типу склонения, например: *Иваново, Бирюлево, Сараево, Ченстохово, Болдино, Люблино, Голицыно.* Однако в современной разговорной речи топонимы этой группы обнаруживают явную тенденцию к неизменяемости; ср., например: живет *в Кунцево (под Кунцево)*, едет *из Люблино,* подъезжаем *к Люблино.* Такие обороты широко проникают и в письменную речь, в особенности газетную.

Топонимы той же территории на согласную + *-но* относятся к нулевому типу склонения, например: *Гнезно, Гродно, Комарно, Ровно*» (*А. А. Зализняк.* Русское именное словоизменение». М., 1967, стр. 216, 217). При этом А. Зализняк замечает, что Былинский дает некоторые из таких топонимов как изменяемые, например *Молодечно, Дубровно;* однако эти рекомендации, по-видимому, следует отвергнуть.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается Г. А. Качевская, подробно рассматривая все основания, по которым обсуждаемые географические

названия зачисляются в разряд неизменяемых слов. Автор считает, что если «частью говорящих по-русски людей усвоена привычка употреблять географические названия в неизменяемой форме, то такое употребление следует рассматривать как нарушение языковой нормы. Ведь сама частота употребления еще не свидетельствует о закономерности явления. Не признаем же мы лежащим в пределе нормы вариантом род. падежа мн. ч. *делов, местов* или склонение существительного *пальто* (накрыться пальтом, висят польты), формы *шофера, очередя, площадя* и другие подобные, хотя их можно слышать довольно часто»[2].

Настало время тщательного взвешивания аргументов pro и contra. О чьей правоте будет свидетельствовать литературная норма к 2000 году? Через 30 лет, если норма и не видоизменится, то испытает некоторые сдвиги — против неизбежности языковой эволюции, видимо, не будут возражать обе стороны, ни порицатели, ни защитники неизменяемой формы.

Обратимся прежде всего к существующей норме употребления вариантных форм в современной письменной и устной речи и посмотрим, какова в действительности степень неустойчивости форм у этих топонимов. Наибольшие возможности в этом отношении, как кажется, может дать метод статистического наблюдения.

---

[2] *Г. А. Качевская.* Нужно ли склонять географические названия типа *Рощино, Шувалово?* «Нормы современного русского литературного словоупотребления». М.— Л., 1966, стр. 123.— Оценивая приведенное соображение, можно вспомнить и другие высказывания, не отрицающие значение фактора употребительности: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. То, что является вообще общеупотребительным, то и составляет норму языка» (*Е. С. Истрина.* Нормы русского литературного языка и культура речи. М.—Л., 1948, стр. 19).— Е. С. Истрина, конечно, не имела в виду факты типа *площадя* и *делов.* Кстати, в письменном тексте эти формы не только не частотны, они там вообще не употребляются, разве только в речи некоторых персонажей в языке художественной литературы. Точно также и соображение о том, что мы их часто слышим в устной речи, не может быть отнесено к нейтральному литературному языку. Эти формы употребляют лишь носители городского просторечия и полудиалектов. Частота же их употребления в литературном языке практически нулевая.

Статистическая норма употребления вариантов должна определяться на основе исследования разных функциональных стилей литературного языка. Различия в форме существования литературного языка предопределяют специфику жанрово-стилистических типов речи, которые при многих качественных отличительных признаках рознятся еще и количественным соотношением вариантов. Газета и устный бытовой диалог дадут разную картину употребления вариантов. Поэтому статистическая норма в качестве оценки литературной нормы должна представлять собой, по крайней мере, систему средних с их вариационными показателями применительно к разным выборочным совокупностям из письменной и устной речи [3].

Анализ употребления вариантных форм рассматриваемых географических наименований проведен на базе следующих источников: 1. По данным словаря «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов», подготовленного в секторе культуры русской речи [4]. 2. По результатам подсчета вариантов, проведенного на материале текстов журнала «Турист» (1966—1972 гг.), в котором косвенные падежные формы географических названий достаточно употребительны. 3. По данным, полученным в результате механизированной обработки «Вопросника по современной русской морфологии» (М., 1963).

1. Статистическую выборку словаря составила совокупность в 100 тысяч грамматических вариантов [5], полученная в результате обследования газетных текстов длиной до двух миллионов слов (обработано около 500 номеров центральных газет). Как известно, в отношении склоняемости—несклоняемости литературная норма колеблется и у многих разрядов нарицательных имен (ср.

---

[3] *Л. Граудина.* Статистическое описание грамматической нормы. «Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики. Материалы Всесоюзной конференции». 6—8 октября 1971 г. Кишинев.

[4] См. *Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская.* Грамматические варианты. Опыт частотного словаря. Проспект. М., 1971.

[5] О понятии грамматического варианта см.: *Л. Граудина.* О грамматических вариантах.— РЯНШ, 1970, № 3; *Она же.* Варианты слов и варианты форм. «Актуальные проблемы русского словообразования». Самарканд, 1972.

аббревиатуры, сложно-составные наименования типа *матч-реванш, лейтенант-инженер* и др.), и у многих разрядов собственных имен[6]. Среди топонимов с неустойчивой литературной нормой по материалам словаря самую значительную группу составляют иноязычные географические названия в функции приложения: *в городе Луисвилл, в городе Мобеж, в провинции Зядинь, из республики Судан,* но *в городе Вашингтоне, из города Инсбрука,* в *столице Кызыле* и т. д. Формы такого типа, колеблющиеся в употреблении, по нашей выборке насчитывают 1716 вариантов, т. е. доля употребления вариантов этого типа составила 1716/100 000. Из них подавляющее большинство наименований в функции приложения не склоняется: соотношение несклоняемых и склоняемых вариантов составило 1413/303 (т. е. 82,34% несклоняемых вариантов и 17,66% склоняемых).

Совершенно очевидно, что тенденция к несклоняемости действует в первую очередь под влиянием иноязычности этих топонимов. Несклоняемость топонимов в функции приложения допускается литературной нормой и чаще всего диктуется стремлением к точности в передаче нерусских названий. Чем меньше известен географический объект, тем более заметно выступает необходимость привести топоним в функции приложения в неизменяемом виде. На фоне этих данных достаточно контрастно выглядит соотношение русских и славянских названий в той же функции, т. е. в сочетании с родовым словом.

По существующим нормам, если топоним русского, славянского происхождения или представляет давно заимствованное и освоенное наименование и поставлено на втором месте после родового слова, его следует согласовывать с определяемым словом: *в городе Суздале, в городе Зиме, жители города Куйбышева, заняли станцию Бобринскую, в селе Соломинке, школа в*

---

[6] О склонении собственных имен см. работы: *А. В. Суперанская.* Склонение собственных имен в современном русском языке. «Орфография собственных имен». М., 1965; *Л. П. Калакуцкая, В. Э. Сталтмане.* Польские и чешские фамилии по-русски. «Русская речь», 1967, № 1; *Л. П. Калакуцкая.* О склонении имен собственных (морфологический тип на *-а* неударное). «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970.

деревне Волчихе, долина ручья Сухого, на острове Валааме, на мысе Зеленом и т. д. Подобных топонимов в функции приложения в выборке из 10 тех же 100 тысяч отмечена 981 форма (меньше, чем иноязычных наименований). Соотношение склоняемых и несклоняемых форм составило по этим данным 514/467 (т. е. 52,4% склоняемых вариантов и 47,6% — несклоняемых).

Если иноязычные топонимы преимущественно не согласовываются с родовым наименованием, то русские и славянские чаще согласовываются, хотя процент употребления неизменяемых вариантов в функции приложения все-таки довольно высок. Несклоняемость русских и освоенных топонимов в современной публицистической и газетной речи стала явлением не таким уже редким: *из города Печора, в селе Брыкин Бор, у Селения Мамовщина, в депо станции Лопасня, из города Артемовский, возле поселка Верхоленск, в городе Великие Луки, в городе Мытищи* (здесь форма топонима соответствует форме мн. числа, а в этих случаях норма неизменяемости устойчива) и мн. др.

Сравнение приведенных данных свидетельствует о том неоспоримом факте, что русские, славянские и освоенные топонимы с одной стороны, и недавно заимствованные, иноязычные наименования, с другой, в употреблении существенно различаются.

Перейдем теперь к топонимам на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)*. Склоняемые и несклоняемые варианты этих названий регистрировались в той же выборке, но уже не в функции приложения — было необходимо установить характер количественных соотношений в свободном употреблении. Данные убедили в том, что, прежде всего, по частоте встречаемости этот тип наименований довольно редкий: в 100 тысячах вариантов отмечено всего лишь 460 вариантов (т. е. 460 вариантов форм на 2 млн. словоформ!) Соотношение вариантов свидетельствует о резком преобладании склоняемых форм — 370/90 (т. е. 80,43% склоняемых форм и лишь 19,57% несклоняемых).

Попутно обратим внимание на психологию доказательства некоторых утверждений, распространенную во многих лингвистических работах, в том числе и в статьях по поводу этих топонимов. Несклоняемые варианты косвенных падежных форм, употребленные не в функции

приложения, представляют собой отступление от традиционной литературной нормы.

Достаточно ли привести примеров двадцать-тридцать, скажем, из отмеченных 90, чтобы для читателя убедительно прозвучало утверждение о переходе этих топонимов в разряд несклоняемых? Примеры, конечно, обладают некоторой силой доказательности: Мы много лет видели голубое небо с белыми облаками *над* родным *Жодино* (Известия, 29 февраля 1972 г.); Автобус *из Колпино* рвется вперед, Мелькает листва зеленая... (В. Шефнер. Московское шоссе); Ночью с его такси не доезжая *Боково,* сошли в селе Шуй двое. (В. Тычинин. Волчья лапа). И такого рода иллюстраций можно было бы привести очень много. Однако нельзя не заметить, что игра в примеры мало что раскрывает. «Методологически это совершенно то же, что обычные житейские обобщения на основании двух, трех фактов (например, утверждение после встречи с тремя погребальными процессиями в течение одного дня, что «вся Москва перемерла»). Конечно, интуиция часто угадывает истину... и человек, попавший в зачумленный край... справедливо заметил бы без всякой статистики, по одним частым встречам с похоронами, что дело неладно. Однако отсутствие объективной базы, поскольку речь идет о науке, терпимо быть не может. Оно грозит ошибками субъективного свойства, с одной стороны, и ускользанием из поля наблюдения целого ряда фактов, с другой» [7].

Даже приведенные количественные данные, полученные на основе объективного исследования по материалам большой выборки, не могут быть абсолютизированы. Порочно было бы считать, что соотношение 80,43% склоняемых форм к 19,57% несклоняемых форм исчерпывающим образом отражает существующую норму употребления этих вариантов. Частота есть величина случайная. Идеальная мера возможности появления несклоняемого варианта в разных стилистических сферах литературного языка нам неизвестна. Эмпирическая частота представляет собой лишь точечную оценку искомой вероятности.

---

[7] *А. М. Пешковский.* Сборник статей. Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика. М.— Л., 1925, стр. 167.

2. Для более детального выяснения характера соотношения вариантов собраны статистические данные по журналу «Турист». Этот ежемесячный журнал издается восьмой год (с 1966 г.) и предназначен для самого широкого круга читателей. По своим стилистическим и жанровым особенностям журнал оказался хорошим источником. Прежде всего это «грибное место» географических названий, иноязычных, русских и славянских. Частота употребления топонимов здесь выше, чем в каком-либо другом тексте. На его страницах часто выступают авторы с нефилологическим образованием: географы, спортсмены, туристы разных специальностей. В языке и стиле статей, репортажей, очерков широко допускаются вольности обиходной речи. Влияние норм разговорной стихии в отношении склоняемости или несклоняемости топонимов особенно велико. Все эти черты и обусловили выбор журнала. Обследованы все номера журнала с начала его издания (с 1966 по 1972 г.). Возможности эксперимента были ограниченными, так как топонимы с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* сравнительно редки в тексте (хотя, конечно, в журнале они употребительнее, чем в газете).

Процедура выборки была следующей: из каждого годового комплекта набиралось подряд 100 склоняемых и несклоняемых топонимов (в косвенных падежных формах). Подсчет прекращался, как только предел был достигнут[8]. Таким образом, объем выборки составил 700 вариантов — 7 групп по 100 наблюдений в каждой. Результаты подсчета сведены в таблицу (см. табл. 1). В графе I помещены все случаи употребления несклоняемых вариантов в косвенных падежных формах типа *из Осетрово, до Жодино, от Тасино, до Константиново, в селе Ананьево, из порта Осетрово, у поселка Жолнино, в районе села Охлебинино* и под. В графе IV помещены все аналогичные случаи употребления склоняемых вариантов (*из Осетрова, от Тасина, в Макарове, во Внукове, из села Березова, из города Иванова* и под.). Каждая из семи групп наблюдений, как уже сказано, в сумме составляет 100 форм (см. графу I и IV). Казалось

[8] Практически в годовом комплекте исчерпывающая сплошная выборка, как правило, содержит немногим более 100 таких вариантов.

необходимым различать и регистрировать синтаксическую позицию вариантов, употреблен ли вариант с детерминативом, в функции приложения или вариант отмечен без детерминатива, так сказать, в свободном употреблении. Это было необходимо, чтобы проверить предположение об усилении тенденции к несклоняемости в функции приложения.

В графе II и V помещены случаи употребления топонимов с детерминативами; в графе III и VI — случаи употребления топонимов без детерминатива. Числа во второй и в третьей графе составляют некоторую часть общего числа зарегистрированных несклоняемых форм (см. графу I), что и показано в таблице фигурными скобками. Точно так же числа в графах I и VI составляют в сумме общее число употреблений склоняемых форм. Особой оговорки требуют ряды последней таблицы: $\bar{x}$ Mi, $\breve{x}$, σ.

Для удовлетворительного описания нормы употребления вариантов в речи необходимо установить следующие ряды величин. Важнейшими показателями центральной тенденции являются средние величины. Именно средняя представляет основу, с помощью которой можно обнаружить и существующую статистическую норму употребления вариантов, и отклонения от нее. Арифметическая средняя ($\bar{x}$), как известно, есть результат расчетов, сделанных на основе конкретных эмпирических величин. Среднюю можно считать репрезентативной для набора, если она представляет собой результат усреднения близких по значению величин, т. е. величин, колеблющихся в небольших пределах. Если же сравниваемые числа достаточно резко различаются между собой, их арифметическая средняя, по существу, может оказаться фикцией [9].

Если неизвестен характер распределения вариантов в речи, большую услугу могут оказать два других показателя центральной тенденции — мода ($\breve{x}$) и медиана (Mi). Эти разновидности средней величины в отличие от арифметической средней представляют собой реальные величины, которые выбираются в качестве предста-

[9] В статье «Опыт количественной оценки нормы (чая или чаю) «иллюзорность» подобной средней очень заметна на графике («Вопросы культуры речи», № 7, стр. 87).

вителей своего множества в процессе наблюдения. При симметричном распределении, в чем a priori нет уверенности, все три показателя — средняя ($\bar{x}$), мода ($\check{x}$) и медиана (Mi) должны совпасть. Мода ($\check{x}$) представляет собой наиболее часто встречающуюся величину, т. е. наиболее типичную частоту употребления варианта. Важность этого показателя, таким образом, состоит прежде всего в том, что модальная частота характеризует значение существенной части множества. Медиана (Mi) представляет собой центральную по размерам величину, устанавливающую водораздел между высшей и низшей частотами. Эти три показателя центральной тенденции характеризуют понятие средней величины с разных сторон. «Любой из показателей, взятый изолированно, может дать лишь одно измерение набора данных. Изолированное его применение подобно подглядыванию через замочную скважину: часть комнаты, которую можно увидеть, не дает полного представления о всей комнате»[10]. Норма употребления вариантов будет раскрыта полнее, ближе к действительности, так сказать, объемнее, если будут приведены все три средние показателя ($\bar{x}$, Mi, $\check{x}$) в тесной связи друг с другом.

Распределение вариантов в выборке будет недостаточно охарактеризовано, если не учесть показатель вариации. Взаимосвязь между средней нормой употребления вариантов и эмпирическими индивидуальными частотами проявляется в размахе колебаний. В качестве показателя вариации в нашем случае достаточно установить квадратическое отклонение, с помощью которого обнаруживается степень сосредоточенности отдельных значений около их центра.

По данным, представленным в таблице 4, в ее итоговых рядах приведены результаты расчета основных средних величин.

Как показывают данные таблицы, количественные соотношения вариантов в полупрофессиональной письменной речи иные, чем в газете. Прежде всего, в журнале, в отличие от газет, несклоняемые варианты употребляются с заметным предпочтением. Средняя норма употребления для несклоняемых вариантов составляет $\approx 0{,}7$ (т. е. в 70 случаях из 100 используется

[10] *У. Дж. Рейхман.* Применение статистики. М., 1969, стр. 63.

Таблица 1

Порядковый № наблюдений	Формы: комплекты, журнал	Несклоняемые варианты топонимов			Склоняемые варианты топонимов		
		общее число употреблений	топоним с детерминативом	топоним без детерминатива	общее число употреблений	топоним с детерминативом	топоним без детерминатива
		I	II	III	IV	V	VI
1	1966 г.	61	41	20	39	4	35
2	1967 г.	63	48	15	37	2	35
3	1968 г.	68	47	21	32	4	28
4	1969 г.	81	52	29	19	2	17
5	1970 г.	81	46	35	19	4	15
6	1971 г.	79	45	34	21	4	17
7	1972 г.	72	44	28	28	2	26

несклоняемый вариант). При детерминативах в функции приложения частота употребления несклоняемых форм типа *до поселка Никитино, в деревне Овсянниково, в городе Мукачево* частота употребления несклоняемых форм возрастает до 0,9 (т. е. примерно, в 90% предпочитается неизменяемая форма), склоняемые формы в этой функции единичны. Однако без детерминатива преобладание несклоняемого варианта не столь уж бесспорно. Отношения склоняемых и несклоняемых форм близки к равновероятным. Процент употребления несклоняемых форм в журнале все же намного выше, чем в газетах. Причем устойчивость употребления вариантов в неизменяемом виде доказывается стабильностью и малыми различиями в средних величинах.

Высокую употребительность несклоняемых форм в журнальных текстах сравнительно с газетными можно объяснить несколькими обстоятельствами. Среди них на первом месте должна быть поставлена настоятельная необходимость точного исходного наименования населенных пунктов. Наибольшая доля всех употреблений географических названий приходится на информационно-рекомендательный раздел журнала под рубрикой «Сто путей — сто дорог». В маленьких заметках о путешест-

виях по разным районам страны читателям сообщаются важные сведения о маршрутах путешествия, о перевалах, реках, озерах, населенных пунктах, которые встретит турист на предлагаемом маршруте. Если написано *до Петрикова, в Лоеве, от Турова, к Тыврову,* читателю трудно определить, каково исходное название населенного пункта — *Петриков* или *Петриково, Лоев* или *Лоево, Туров* или *Турово, Тывров* или *Тыврово.* Неизменяемые наименования с этой точки зрения более точно информируют читателя. Несклоняемые наименования зарегистрированы в журнале во всех косвенных падежных формах и с разнообразными предлогами. Вот краткий перечень сочетаний, в которых зарегистрирована неизменяемая форма без детерминатива: с предлогом *до — до Клушино, до Белкино, до Громово, до Стрельцово, до Репино, до Подмоклово, до Берендеево, до Мишино, до Константиново, до Кременцово, до Юмагузино* и др.; с предлогом *из — из Белавино, из Тасино, из Осетрово, из Клушино, из Иваново, из Пущино, из Чапаево, из Бабкино, из Юлдыбаево* и др.; с предлогом *к — подошли к Наро-Осаново, к Телекино;* с предлогом *возле, около — возле Марково, возле Думчино, возле Аксубаево, возле Акбулатово, около Усово*; с предлогом *близ — близ Яковлево, близ Щебекино, близ Лосево;* с предлогом *от — от Дебрино, от Тасино, от Константиново, от Поронино*; самой употребительной оказалась форма предложного падежа с предлогом *в — побывать в Большом Лопатино, находились в Мукачево, фабрика в Мукачево, в Белавино, в Нальчево, в Осетрово, в Репино, в Атепцево, в Горчухино, в Слизнево, в Жолнино, в Никитино,* и мн. др. Отмечены также несклоняемые топонимы в сочетаниях с предложными наречиями — *ниже Ольгино, выше Марково.* Нельзя отрицать возможность влияния по аналогии несклоняемых наименований, которые имеют окончание *-о* и *-но.* На речевые навыки действуют не столько зарубежные иноязычные топонимы типа *Рио-де-Жанейро, Бордо, Сорренто, Токио,* сколько многочисленные наименования населенных пунктов и городов, расположенных на территории Советского Союза. В национальных республиках заимствованные и местные элементы часто смешиваются в употреблении. У топонимов *Юлдыбаево, Аксубаево, Акбулатово* с финалями славянского происхождения словообразовательная база тюркских языков.

В то же время славянские наименования типа *Ровно, Ратно, Гродно, Молодечно, Вымно* по существующим литературным нормам не склоняются. Этот тип наименований в употреблении смыкается с другими иноязычными на *-о: вдоль озера Сегдено, в местечке Сагурамо, на станции Соблаго, на берегу реки Тосно, на нефтепромысле Шугуро, на курорте Цхалтубо, к острову Сухо, на перевале Загаро* и т. д.

О. И. Лабунько не без оснований замечает, что «географические названия на *-о* обнаруживают тенденцию к переходу в разряд несклоняемых, что в известной мере связано с непродуктивностью апеллятивов сред. рода, а также обусловлено экстралингвистически»[11]. Помимо экстралингвистических факторов действуют причины системно-языкового характера. Не случайно, доля употребления несклоняемых вариантов резко возрастает в функции приложения, и не в одной какой-нибудь группе топонимов. Это явление характеризует все ряды географических наименований. Усилилась тенденция к аналитическому способу соединения слов в определительных сочетаниях. Несогласованности падежных форм способствует прежде всего различие в грамматических формах детерминатива и топонима. Норма несклоняемости не может вызывать ни малейших сомнений, если детерминатив выражен словом женского рода, а топоним, как в ниже приводимых примерах, среднего: *к деревне Белкино, Овсянниково, к станции Гоголево, Переделкино, Перхушково.*

Но даже и в тех случаях, когда род детерминатива и топонима совпадает, несклоняемые формы предпочитаются: *к селу Мартино, Макарово, Федоскино;* предл. ед. — *в становище Хабарово.* Если детерминатив мужского рода, а топоним среднего, в косвенных падежных формах не возникает препятствия к их падежному согласованию. Однако именно омонимия косвенных падежных форм существительных муж. и сущ. среднего рода заставляет пишущих в целях более точного обозначения употреблять исходную форму с ее отличительными грамматическими и номинативными приметами: *в поселке Репино, Василь-*

---

[11] *О. И. Лабунько.* Склонение географических названий в современном русском литературном языке (наименование населенных пунктов). Автореф. М., 1964, стр. 12.

ково (чтобы не спутать с городом *Васильков* под Киевом), в поселке *Пушкино* (есть еще и город *Пушкин*), *из поселка Белово* (есть город *Белов*), *из порта Осетрово, в районе Усово* и т. д. Есть случаи, когда по этой же самой причине, во избежание нежелательной омонимии, склонение топонима и без детерминатива совершенно исключено, ср. например, в таком контексте: «Кто шел *от Ленино* до Вислы, Направив шаг к Балтийским водам, Чей путь руинами был выстлан, Кто шел под чистым небосводом» (Станислав Выгодский. Песня о братстве. Пер. Л. М. Живов, сб. «Из польских поэтов», стр. 53); «Я нынешний год проживаю опять *в* уже классическом *Пушкино*». (В. Маяковский. Дачный случай).

3. Метод пассивного наблюдения за устной и письменной речью с точки зрения безыскусственности условий, в которых статистик может собирать материал, идеален и приводит к достоверным результатам, если выборка достаточно представительна.

Основная трудность организации такой выборки в устной речи заключается в том, что топонимы с финалями *-ин(о)*, *-ын(о)*, *-ов(о)*, *-ёв(о)* сравнительно редко употребляются. Несмотря на бесспорные преимущества метода пассивного наблюдения, некоторые материалы дает метод активного сбора данных, в частности, прием опроса, в настоящее время широко использующийся в разных областях общественных наук — социологии, философии, лингвистике.

По интересующей теме некоторые данные получены в результате механизированной обработки [12] «Вопросника по современной русской морфологии» (М., 1963 г.).

Материалы вопросника. В вопроснике помещено 11 вопросов по географическим названиям на *-ово, -ево, -ино*, вопросы задавались относительно 9-ти топонимов: *Щелково, Болшево, Томилино, Быково, Иваново, Пушкино, Пирогово, Софрино, Тушино*. Эти географические наименования употреблены в сочетаниях с предлогами без детерминатива в родительном, дательном и предложном падежах. Географические названия предла-

---

[12] Подробную характеристику вопросника, его композиции и частей см.: «Вопросник по современной русской морфологии», в сб. «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка». М., 1967, стр. 151—158.

гались информанту в следующих контекстах с соответствующими вопросами.

Во всех приводимых ниже предложениях вместо троеточий вставьте нужные буквы.

Следующей остановкой было Щелково. Мне сказали, что по направлени... к Щелков... поезда отправляются из Болшев... каждые полчаса.

Он родился в Щелков..., а кончил школу в Томилин...

Щелково и Быково — прекрасные дачн... места. Я живу в Щелков..., а мой брат в Быков...

Склоняете ли Вы названия городов и других населенных пунктов, оканчивающихся на *-о*, типа *Иваново, Пушкино. Пирогово, Софрино?*

Как Вы говорите?

он живет в Пушкино	или	он живет в Пушкине
поезд подошел к Иваново	или	поезд подошел к Иванову
воздушный парад в Тушине	или	воздушный парад в Тушино
он часто бывает в Софрино	или	он часто бывает в Софрине
водохранилище в Пирогово	или	водохранилище в Пирогове

На каждый вопрос получено около 4 тыс. ответов[13]. Ответы распределяются по принципу «да» — «нет» — склоняет или не склоняет информант предлагаемые названия. Возможные исходы события квалифицируются как положительные и отрицательные. Общая вероятность события, случающегося или неслучающегося, равна 1. В этом случае, как известно, мы имеем дело с биномиальным распределением.

Данные ответов сгруппированы в таблицы, построенные как некоторое статистическое предложение, где в качестве подлежащего выступают общественные группировки, а сказуемым являются проверяемые грамматические формы (11 группировок)[14]. В таблице 2 приведены

---

[13] Общее число ответов по каждому вопросу не составляет точно четырех тысяч, потому что в отдельных случаях информант или не ответил, или не заполнил отточия, или неправильно понял вопрос.

[14] Подробное описание материала вопросников, способа его распространения и обработки, особенностей композиции таблиц см. «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970 (глава «Норма и статистика»).

данные по употреблению вариантов в трех возрастных общественных группах. В таблице 3 те же данные сгруппированы по признаку социально-профессиональной принадлежности отвечающих к шести общественным группам. Частота $P^*(A)=m/n$ (понимаемая как эмпирическое соответствие понятию вероятности) в каждой группе данных из таблиц высчитывалась для несклоняемого варианта. В результате получено 9×11 = 99 группировок. Каждый из девяти рядов был ранжирован. Для каждого ряда сосчитана $\bar{x}$ и определена медиана (Mi) как центральный член ранжированного ряда. В данном случае, порядковый номер, отвечающий медиане (11+1)/2=6, т. е. шестой член ранжированного ряда частот устанавливает центральный водораздел между высшей и низшей частотами. Модальная частота ($\breve{x}$) определялась по округленным частотам: $\left.\begin{matrix}0{,}204\\0{,}214\end{matrix}\right\}$ 0,2; $\left.\begin{matrix}0{,}499\\0{,}511\end{matrix}\right\}$ 0,5. Для каждого ряда было высчитано стандартное квадратическое отклонение (σ). Ниже приводится сводная таблица (табл. 4) полученных средних показателей по данным, помещенным в таблицах 2 и 3.

Данные таблиц дают возможность сделать следующие выводы.

1. В каждом из рядов мода и медиана меньше средней, а медиана находится между $\bar{x}$ и $\breve{x}$. По величине все три средних показателя не совпадают (распределение не

Таблица 2

Предложения:	Он родился в Щелков..., а окончил школу в Томилин...			Я живу в Щелков..., а мой брат в Быков...								
Возрастные группы	Грамматические явления											
	В Щелково	В Щелкове	% неискл.	В Томилино	В Томилине	% неискл.	В Щелково	В Щелкове	% неискл.	В Быково	В Быкове	% неискл.
	+	−	+	+	−	+	+	−	+	+	−	+
1870—1909	74	288	20,4	77	283	21,4	94	268	25,9	93	269	25,7
1930—1939	472	836	36	519	786	39,8	652	656	49,9	667	642	50
1940—1949	644	1028	38,5	618	1044	38,9	903	769	54	917	751	54,9

Таблица 2 (окончание)

Предложения:	Он живет в Пушкин...	Воздушный парад в Тушин...	Он часто бывает в Софрин...	Водохранилище в Пирогов...

Возрастные группы	Грамматические явления											
	В Пушкино	В Пушкине	% нескл.	В Тушино	В Тушине	% нескл.	В Софрино	В Софрине	% нескл.	В Пирогово	В Пирогове	% нескл.
	+	−	+	+	−	+	+	−	+	+	−	+
1870—1909	171	174	49,9	131	206	38,9	161	161	50	149	194	43,5
1930—1939	1015	234	81,2	974	263	78,8	999	258	79,4	921	334	73,3
1940—1949	1461	166	89,7	1354	241	84,9	1400	210	86,9	1282	330	79,5

Предложения:	Мне сказали, что по направлению в Щелков...	Поезда из Болшев... отправляются	Поезд подошел к Иванов...

Возрастные группы	Грамматические явления								
	К Щелково	К Щелкову	% нескл.	Из Болшево	Из Болшева	% нескл.	К Иваново	К Иванову	% нескл.
	+	−	+	+	−	+	+	−	+
1870—1909	98	263	27,1	91	264	25,7	159	188	46,1
1930—1939	497	802	38,2	419	855	32,9	907	347	72,3
1940—1949	657	1002	39,5	618	1020	37,8	1293	327	79,8

симметрично), но отстоят довольно близко друг от друга (умеренно скошенное распределение), причем сам порядок величин прямой, (как алфавитный в английском словаре — *mean, median, Mode*) — такой порядок величин, как известно, свидетельствует об отрицательной асимметрии, т. е. левая ветвь длиннее правой.

2. Основная масса частот лежит по левую сторону от медианы. И хоть в большинстве рядов (кроме первого и четвертого, по значению арифметической средней ($\bar{x}$)

варианты оказываются в употреблении, примерно, равноправными, все же в целом замечается уклон в сторону ниже половинного употребления несклоняемых форм, т. е. по существу предпочтительного употребления склоняемых вариантов. Причем типичная (модальная) частота употребления вариантов в разных прослойках общества оказывается достаточно устойчивой: 0,4, т. е., примерно, 40% информантов оказывают предпочтение несклоняемым формам, а около 60% ответивших эти названия склоняют.

3. Две общественные группировки — самая старшая возрастная группа информантов 60—70-летнего возраста и профессионально-образовательная группа филологов — по частоте употребления вариантов резко отличаются от всех прочих. В своем подавляющем большинстве представители этих групп являются основными носителя-

Таблица 3

Предложения:	Он родился в Щелков..., а окончил школу в Томилин...			Я живу в Щелков..., а мой брат в Быков...								
Соц.-проф. группы	Грамматические явления											
	В Щелково	В Щелкове	% неискл.	В Томилино	В Томилине	% неискл.	В Щелково	В Щелкове	% неискл.	В Быково	В Быкове	% неискл.
	+	−	+	+	−	+	+	−	+	+	−	+
Интеллигенция с филол. образованием	81	258	20,9	97	240	28,7	105	235	30,9	113	227	33,2
с нефилологическим образованием	250	552	31,1	308	494	38,4	340	464	43,5	365	436	45,5
Служащие	317	601	34,7	345	566	37,8	446	470	48,6	454	464	49,4
Рабочие	194	240	44,7	196	236	45,3	254	182	58,2	250	182	57,9
Студенты с филол. образованием	246	421	36,8	218	448	32,7	352	319	52,4	350	320	52,2
Студенты с нефилол. образованием	67	102	39,6	67	102	39,6	100	69	59,1	108	61	63,9

Таблица 3 (окончание)

Предложения:	Он живет в Пушкин...			Воздушный парад в Тушин...			Он часто бывает в Софрин...			Водохранилище в Пирогов...		
Соц.-проф. группы	Грамматические явления											
	В Пушкино	В Пушкине	% нескл.	В Тушино	В Тушине	% нескл.	В Софрино	В Софрине	% нескл.	В Пирогово	В Пирогове	% нескл.
	+	−	+	+	−	+	+	−	+	+	−	+
Интеллигенция с филол. образованием	197	129	60,4	163	156	51,1	178	141	55,8	161	158	50,5
с нефилологическим образованием	556	218	71,7	499	252	66,4	537	231	69,9	506	260	66
Служащие	697	175	79,9	666	195	77,3	694	184	78,9	630	246	71,9
Рабочие	375	45	8,9	360	56	86,5	366	54	87,1	330	84	79,6
Студенты с филол. образованием	582	75	88,5	542	105	83,7	565	90	86,2	505	145	77,6
Студенты с нефилол. образованием	152	12	92,7	141	22	86,5	148	17	89,7	137	30	82

ми кодифицированной литературной нормы и употребляют преимущественно склоняемые формы. Однако и в группе филологов-студентов 40-х годов, которые сейчас уже пополнили ряды работающей интеллигенции, процент употребления несклоняемых вариантов оказывается гораздо выше, чем у филологов более старшего поколения. Норма у филологов молодого поколения расшатана — об этом свидетельствует довольно высокий показатель размаха колебаний вокруг средней.

4. Относительно величины среднего квадратического отклонения (σ). Она достаточно высокая и по разным рядам неодинакова: в группах хранителей литературной нормы совокупность более однородна, частоты ложатся ближе к средней. В других группах, условно называемых «молодежью», частота употребления несклоняемых форм заметно повышается, но и размах колебаний, свидетель-

Таблица 3 (окончание)

Предложения:	Мне сказали, что по направлению к Щелков...			Поезда из Болшев... отправляются			Поезд подошел к Иванов...		
Соц.-проф. группы	Грамматические явления								
	К Щелково	К Щелкову	% нескл.	Из Болшево	Из Болшева	% нескл.	К Иваново	К Иванову	% нескл.
	+	−	+	+	−	+	+	−	+
Интеллигенция с филол. образованием	89	253	26	68	266	20,4	165	159	50,9
с нефилологическим образованием	290	511	35,1	254	529	32,4	492	278	64
Служащие	349	564	38,2	318	569	35,9	627	248	71,6
Рабочие	201	233	46,3	175	252	40,9	324	90	78,2
Студенты с филол. образованием	249	416	37,4	230	431	33,3	527	134	79,7
Студенты с нефилол. образованием	79	91	46,4	60	106	36,1	134	34	79,9

ствующий о степени однородности частот, заметно возрастает. Тенденция к росту неизменяемых форм, таким образом, сопровождается ростом неустойчивости в их употреблении.

* * *

Полученные данные позволяют выдвинуть некоторые допущения, которые, если даже не считать их достаточно обоснованными, все же не могут не иметь права на существование. Во всяком случае, опровержение этих предложений возможно лишь на базе аналогичных или больших статистических исследований, которые могли бы привести к другим или противоположным выводам:

I. Несклоняемые варианты топонимов с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* не являются в современном

Таблица 4

Сводная таблица средних показателей несклоняемых вариантов по данным вопросника в разных возрастных и социальных группировках (топонимы типа Щелково, Софрино, Болшево)

Группы информантов	Параметры			
	$\overline{X}$ арифм. (средняя)	$\check{X}$ (мода)	Me (медиана)	σ (квадрат. откл.)
1. 1870—1909 гг.	0,34	0,2	0,271	0,111
2. 1930—1939 гг.	0,574	0,4	0,5	0,189
3. 1940—1949 гг.	0,622	0,4	0,549	0,212
Служащие с в/о				
4. Филологи	0,335	—	0,332	0,126
5. Нефилологи	0,512	0,4	0,455	0,136
6. Служащие	0,567	0,4	0,494	0,183
Без в/образования				
7. Рабочие	0,648	0,4	0,589	0,133
8. Студенты-филологи	0,6	—	0,524	0,232
9. Студенты-нефилологи	0,654	0,4	0,639	0,119

литературном языке повсеместными. В газете резко преобладают склоняемые варианты. В устной речи также предпочтение несклоняемых вариантов не может считаться доказанным. Поэтому преждевременно было бы отказываться от традиционных склоняемых форм и признавать несклоняемые варианты строго нормативными для письменного литературного языка.

Однако, если в свободном употреблении склоняемые варианты или предпочитаются, или равновероятны (как в тексте журнала «Турист», или по данным вопросника в некоторых возрастных и социально-профессиональных прослойках общества), то в функции приложения в сочетаниях с детерминативом норма употребления нуждается в практических коррективах. Не вызывает сомнений очевидный рост несклоняемых форм в сочетаниях с родовым нарицательным наименованием в самых широких пластах топонимов — от недавних заимствований до коренных русизмов. Несклоняемость топонимов на *-о* и *-но*, с одной стороны, отсутствие запрета к неизменяемости в

функции приложения иноязычных или малоизвестных топонимов, особенно, в сочетаниях с детерминативами *поселок, село, станция, деревня,* с другой стороны; наконец, желание избежать омонимии форм в наименованиях, с третьей стороны, — все эти условия способствовали становлению новой нормы. В функции приложения у топонимов на *-ов(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* и в письменной, и в устной речи практически употребляется несогласуемая форма (подробнее см. формулировку правил).

II. Учитывая высокую употребительность несклоняемых вариантов в специальной и разговорной сферах речи конкурентные формы близки к равновероятным, разумно было бы допустить несклоняемость форм на правах профессионального и разговорного варианта употребления, специально при этом оговорив известную нелитературность несклоняемых форм, т. е. рекомендовать их лишь с пометой «профессиональное» или «разговорное». Это предложение продиктовано отнюдь не страстью к нововведениям. Оно лишь констатирует факт уже существующей, сложившейся нормы употребления топонимов. Процесс зашел так далеко, что при всем нашем желании ему нельзя воспрепятствовать.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПРАВИЛА:

Географические названия с финалями *-ов(о)*, *-ёв(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* по действующим грамматическим нормам русского языка в строгом литературном употреблении необходимо склонять: *в Жодине, из Перхушкова, к Мукачеву, возле Переделкина* и т. д.

Эти географические наименования не склоняются в следующих случаях:

1. В функции приложения, когда род географического названия и обобщающего нарицательного слова не совпадает, т. е. со словами жен. рода *деревня, станция, станица: к деревне Белкино, на станции Гоголево, из станицы Тихоново.*

2. В функции приложения, когда названы малоизвестные населенные пункты с обобщающими словами *село, поселок, становище* и во избежание совпадения с тождественными наименованиями городов в муж. роде: *в селе Васильково,* но *в городе Васильков, в поселке*

Пушкино, но *в городе Пушкин, в становище Белово,* но *в городе Белов* и т. д.

3. В узкой группе наименований, совпадающих с именами собственными во избежание стилистических ошибок: *Ленин — Ленино, Репин — Репино, Лермонтов — Лермонтово, Киров — Кирово.*

Употребление несклоняемых форм типа *до Клушино, из Бабкино, от Поронино, около Усово* свойственно профессиональной и устной речи и для строгого литературного употребления не рекомендуется.

Л. К. Чельцова

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ НА *-Ы, -И*

Группа иноязычных географических названий на *-ы, -и* не является однородной: она включает склоняемые названия в форме множественного числа и несклоняемые названия, в которых конечные *-ы, -и* не воспринимаются как флексии множественного числа. Однако распределение иноязычных топонимов по этим группам представляет собой сложную задачу, решение которой зависит от действия многих факторов; одним из основных факторов является славянское или неславянское происхождение названия.

При передаче славянских географических названий в форме множественного числа возникает целый ряд специфических трудностей.

Ввиду близкого родства славянских языков в них имеется много материально общих и функционально тожественных морфем. «Видя и узнавая знакомые морфемы,— пишет А. В. Суперанская,— мы невольно отождествляем их с морфемами родного языка и стремимся произносить их так же, как произносим аналогичные свои морфемы. Так функциональное тожество элементов влечет за собой стремление и к материальному тожест-

ву, потому что трудно, говоря на одном из близкородственных языков, употреблять в нем слова другого близкородственного языка с аналогичными, но все же чужими элементами. Однако сознание некоторых отличий от родного языка препятствует такому объединению иностранных морфем со своими. Отсюда стремление сохранить их в исходной национальной форме. Столкновение обеих тенденций приводит к неуверенности и колебаниям в употреблении их»[1]. Так, польские и чешские географические названия множ. числа на *-е* передаются на практике и с русской флексией множ. числа *-ы* (например, *Лидицы, Кельцы, Катовицы, Дейвицы*), и с национальной флексией *-е* (*Лидице, Кельце, Катовице, Дейвице*): Глейвиц, *Катовице,* Рыбник, Оппельн, Бриг — весь Силезский промышленный район был освобожден от фашистских войск («Новый мир», 1970, № 5, стр. 169). В «Центре профессионального усовершенствования» польского города *Катовицы* трудности, связанные с обучением вождению автомобиля, сведены до минимума (Веч. Москва, 2 февраля 1970 г.) В БСЭ даются *Страконице, Катовице, Лидице,* но : «Волынщик из *Стракониц*» («Словарь ударений для работников радио и телевидения». М., 1970).

В лингвистической литературе высказываются различные точки зрения: одни исследователи считают, что при передаче славянских названий нужно придавать слову русскую морфологическую форму[2], другие настаивают на сохранении национальных особенностей имени собственного[3].

В настоящее время разнобой при передаче географических названий в форме мн. числа уменьшился: более принятая прежде передача польских и чешских топонимов с флексией *-ы* последовательно заменяется передачей с конечной гласной *-е*.

---

[1] *А. В. Суперанская.* Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербохорватских, чешских и словацких имен собственных. «Краткие сообщения Института славяноведения» (КСИС), вып. 28. М., 1960, стр. 58.

[2] См. *А. М. Сухотин.* О передаче иностранных географических названий. «Вопросы географии и картографии». НИИБСАМ, сб. 1. М., 1935, стр. 140.

[3] См. *А. А. Реформатский.* Перевод или транскрипция? «Восточнославянская ономастика». М., 1972, стр. 330.

Если передача таких названий с флексией *-ы* не вызывала никаких сомнений при склонении, то передача с конечным *-е* осложнила картину. Географические названия с несвойственными русскому языку окончаниями не могут и не должны склоняться. Следовательно, не должны склоняться чешские и польские топонимы, сохраняющие национальную флексию. Однако в косвенных падежах инославянские собственные имена «подстраиваются» под морфологию русского языка, несмотря на «запрещение» именительного падежа (конечно, на склоняемость таких имен влияет склоняемость старой формы на *-ы*). Е. Мельников указывает: «В переводах и в трудах славяноведов, заимствующих грамматические свойства отдельных наименований из языка-источника, обычно в именительном падеже употреблять транскрибированную форму (*Дейвице, Страконице*), а в косвенных падежах склонять (*в Дейвицах, в Страконицах*), как будто бы исходная форма была во множественном числе (т. е. *Дейвицы, Страконицы*)»[4]. Ср. также: Первого мая этого года десятки тысяч трудящихся заполнили площадь Яна Жижки в гор. *Ческе Будейовице* (Социалистическая Чехословакия, 1972, № 7, стр. 19). Эта семичленная группа пришла из *Чешских Будейовиц* (там же, 1972, № 5, стр. 8). Недавно на карандашах из *Чешске Будеёвиц* появилась новая марка «Туазон д'ор» — «золотое руно» (Известия, 21 янв. 1966). ...за вклад в строительство социализма в народной Польше *Пабьянице* были награждены орденом Трудового Знамени I степени... Сегодня в *Пабьяницах* 64 тысячи жителей (Пшиязнь, 18 марта 1973). ...нынешний дирижер оркестра радио в *Катовице* (Известия, 6 авг. 1973). В *Кельцах* прошел Всепольский съезд молодых писателей (Ин. лит-ра, 1970, № 3, стр. 282).

Таким образом, в настоящее время наблюдается такая ситуация: в именительном падеже преобладает точная передача национальной флексии *-е*, а в косвенных падежах, наряду с несклоняемыми названиями, соответствующими грамматической норме, существуют и скло-

---

[4] *Е. И. Мельников.* Заметки о морфологии и правописании чешских собственных имен в русской передаче. «Топономастика и транскрипция». М., 1964, стр. 133—134.

няемые; возникло нарушение грамматической нормы [5].

Анализируя передачу и склонение славянских фамилий, А. А. Реформатский пишет: «Надо различать: исходную форму и вопрос о том, как с ней поступать в синтаксически связанном тексте... А, кроме того, можно установить, если уж так хочется склонять, «супплетивное правило»: в именительном падеже (исходная форма!) *Яблоньска, Яблоньски,* а в косвенных — по русскому образцу: *Яблоньской, Яблоньскую, Яблоньского, Яблоньскому*... Следует помнить, что вопрос о словоизменении — это всецело право языка перевода. «Словоизменять» по чужой парадигме нельзя» [6].

Однако можно заметить, что влияние исходной формы топонима на *-е* сказывается при склонении сильнее воздействия ранее существовавшей формы именительного падежа на *-ы;* в энциклопедиях, справочниках, словарях польские и чешские топонимы на *-е* последовательно не склоняются. А. М. Сухотин предлагал отражать число не только при передаче славянских названий, но и при передаче названий с языков, имеющих с русским языком прозрачные морфологические соответствия (греческий, румынский и др. языки). «Поэтому польское *Kielce* — «Кельцы», румынское *Ploeşti* — «Плоешты», греческое *Saloniki* — «Салоника»... В отношении языков, не имеющих с русским языком столь прозрачных морфологических соответствий, как вышеупомянутые, отражать множественное число жела-

---

[5] С подобным явлением мы сталкиваемся при передаче и склонении польских фамилий адъективного типа на *-ki, -ka*: «Тампон,— говорит доктор *Куницки*... Да, это комната *Куницкого*» (К. Блахий. Ночное следствие. М., 1970, стр. 70, 71). «Достаточно... познакомиться с популярной сводкой польского ученого Яна *Жабиньски...*» (Джой Адамсон. Рожденная свободной. Пер. с англ. М., 1966, стр. 386). «Из трех с лишним десятков яхт, завершивших гонку, три шли под польским флагом: «Кшиштоф *Барановский* — на «Полонезе», Збигнев *Пухальский* — на «Миранде» и Тереза *Ремишевска* на «Комодоре» (Сов. спорт, 6 января 1973 г., стр. 4). «Четвертая зона» — путевые дневники польской журналистки Моники *Варненска*... (Комс. правда, 24 апреля 1971 г.). «А. Вежбицка приписывает особый статус существительным со значением ‹лицо›. Между тем, синтаксическое поведение, описанное А. Вежбицкой, характерно для гораздо более широкого класса существительных»... (*Ю. Д. Апресян.* Лексическая семантика. М., 1974, стр. 34).

[6] *А. А. Реформатский.* Указ. соч., стр. 330.

тельно в названиях горных цепей (*die Alpen, les Alpes* — «Альпы»...) [7]. По-видимому, определяющим, существенным является общность словообразовательных моделей. А. А. Реформатский среди словообразовательных моделей русских топонимов выделяет модель pluralia tantum разных подвидов: *Бороды, Вины, Вязники, Валуйки, Вербилки, Дертники, Горки, Лысые Горы, Липки, Лубны, Львы, Ливны, Люберцы, Луховицы, Кузнецы, Жеребцы, Душищи, Мытищи, Семищи, Вятские Поляны, Великие Луки, Пруды, Озёры* (sic!), *Озерки, Наволоки, Муханки, Мошки, Кузьминки, Ожерелки, Петушки, Парфенки, Петрищи, Поныри, Работки, Сумки, Шапки, Снегири, Щигры, Бронницы, Черновицы, Речицы, Боровичи, Высокиничи, Климовичи, Костюковичи, Сухиничи* и т. п.[8] При передаче названия в форме множественного числа и решении вопроса о его склонении учитываются и сочетание конечной гласной с предшествующей согласной, и наличие суффиксальных элементов. Например, если латышские названия множественного числа мужского рода, оканчивающиеся на *-i* после твердых согласных, передаются на русский язык с окончанием *-ы*, то они склоняются: *Meirani — Мейраны — в Мейранах, Dubulti — Дубулты — в Дубултах,* в отличие от географических названий на *-и*: *Kaiņiņi — Калнини — в Калнини.* Если изменить передачу формы имен. падежа и транскрибировать *Мейрани, Дубулти,* как *Калнини,* то, естественно, иначе будет решаться и вопрос о склонении[9]. (Ср. чешские названия на *-y*: если *-y* транскрибировать как *-и* (*Dubňany — Дубняни, Vodňany — Водняни*), то топонимы не склоняются; если *-y* передать флексией *-ы*, то они будут склоняться).

Ассоциации с русскими словообразовательными моделями топонимов pluralia tantum оказываются важными и для названий, в которых конечное *-ы* или *-и* не является флексией множественного числа. Восприятие иноязычного слова зависит от конечных букв (или конечной буквы); ориентируясь на них, мы приписываем слову род,

---

[7] *А. М. Сухотин.* Указ. соч., стр. 140.

[8] *А. А. Реформатский.* Топономастика как лингвистический факт. «Топономастика и транскрипция». М., 1964, стр. 27.

[9] *В. Э. Сталтмане.* К вопросу о морфологическом оформлении латышских имен собственных в русской транскрипции. «Топономастика и транскрипция», стр. 154.

число и способ словоизменения. Например, существует особое восприятие некоторых названий на *-и, -ы,* как такой категории, которая соответствует русским топонимам pluralia tantum, т. е., по словам А. А. Белецкого, различается формальное и содержательное грамматическое число.

«Кто мог бы ответить на вопрос: в единственном или во множественном числе название г. Сочи на Кавказском побережье? Конечно, оно не должно склоняться, но едва ли можно отрицать, что на фоне русскоязычных названий оно кажется формой множественного числа. Когда абхазское название *Гагра* было известно в форме *Гагри~Гагры,* оно представлялось множественным числом. Напротив, до восстановления на карте названий *Сухуми* и *Батуми* в их грузинской форме они существовали в содержательной форме единственного числа — (город) *Сухум* и (город) *Батум.*

Второй по величине и значению город Греции *Фессалоники,* или *Салоники* (так чаще на наших картах), определенно воспринимается у нас как форма множественного числа в отличие от греческого языка, где это название является формой единственного числа»[10].

Особенности восприятия некоторых иноязычных названий на *-и, -ы* очевидны в тех случаях, когда мы сталкиваемся со склоняемостью несклоняемых в литературном языке названий: Идет, представьте себе, по самой людной улице в *Нагасаках* этакий огарыш, лет 5—6... (А. И. Куприн. «Немножко Финляндии»)[11]. А вот с названием *«Сочи»* происходит любопытная эволюция: кое-кто стал склонять это слово по образцу слова «ночи»: «Я только что из *Сочей*», «Побывал *в Сочах*» и т. д.[12]

Скрипка музыканта И. Шмелева, основателя Сочинской детской музыкальной школы, носящей его имя, стала самой высокой наградой для юных музыкантов. Играть на ней в течение учебного года получает право лауреат специального конкурса маленьких скрипачей *Больших Сочей* (Известия, 7 июня 1967 г.).

---

[10] *А. А. Белецкий.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972, стр. 155.

[11] Пример взят из кн.: *Б. Тимофеев.* Правильно ли мы говорим? Л., 1963, стр. 164.

[12] *Б. Тимофеев.* Указ. соч., стр. 165.

Показателен тот факт, что топонимы на *-ы, -и,* не склоняемые в литературном языке, нередко склоняются в речи местных жителей. Существование русских топонимов pluralia tantum, привычность названия, частотность употребления его в речи (не только в именительном, но и в косвенном падежах) — все это, естественно, способствует склоняемости. Например, К. З. Чокаев, разбирая проблемы двуязычия у чеченцев, проживающих в г. Грозном, отмечает, что местные жители изменяют по падежам названия чеченских и ингушских сел с *и* в исходе: «Так, например, чеченцы Грозного в своей русской разговорной речи (подражая местному русскому населению) говорят: Был в *Шалях* (им. п. *Шали*) вм. лит. Был в *Шали*... в *Атагах* (им. п. *Атаги*)»[13]. А. А. Суперанская приводит такие примеры склонения: «в Евпаторийском районе принято склонять: *Саки* — в *Саках, Мойнаки* — из *Мойнак.* В центре в употреблении их чувствуется неловкость и их предпочитают оставлять несклоняемыми: Он был в *Саки,* лечился в *Мойнаки*»[14]. Факты склоняемости иноязычных названий на *-и, -ы* из разговорной речи проникают в литературный язык, например, указанный А. В. Суперанской г. *Саки* дается как склоняемое название в «Словаре для работников радио и телевидения» (М., 1970).

Однако иноязычная топонимика в значительной степени подвергается нормализации, регламентированию. В последние годы вышли различные инструкции по передаче иноязычных названий на русский язык, справочники, словари. Например, названный «Словарь для работников радио и телевидения» дает помету *нескл.* при грузинских, азербайджанских, японских, французских и мн. др. названиях на *-и* (*Марнеули, Кутаиси, Кобулети, Зугдиди, Гори, Батуми, Сухуми; Акаси, Амагасаки, Нагасаки; Виши, Хельсинки* и др.).

Таким образом, следует отметить, что и в фонетическом, и в морфологическом оформлении названия все сильнее ощущается влияние языка—источника. При

---

[13] *К. З. Чокаев.* К вопросу о социальных функциях двуязычия у чеченцев, проживающих в г. Грозном. «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 263—264.

[14] *А. В. Суперанская.* Склонение собственных имен в современном русском языке. «Орфография собственных имен». М., 1965, стр. 132—133.

склонении (или несклонении) иноязычного топонима необходимо учитывать целый ряд факторов: происхождение названия, его число в языке—источнике, время существования названия в русском языке, его употребительность, «известность», наличие или отсутствие регламентации, характер текста, в котором употребляется топоним и нек. др. Взаимодействие различных факторов приводит к различным результатам; однако нельзя не заметить, что усиление тенденции к более точной передаче национальных особенностей в исходной форме, естественно, приводит к несклоняемости иноязычных названий.

Следует также учитывать, что несклоняемость иноязычных географических названий, по-видимому, поддерживается возрастающей в письменной речи несклоняемостью всех вообще топонимов на *-ы, -и,* независимо от их происхождения [5].

---

[15] См. *Л. Б. Селезнева.* Аналитизм в системе собственных географических имен русского языка. «Грамматика русского языка». Иркутск, 1972, вып. 1, стр. 128, 129.

Б. З. Букчина

О СКЛОНЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ТИПА *РЕСПУБЛИКА БОЛГАРИЯ*

Известны два пути образований названий зарубежных государств, включающие родовые географические термины: *республика, федерация, государство, княжество* и др. и топоним — собственное имя.

Один путь — препозиция собственного имени в форме прилагательного, когда собственное имя прилагательное — согласуемая атрибутивная форма с именем нарицательным: *Венгерская Республика, Малагасийская Республика, Нидерландское королевство, Малайская федерация* и др. Другой путь — когда собственное имя, существительное, является приложением к родовому име-

ни нарицательному: *Республика Куба, Королевство Лаос, Республика Боливия* и др.

Встречаются случаи, когда названия одного топонима имеют разные структуры, например: *Германская Демократическая Республика* и *Федеративная Республика Германии; Народная Демократическая Республика Йемен* и *Йеменская Арабская Республика.* Однако в современном языке совершенно отчетливо выделяется стремление предпочесть структуру с постпозицией собственного имени — существительного. Эту довольно определенную тенденцию можно легко проследить на практике (без специальных статистических подсчетов), сравнив наименования всех зарубежных государств.

В лингвистической литературе уделено много внимания конструкциям с постпозицией имени существительного. Так, в частности, в исследовании «Русский язык и советское общество» указывается: «Среди свободных синтаксических форм имени существительного, активизировавшихся в современном русском языке, особое внимание привлекает форма именительного падежа, заметно расширяющая свое употребление в роли несогласованного определения»[1]. И далее: «Рост употребительности и расширение функций в современном языке конструкций с несогласованным определением в форме именительного падежа — одно из проявлений наметившейся еще в XIX в. тенденции к «свободному» функционированию синтаксических форм. Несогласуемый именительный атрибутивный в значительном числе случаев вытесняет согласуемые формы. Активизация этих форм объясняется ...также собственно синтаксическими свойствами этих конструкций: их структурной гибкостью и семантической «вместимостью»[2].

Нас интересуют имеющиеся колебания в грамматическом оформлении несогласованного имени существительного, выраженного именем собственным в названиях зарубежных государств. Каждая из двух частей, составляющих названия зарубежных государств: родовое (нарицательное) наименование и собственное название могут относиться к одному и тому же грамматическому

---

[1] «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис». М., 1968, стр. 254.

[2] Там же, стр. 266.

роду или к разным родам. Кроме того, нарицательное и собственное имя могут состоять из одного слова или из сочетаний слов.

Эти два обстоятельства в какой-то мере влияют на «грамматическое поведение» собственного имени. Склоняемость или несклоняемость собственного имени зависит прежде всего от того, относится ли собственное и нарицательное имя к одному и тому же роду или разным родам. Совпадение или несовпадение в грамматическом роде собственного и нарицательного имени возможно в разных сочетаниях, так как и в нарицательных и собственных именах могут быть все три грамматических рода, например: мужской род: *имамат, султанат; Вьетнам, Ватикан, Кипр, Лихтенштейн, Лаос, Израиль, Камерун, Нигер, Сенегал, Судан, Чад, Гондурас, Сальвадор, Эквадор* и др. Женский род: *республика, федерация; Албания, Болгария, Румыния, Югославия, Куба, Камбоджа, Гана, Гватемала, Венесуэла, Коста-Рика, Панама* и др. Средний род: *государство, королевство, княжество, герцогство; Монако, Сан-Марино, Конго, Марокко* и др.

Говоря о сочетаниях слов, входящих в названия зарубежных государств, мы имели в виду прежде всего наличие или отсутствие определения. Определение при нарицательном (родовом) наименовании (демократический, восточный, исламский, народный, федеративный, великий, объединенный) не влияет на грамматическое оформление собственного названия. Наличие определения в части, относящейся к собственному имени, вызывает несклоняемость формы собственного имени: *Республика Экваториальная Гвинея — в Республике Экваториальная Гвинея; Республика Верхняя Вольта — с Республикой Верхняя Вольта* (для составных названий несогласование является нормой: *Республика Берег Слоновой кости, Королевство Саудовская Аравия* и др.) [3].

В предлагаемой работе рассматривается частный случай грамматического оформления имени собственного в номенклатурном названии. Однако этот частный случай является отражением общего положения, в котором «склонение топонимов с номенклатурными терминами

---

[3] *Д. Э. Розенталь.* Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1967, стр. 67.

очень расшатано»[4]. Речь идет о названии зарубежных государств с родовым именем *республика*. А. В. Суперанская в статье «Склонение собственных имен в современном русском языке», разграничивая номенклатурные термины, с которыми склонять собственные имена не принято и с которыми собственные имена склоняются почти всегда, слово «республика» относит к тем нарицательным именам, с которыми названия женского рода обычно склоняются. На практике же мы встречаемся с разнобоем в грамматическом оформлении собственного имени женского рода при нарицательном слове *республика*: однотипные названия то склоняются, то не склоняются. В потоке необычайного разнобоя разграничиваются колебания для исходной формы наименований и для косвенных падежей: для исходной формы в одних случаях собственное имя приводится в форме именительного падежа: *Народная Республика Болгария,* в других — в форме родительного падежа: *Народная Республика Болгарии.* В косвенных падежах собственное имя или сохраняет исходную форму (именительный или родительный падеж): *с Республикой Болгария, с Республикой Болгарии,* или же мы наблюдаем тип согласования, при котором форма рода и падежа подчиняющегося имени собственного предопределяется формами рода и падежа подчиняющего родового имени — *с Республикой Болгарией, в Республику Болгарию.* Следует подчеркнуть, что разнобой в грамматическом оформлении собственного имени наблюдается только в одной группе наименований, а именно в группе наименований, где женский род нарицательного имени (точнее, слово *республика*) совпадает с женским родом собственного имени. Проиллюстрировать этот разнобой довольно легко, даже если воспользоваться одной какой-либо газетой за короткий период. Приведем примеры, взятые нами из газеты «Известия» за 1973 год.

...посла *Республики Боливия* (12 января), ...посол *Республики Боливия* (20 января), ...посол *Республики Гана* (27 января), ...президент *Республики Замбия* (10 февраля), посла *Республики Индонезии* (11 февраля),

---

[4] *А. В. Суперанская.* Склонение собственных имен в современном русском языке. «Орфография собственных имен». М., 1965, стр. 136.

Чрезвычайного и полномочного посла в *Республике Индия* (26 апреля); направил министру *Республики Индии* (26 января), посол Объединенной *Республики Танзании* (27 апреля), посла Социалистической *Республики Румынии* (28 апреля) и между Социалистической *Республикой Румынией* (23 января); посла *Республики Индонезия* (22 февраля), посла Исламской *Республики Мавритания* (19 февраля), Временный поверенный в делах *Республики Уганда* (26 января), министру Иностранных дел *Республики Куба* (1 января), посла Федеративной *Республики Югославии* (11 марта), посол Народной *Республики Болгарии* (3 февраля), Чрезвычайный и Полномочный посол Народной *Республики Болгарии* (9 февраля); ...чрезвычайного и полномочного посла Народной *Республики Болгарии* и там же: чрезвычайный и полномочный посол *Республики Индонезия* (13 февраля).

Такой же разнобой можно легко найти в любом журнале и в любой газете. Например, в газете «Московская правда» — ... В. И. Новиков принял посла *Республики Куба...*, а в журнале «Новое время» (№ 3, 1971 г.) — «против *Республики Кубы*» или «в Гаване подписан протокол о товарообороте между СССР и *Республикой Кубой*». Даже в официальных справочниках собственные имена в аналогичных сочетаниях оформляются по-разному.

В «Справочнике» Совета Министров дано: Народная *Республика Албания,* Социалистическая *Республика Румыния,* Социалистическая Федеративная *Республика Югославия*, но: Федеративная *республика Германии.* В БСЭ (2-е изд., т. 1) статья об Албании озаглавлена «Народная *Республика Албании*», а надпись на карте: «Народная *Республика Албания*» и наоборот: статья о Болгарии называется «Народная *Республика Болгария*», а карта — Народная *Республика Болгарии.* (БСЭ, т. V).

Колебания в падежном оформлении таких наименований, свидетельствующие о неустоявшейся еще норме, можно объяснить и тем, что в современных пособиях нет определенных рекомендаций о предпочтительности одного из вариантов. Однако не узаконена и факультативность их употребления.

Правда, в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) в разделе «Прописные буквы» (§ 100) приводится как пример названий стран народной демо-

кратии, пишущихся с прописной буквы — *Народная Республика Болгария*. Д. Э. Розенталь в «Справочнике по правописанию и литературной правке» приводит рекомендации «Названия зарубежных республик о б ы ч н о (выделено мною. — *Б. Б.*) согласуются со словом республика, если имеют форму женского рода, и не согласуются, если имеют форму мужского рода: а) торговля между Советским Союзом и *Республикой Индией;* в *республике Швейцарии;* правительство *республики Боливии; в южноамериканской республике Колумбии; Румынская народная Республика* переименована в *Социалистическую Республику Румынию;* б) в *Демократической Республике Вьетнам*; *столица республики Судан*; *посол республики Ливан*». (Рекомендации касаются только форм косвенных падежей).

Мы разграничиваем разнобой в исходной форме наименований и в форме косвенных падежей. Исходную форму наименований мы проверили по официальному документу «Ежегодник» БСЭ за 1972 г. Действительно, бесспорными в отношении стойкого несклонения собственного имени являются названия, где нет совпадения грамматического рода собственного и нарицательного имени. Например: женский род родового названия и мужской род собственного имени — *Республика* (*Бангладеш, Вьетнам, Гондурас, Заир, Нигер, Сенегал, Сингапур, Уругвай, Эквадор, Чад, Судан, Парагвай, Пакистан, Камерун, Йемен*); средний род имени нарицательного и женский род собственного имени — *Королевство* (*Бельгия, Греция, Дания, Тонга, Швеция, Мальта, Норвегия, Саудовская Аравия*); средний род нарицательного имени и мужской род собственного имени — *государство, королевство, герцогство* (*Бахрейн, Свазиленд, Катар, Кувейт, Лаос, Таиланд, Израиль, Люксембург*), и, наконец, случаи, когда несклоняемость заложена в самой несклоняемой форме собственного имени (*Чили, Бурунди, Малави, Мали, Пуэрто-Рико, Сьерра-Леоне, Сан-Марино, Перу, Никарагуа, Науру*).

Совпадение грамматического рода обеих частей названий, в основном, относится к конкретным сочетаниям со словом республика собственных названий ж. р. на *-а*(*-я*) и *-ия*. (Другие случаи единичны: *султанат Оман, Королевство Лесото* — в них собственное имя сохраняет не-

склоняемую форму). Перечислим эти названия: *Республика Замбия, Индия, Индонезия, Исландия, Малайзия, Кения, Колумбия, Югославия, Мавритания, Либерия, Танзания, Румыния, Гамбия, Бразилия, Боливия, Болгария, Албания, Нигерия, Германия, Дагомея, Уганда, Коста-Рика, Куба, Гайана, Гана, Гватемала, Ботсвана, Экваториальная Гвинея, Верхняя Вольта.*

В «Ежегоднике» все названия приведены в исходной форме; в них собственное имя сохраняет форму именительного падежа, кроме названия: *Федеративная Республика Германии.*

Однако рекомендация официальных документов не распространяется на употребление этих наименований в неофициальном или нестрого официальном стиле. Правда, в разнобое грамматической практики употреблений собственных имен заметно различие между разными структурными названиями, с одной стороны — названиями, оканчивающимися на *-ия*, и названиями, оканчивающимися на *-а* (*-я*). В первых склоняемая форма собственного имени встречается значительно чаще, чем у вторых. С другой стороны, как показывает проанализированный нами материал, важен факт употребительности в языке самого названия и время его появления. Любое новое название государства (недавно образованная республика), как правило, приводится в несклоняемой форме. На склонении и несклонении номенклатурного названия, следовательно, сказывается факт привычности и обычности употребления в речи самого топонима. Кроме того, многие топонимы (и прежде всего, те названия, которые появились давно и стали привычными) употребляются в языке самостоятельно. Сказывается и то, что и нарицательное слово *республика* более усвоено языком, чем, скажем, слова *султанат, имамат, герцогство* и др. Итак, в сочетаниях наименований топонимов со словом *республика* и женским родом собственного названия на *-ия* (реже на *-а*) наблюдаем совпадение двух привычных для русской речи склоняемых форм нарицательного и собственного имени (*был в Болгарии, поеду в Болгарию*). Склонение обеих частей — это существующий в русском языке тип согласования в топонимах между родовым и собственным именем (см. *в городе Ленинграде, в пустыне Сахаре, на горе Пирамиде, в колонии Виргинии*).

Возникает вопрос, нужна ли в этих случаях обязательная унификация? Или мы можем руководствоваться тем, что «в области собственных имен возможны некоторые «вольности», которых не допускают имена нарицательные, строго организованные в модели, типы и парадигмы»[5]. Представляется возможным, учитывая языковую тенденцию и практику, рекомендовать для рассматриваемых нами случаев определенные правила. Разумеется, желательно, чтобы рекомендации были общими для всех однотипных наименований, так как критерий освоенности и распространенности, известности и частотности топонима не может быть положен в основу рекомендаций склонения или несклонения топонима.

Форма родительного падежа собственного имени в исходной форме топонимов не свойственна русскому языку и, вероятно, калькирована из европейских языков (немецкого, французского и английского и восходит к латинскому языку), для которых оформление исходной формы названий с собственным именем в родительном падеже является нормой: Ср. la ville de Paris, the city of London, la province de Bourgogne. Очевидно, калькированием может быть объяснена и форма наименования: *Федеративная Республика Германии,* являющаяся единственным исключением, как уже было отмечено, в «Ежегоднике».

Для русского же языка представляется предпочтительным единое употребление для всех случаев сочетания с примыкающим именем собственным, имеющим формы словоизменения, в несклоняемой форме. Это соответствует тенденции языкового развития — оформлять в качестве примыкающего приложения в именительном падеже имя собственное. Именительный падеж собственного имени в этих сочетаниях выполняет функцию названия—«назывательную» функцию. А «синтаксическая» функция наименования в некоторых случаях может стимулировать морфологическую тенденцию к несклоняемости. Это явление, очевидно, можно соотнести с живым языковым процессом, связанным с явлением «аналитизма».[6] Соб-

---

[5] *А. А. Реформатский.* Орфография собственных имен. «Орфография собственных имен». М., 1965, стр. 5.

[6] «Процесс распространения аналитизма в системе собственных географических имен русского языка в настоящее время настоль-

ственное имя несет значение постпозитивного аналитического прилагательного. «В плане собственно синтаксическом здесь существенно развитие таких сочетаемостей, при которых зависимый компонент, обладающий — как определенная грамматическая категория — формами словоизменения, в структуре словосочетания не реализует этих своих возможностей и примыкает к стержневому слову в своей исходной форме».[7]

Другая сторона — это грамматическое оформление собственного имени в косвенных падежах. Разнобой в оформлении этих форм естествен для русского языка и объясняется тем общим положением, в котором склонение топонимов с номенклатурными терминами расшатано. Однако при всей «расшатанности» в языке есть топонимы, которые склоняются с номенклатурными терминами, и топонимы, которые не склоняются и употребляются в форме примыкающего номинатива при географическом термине, например, со словами *город, столица* — топонимы обычно склоняются, со словом *деревня* имя собственное склоняется лишь при совпадении рода обоих слов, а со словами *область, земля, озеро, пролив, долина, плотина* и др. имена собственные обычно не склоняются и т. д. Колебания в склонении топонима при слове *республика* связаны и со степенью освоенности русским языком топонима и с употреблением их в текстах разных жанров. «Неизменяемость при географическом термине — форма функционирования топонимов разового или нечастого использования»,— пишет Л. Б. Селезнева[8]. Поэтому нам представляется невозможным на данном этапе развития языка рекомендовать только склонение (или несклонение) собственного имени во всех формах, несмотря на то, что в ряде лингвистических работ, в том числе в уже цитированной работе Л. Б. Селезневой, отмечается последовательный про-

---

ко интенсивен, что очевидность этого явления не оспаривается, хотя закономерность его в рамках русской грамматики современными лингвистами оценивается по-разному» («Русский язык и советское общество». Алма-Ата, 1962, стр. 50).

[7] *Н. Ю. Шведова.* Об аналитических конструкциях в системе словосочетаний. Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966, стр. 37.

[8] *Л. Б. Селезнева.* Аналитизм в системе собственных географических имен русского языка. «Грамматика русского языка», вып. 1. Иркутск, 1972, стр. 120.

цесс вытеснения склоняемого имени неизменяемым. Учитывая и тенденцию, и практику, можно предпочесть путь факультативных рекомендаций.

Итак, наши рекомендации сводятся к следующему: в названиях зарубежных государств с нарицательным именем *республика* — только несклоняемая форма собственного имени в исходной форме и факультативная для косвенных падежей. Во всяком случае, преодоление существующего разнобоя требует включения в различные пособия рекомендаций (независимо от того, будут ли последние узаконивать факультативность или отдавать предпочтение одному из вариантов, как единственно приемлемому).

IV

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В. П. Григорьев

ОНОМАСТИКА ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА
(индивидуальная поэтическая норма)

1. Понятие собственного имени (далее —СИ) как экспрессемы, т. е. как элемента поэтического языка, уже по определению этого последнего должно обладать спецификой не только относительно понятия «апеллятив», но и в сравнении с СИ как элементом топонимической или антропонимической системы общего языка. Эта специфика еще очень слабо изучена. В филологической литературе внимание исследователей направлено обычно на отдельные так называемые «говорящие имена» (*Скотинин, Печорин, Сквозник-Дмухановский, Карамазовы,* щедринские фамилии и под.). Во многих случаях, особенно в прозе, материал СИ и не дает ничего существенного для постановки более широкой задачи исследования. Однако известны и более сложные писательские системы СИ (нас здесь будут интересовать поэты), иногда — принципиально отличные от обычных. Примером может служить творчество Хлебникова.

Изучение таких более сложных систем ономастики у художников слова предполагает по меньшей мере четыре отдельных процедуры. Перечислим их в порядке, который представляется естественным, хотя не менее естественно наличие значимых обратных связей между процедурами.

Прежде всего необходимо (1) установить полный набор используемых автором СИ. Уже здесь возникают — для Хлебникова — сложные проблемы, о которых будет сказано ниже, но лишь получив перечень СИ, можно быть уверенным, что далее при (2) выявлении

энциклопедической информации[1], связанной с СИ и содержащейся в творчестве художника, не останутся незамеченными значимые детали поэтической «модели мира». Ведь именно на этой базе исследователь так или иначе должен (3) описать те контекстные преобразования, которым автор подвергает СИ, и определить индивидуальную норму этих преобразований (нередко нулевых) в связи с системой преобразований у апеллятивов. Только затем оказывается возможным обоснованно заключать о (4) функциональной нагруженности (и далее — об эстетической оправданности) как отдельных преобразований, так и самих фактов включения СИ в текст.

За каждым из перечисленных пунктов лежит обширная область проблем, не покрываемых даже такой комплексной темой, как «Поэтика и лексикография». Обратимся хотя бы к первой процедуре. Известно, что «применительно к разным языкам и периодам СИ прилагаются к различным совокупностям объектов..., в том числе и к несуществующим»[2]. Еще сильнее, чем в общей истории и типологии, эти различия проявляются в истории поэтического языка и в типологии норм поэтических идиолектов, поскольку в «мире» художественного произведения едва ли не каждый предмет может «как бы балансировать между СИ и не-СИ...»[3], а само понятие нормы в поэтической речи включает признак индивидуальной и групповой вариативности в очень широких пределах.

Но самое важное заключается в том, что поэт преобразует не только отдельные СИ — в той или иной степени им преобразуется само понятие «онома». Это нетрудно заметить, если проанализировать в творчестве разных поэтов хотя бы отдельные приемы персонифика-

---

[1] См.: *А. В. Суперанская.* Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен. «Антропонимика». М., 1970, стр. 11—12; «Поэт и слово. Опыт словаря». М., 1973, стр. 107, 431 и др.

[2] *В. Н. Топоров.* Из области теоретической топономастики.— ВЯ, 1962, № 6, стр. 7.

[3] *В. Н. Топоров.* Указ. соч., стр. 14. Ср. также: *Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский.* Миф — имя — культура. «Труды по знаковым системам», VI. Тарту, 1973.— Материалы этой последней работы автор не имел еще возможности использовать при подготовке настоящей статьи.

ции. Разумеется, не каждое художественное олицетворение имеет своим результатом (пусть окказиональное) очевидное СИ. Тем не менее уже чисто графические противопоставления (прописная — строчная начальные буквы) имен и их сочетаний в тексте обнаруживают круг слов (и соответственно — предметов), «балансировка» которых вовлекает их в индивидуально-ономастическую систему, расширяя ее за счет апеллятивов общеязыковой системы. Встречая, например, у А. Вознесенского написания *Первый шаг* (курсив поэта), *Жизнь* (bis), *Смерть*, *Беда, Анкета* (bis), *Клубок Литтарантулов* («Ахиллесово сердце». М., 1966, стр. 11, 12, 17—19) и т. п., читатель получает сигналы к некоторому объединению этих слов с общенормативными СИ, используемыми наряду с ними.

Такого рода олицетворения сами по себе — прием общебеллетристический, и лишь подробный анализ набора нововводимых окказиональных СИ может показать меру углубления приема в данном конкретном случае. Однако это — особая задача; пример А. Вознесенского важен для нас в другом отношении. Уже в упомянутом сборнике (и ранее: см. «Бунт машин», свободный стих, паронимические столкновения и др.), а более заметно в последовавших за ним («Тень звука». М., 1970; «Взгляд». М., 1972) сказывается усиливающееся воздействие некоторых особенностей творчества Хлебникова (см., в частности, «Оза», «Языки», «Художник Филонов» и др., вплоть до «изопов», перевертней и чисто хлебниковских словечек *самопытное, усмейно, Лесалки, музычок, язвивались, яздваивались* и под.).

Насколько глубоко и плодотворно реализуется это воздействие у Вознесенского — вопрос, который заслуживает специального обсуждения. Но значимо оно для нас потому, что именно Хлебников дает не только поэтам, но и читателям и исследователям уникальный, повидимому, пример поэтической системы, в которой едва ли не любой апеллятив потенциально напряжен и как СИ. Можно даже сказать, что в поэтическом языке как в системе каждое слово, с точки зрения Хлебникова, присутствует одновременно и как таковое, и как свое собственное онома, т. е. как имя некоторого индивидуального предмета—слова.

Это не значит, конечно, что объектом творчества поэта является только или даже главным образом поэ-

тический язык сам по себе[4]. Произведения Хлебникова демонстрируют достаточно широкую амплитуду «балансировки» между этой потенциальной системой и конкретной ономастической нормой. Несомненно только, что в той или иной мере почти все творчество Хлебникова обращено к более широкому, чем обычно у поэтов (и ученых), единству: его «мир», объект его внимания — действительно Вселенная, «весь мир», охватывающий человека и космос, общество и природу, науку и искусство, мышление и язык в слитности, расчлененности и взаимосвязанности их истории, эволюции, современного состояния и доступного прогнозам будущего[5].

В то же время отношение к СИ не только выделяет, но в чем-то и объединяет Хлебникова со многими другими поэтами. Всестороннее исследование хлебниковских СИ важно в интересах разработки ближайшей истории русского поэтического языка и анализа его современного состояния и развития. Такое исследование позволит, во-первых, глубже понять некоторые особенности словоупотребления Маяковского, Мандельштама, Асеева, Заболоцкого, Л. Мартынова... Во-вторых, оно прояснит

---

[4] Ср. высказывание о том, что «главным героем его поэзии является язык...» (*В. Гофман.* Язык литературы. Л., 1936, стр. 235), сочувственно цитируемое в работе: *Г. Винокур.* Маяковский — новатор языка. М., 1943, стр. 19. Это — сильное преувеличение. Просто Хлебников никогда не забывал, что всякое слово — не только знак, но и вещь; не в том смысле, который имели в виду, говоря о синтаксисе как семиотической онтологии слова (см. *Г. Шпет.* Эстетические фрагменты. II. Пб., 1923, стр. 60—62), а в смысле слова как экспрессемы.

[5] В этом мире нет незначимых (все равно — необходимых или случайных) явлений. Явление и сущность для Хлебникова семиотически связаны как две стороны знака. Этот факт заставляет особенно осторожно использовать оценку «формалистические» в отношении даже самых «заумных» опытов поэта (ср.: *Н. Степанов.* Велимир Хлебников. В кн.: *В. Хлебников.* Стихотворения и поэмы. Л., 1960, стр. 13 и др.). Экспериментировал он именно с «содержанием»; что касается «формы», то как раз недостаток внимания к ней оставлял многие его произведения незавершенными и особенно трудными для восприятия. Понятно, что формальные небрежности влекут за собой большое количество избыточных двусмысленностей. Ср.: «Что мне важно в поэзии? Взгляд в душу человека, в себя, в интерьер сознания. Не в форме дело» (*А. Вознесенский.* 40 лирических отступлений. М., 1962, стр. 73) и обилие графических непоследовательностей в последующих сборниках — тоже «хлебниковское влияние».

принципиальные различия в отношении к СИ у тех художников слова, которые ориентируются на узуальный, сравнительно небольшой тезаурус массового читателя, с одной стороны, и у тех, кто предпочитает в советской поэзии почти беспредельно расширять этот тезаурус нередко за счет окказиональных и/или «экзотических» СИ — с другой [6].

Намеченные выше процедуры предполагают подготовку словарей. Между тем уже из сказанного ясно, насколько затруднено создание полного ономастического словаря Хлебникова. Задача эта осложняется отсутствием издания, надежного в текстологическом отношении. Кроме того, нелегко и ограничить задачу одной только антропонимикой или только топонимикой в избранном круге произведений [7]. Ведь при этом мы располагали бы — в результате — слишком небольшим и недостаточным фрагментом движущегося «мира СИ» поэта. И что еще более существенно, — у Хлебникова нередко усилены связи (или даже размыты границы) не только между СИ и апеллятивами, но и между отдельными слоями ономастики. Ср. такие случаи, как (То Лобачевский — ты, суровый) *Числоводск* (НП, 194), *Перунепр* (Перун× ×Днепр — МС, 88), *Снестр* (Сон×Днестр) и «красивое слово» *Гнестр* ‘быстрая гибель’ (V, 232), [8] (Они голубой) *Тихославль,* (Они улетят в) *Никогдавль,* (Летели как синий) *Темнигов* (III, 73), *Чудесавль* (III, 93), а также:

И в звуках имени Хвалынского
Живет доныне смерть Волынского...

«Хаджи Тархан» (МС, 227).

---

[6] Насколько вообще плохо изучены СИ в русской поэзии XX в., видно уже по ничтожному числу работ, посвященных этому вопросу. С появлением известных библиографий С. И. Зинина, А. Г. Степановой (1970) и Л. И. Ройзензона и И. М. Подгаецкой (1965—1966) это стало особенно заметным.

[7] См., например: *Р. У. Таич.* Опыт антропонимического словаря писателя. «Антропонимика», стр. 314 и след.

[8] Ср. там же ссылку на *Мнепр* и *Мнестр* (Я×Днепр и Я×Днестр) у Г. Н. Петникова. Условные обозначения: МС — *В. Хлебников.* Стихотворения и поэмы. Л., 1960. Малая серия «Библиотеки поэта»; римская цифра — соответствующий том из «Собрания произведений В. Хлебникова» (т. 1—5. Под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л., 1929—1933); НП — *В. Хлебников.* Неизданные произведения. Ред. и комментарии Н. Харджиева и Т. Грица. М., 1940); арабские цифры — страницы.

Ср. еще:

Где Волга скажет «лю»,
Янцзекиянг промолвит «блю»,
И Миссисипи скажет «весь»,
Старик Дунай промолвит «мир»,
И воды Ганга скажут «я»,
Очертит зелени края
Речной кумир.

«Ладомир» (МС, 291).

Гидроним *Хвалынское* (море) неотделим у Хлебникова от антропонима *Волынский,* а названия рек представляют собой метонимические олицетворения народов, входящих в «созвездье человечье».

Нижеследующие заметки опираются на незаконченный указатель СИ к опубликованным произведениям Хлебникова и преследуют самую скромную цель — указать на некоторые особенности СИ в творчестве поэта и на отдельные темные места в их употреблении[9]. Большинство собственно семантических преобразований типа *Я был Дунаем, вы были Веной* (II, 246), *Это день мирового Байрама* (МС, 150), *Страна, где все люди Адамы...* (МС, 347; ср. МС, 149), *За мною, как серая пиголица, Тоскует Москвы простыня* (НП, 168), *Воронихин столетий* (V, 103) и *О Тютчев туч!* (НП, 84) целесообразно рассматривать совместно с преобразованиями апеллятивов. Показательна, между прочим, тенденция использовать многие общеизвестные СИ как нарицательные символы (см., например, мн. ч. *Сибирей* — МС, 116; *Батыи* и *Каины* — МС, 100; *Морозенки* — МС, 74; *Колчаки* — III, 325; *Китежи* — III, 364 и др.), но это лишь самый наглядный случай «балансировки».

---

[9] Ср. прояснение одного «странного» текста в работе: *В. В. Иванов.* Структура стихотворения Хлебникова «Меня проносят на слоновых...». «Труды по знаковым системам», III. Тарту, 1967, стр. 156 и след. Классификацию хлебниковских новообразований см.: *М. В. Панов.* О членимости слов на морфемы. «Памяти академика В. В. Виноградова». М., 1971. На стр. 174 этой важной статьи в число неологизмов ошибочно попало слово *свиристель,* а *синемы* образовано не по образцу *проемы*: следует читать *синеёмы* (см. НП, 15). Комментарий к слову *Лелепр* (или *лелепр*?) М. В. Панов основывает на мнимом, «звездном» корне *Леле-* (стр. 179,

2. Трудно утверждать без опоры на строгие статистические сопоставления, но, по-видимому, по совокупной частотности СИ и олицетворений тексты Хлебникова занимают первое место в русской поэзии XX в. Единство человека и природы утверждалось поэтом последовательно и настойчиво в форме своеобразного художественного панпсихизма. Задолго до нынешнего всеобщего внимания к проблемам экологического равновесия возникают образы «бабочки Брэдбери» (см. III, 93—99) и липы, которая «будет посылать своих послов в совет верховный» (МС, 287). Семиотическую природу научного и художественного познания в их единстве Хлебников неоднократно подчеркивал как в стихах, так и в разного рода заметках. См., например: «Мир как стихотворение» (V, 259), *рукопись мира* (V, 266), «все, что есть,— есть только письмена» (НП, 311) и др. подобные высказывания.

С этим связана у него исключительно высокая частота олицетворений. Мир олицетворяется как целое и в любой своей части. В контекст олицетворений вовлекается чуть не каждое словоупотребление. Вот несколько взятых почти наугад, разнообразных, но типичных по общей целенаправленности примеров. Сакли представляются поэту *буквами нам непонятной речи* (МС, 176); летом он отыскивает *святилища растений,* их *чины и толпу* (МС, 177); осенью солнце опускает на землю *свой золотой и теплый посох,* а у растений — *золотые черепа,* и *золотые трупики веток* заклинают людей: «Не надо делений, не надо меток, Вы были нами, мы вами будем» (МС, 179); Пятигорск стерегут *две верные Жучки*: «Горы мирно лежат, на лапы морды свои положив...» (МС, 181; иной вариант — НП, 53) и т. п.

Интерес и внимание поэта к миру не удовлетворяются обычным вопросом: «Что это такое?» Вопрос как бы приобретает новую форму — «*Кто* это?» Отсюда такие «оговорки», как «Кроме моря, здесь нет *никого*» в «Трубе Гуль-муллы» (МС, 348) или «Скажи, суровый известняк, На смену *кто* войне придет? — Сыпняк» в поэме «Ночь в окопе» (МС, 250). Вопросы задаются не только дикой природе, стихии. Под ударами молота рождается нечто,

---

сн. 9). По-видимому, здесь присутствуют *Лель* и глагол *лелеять* (см. III, 72, 75, 84, 327, 341; IV, 266; V, 200; НП, 77—79).

одухотворенное трудом как творчеством; на наковальне возникает «смелое глазами разумное дитя»:

Так выросло не он и не она
— Оно,
В гнезде для грез железного бревна,
В железных простынях и одеялах,
С большими и железными глазами,
С кудрявыми железными устами.

«Молот» (МС, 121).

Тире перед словом *Оно* (а не в конце предшествующей строки) говорит об индивидуальной графической поддержке олицетворения, которое не получило в тексте полноценного СИ. Его функции выполняет своеобразно употребленное местоимение. Так почти каждое олицетворение поэта как бы претендует на СИ. Ср. позднее у Заболоцкого: «Спит животное Собака, дремлет птица Воробей. <...> Спит растение Картошка» и другие подобные факты.

Выше мы говорили, что различие между СИ и апеллятивами в системе Хлебниковым как бы и до известной степени нивелируется. В индивидуальной норме его поэтической речи противопоставление этих двух типов тем не менее сохранено, преимущественно в общелитературном или беллетристическом употреблении таких названий, как *Невский* (проспект), *Лобачевский, Гайавата, Монблан, Коненков, Лондон, Китай, Нева, Восток* и под. (см. «Ладомир» — МС, 286—301). Но в других, тоже очень многочисленных случаях СИ и апеллятивы сополагаются как равноправные единицы. Их единство особенно наглядно выступает в контекстах, которые связаны с тем, что́ Хлебников обозначал как «паны и холопы в азбуке», т. е. с попытками поэтически осмыслить через соотношения языковых единиц исторический пафос социальной борьбы. Очень далекий от социологической строгости марксиста выбор поэтом определенных СИ дополнительно характеризует его утопическое мировоззрение, в то же время недвусмысленно показывая безоговорочное принятие им «предсказанного Гаммой будетлянина» Октября.

Так, в «Царапине по небу» (III, 84) в соответствии с идеей «соединения звездного языка и обыденного» (III, 75) Хлебников следующим образом выражает с помощью

СИ и апеллятивов свое удовлетворение победой народовластия [10]:

Пришло *Эль* любви, лебедя, лелеки,
Леля, лани, Лаотзы, Лассаля, Ленина,
Луначарского, Либкнехта [11].

Несомненно, что «звездный язык» поэта далек и от научно-филологической обоснованности, но как дополнительное средство поэтического выявления и подкрепления семантических ассоциаций он в лучших произведениях Хлебникова дал впечатляющие образцы эстетического отношения к языку. Спорадические у других поэтов случаи использования языка в его метаязыковой функции становятся у Хлебникова не просто обычными: поэтическая функция как бы преодолевает у него антиномию языка и текста, «кода» и «сообщения». Юношеская эпатажная установка на «разрушение языков» обернулась поисками «единых смертных разговора» (МС, 300 и 288) и обнаружением неизвестных до того запасов внутриязыковой экспрессии, связанных с «балансировкой» слова между СИ и апеллятивом [12].

Хлебниковская поэтика исходит из допущения возможности «узнавать углы событий в мгновенной пене слов...» (III, 211), в частности, в соотношении начальных звуков у слов — поэтических и общеязыковых антонимов и у имен, представляющих противоборствующие социальные силы. В сериях «социально-синонимических» имен

---

[10] О сущности «звездного языка» см. итоговую статью Хлебникова «Наша основа» (V, 228). Ср. МС, 141, 290; I, 293—300; III, 325. См. также: *А. Г. Костецкий.* Лингвистическая теория В. Хлебникова. «Структурная и математическая лингвистика», 3. Киев, 1975.

[11] Ср. в статье «Наша основа» (1919): «...*Л* можно определить как уменьшение силы в каждой данной точке, вызванное ростом поля ее приложения. (...) В общественном строе такому сдвигу отвечает сдвиг от думской России к советской России, так как новым строем вес власти разлит на несравненно более широкую площадь носителей власти...» (V, 237).

[12] Соотношения *дворяне — творяне* («Ладомир» — МС, 286) и *жратва — братва* («Берег невольников» — МС, 361—362), казалось бы, лишены явных признаков СИ. Но пары этих слов выступают не только как несомненные олицетворения-символы социальных конфликтов, но и как онома-самоназвания. Непоследовательность поэта в употреблении прописных и строчных букв лишь отчасти вуалирует статус этих слов (а также их начальных звуков и букв) как СИ.

Рюрики и *Романовы; Каледины, Крымовы, Корниловы* и *Колчаки* и в их противопоставлении именам на *Эль*, а также в различных сопоставлениях имен *Россия* и *Германия* в годы империалистической и гражданской войн[13] поэт, естественно, находил богатый материал для своей индивидуально-неповторимой поэтической истории языка, как она ему представлялась в свете столь же индивидуальной теории «звездного языка»[14]. Понятно, что и норма поэтического идиолекта, включающая в себя столь расширенное понимание Хлебниковым явления СИ, ни для кого другого не обязательна, кроме читателя и исследователя, стремящихся извлечь смысл из текстов поэта. Многих, как известно, эти тексты оставляют равнодушными или даже раздражают и в наши дни[15]. Но как факты истории поэтического языка их невозможно игнорировать, если ставится задача создания такой истории применительно к русскому языку XX в.

3. Самый обычный способ минимально осложненного введения общеязыкового СИ в стихотворный текст — это употребление СИ в рифме. Случаев такого рода у Хлебникова множество; как виртуоз рифмы он почти не знает равных себе и в известной мере подготавливает рифмы Маяковского. Но с ономастической точки зрения

---

[13] В «Зангези» (1920—1922) противоборство «воинов азбуки» *Эр* и *Эль*, таких же «действующих лиц этих лет» (III, 330), как *Ка* и *Гэ*, распространено — в целях демонстрации — и на апеллятивы и на неначальные звуки слов: *порох — плаха, буря — булка, город — голод, гордые — голые, ругань — луга́, рать — латы, оружие — лужа, разить — лазить, борец — больной, храм — хлам, вор — воля, бороться — болото* и т. п. (III, 328—329).

[14] Эта последняя в неявном виде опиралась на неизвестное науке о языке понятие «скрытой морфемы», обнаруживаемой в глубинной структуре слова «поэтическим анализом». Ср. *М. В. Панов.* Указ. соч., стр. 176. В своей «поэтической фонологии» Хлебников был ближе к «московской школе», чем к Л. В. Щербе, которого он цитировал (см. V, 239). В то же время наш материал не дает оснований для противопоставления в рамках этой «фонологии» звуков *л* и *л'* как разных «фонем-морфем». Попытка обнаружить в «Слове о Эль» у соответствующих фонем значения ‹неподвижность›— ‹динамика› (см. *О. Седакова.* Образ фонемы в «Слове о Эль» Велимира Хлебникова. «Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы». М., 1971, стр. 276 и след.) не кажется достаточно доказательной.

[15] См. об этом в статье: *А. Лейтес.* Хлебников — каким он был... «Новый мир», 1973, № 1, стр. 224.

хлебниковские рифмы типа *Лобачевского — Невского* (МС, 286), *Минковского — Маяковского* (II, 255—256), *Ахматовой — разматывая* (III, 307), *Остраница — кланяться* (МС, 74), *стыд же — Фиджи* (II, 249; МС, 30) и даже «Режьте в Реште Нити событий!» (III, 133) не так интересны. Рядом с последней поэт оставляет, например, имя *Шаляпина* в конце строки вообще не зарифмованным. По-видимому, семантические связи, которые сами по себе возникают у слов в позиции рифмы, представлялись ему слишком формальными, недостаточно глубокими по смыслу (ср. его пристрастие к свободному стиху). Среди множества различных сложных преобразований, которым Хлебников подвергает СИ, почти тривиальными выглядят у него и «говорящие СИ» типа *Велимир* или *Игорь Усыплянин* (V, 267), и редкие этимологизации типа *Владимир — владеет миром* (I, 260).

Из осложненных связей между СИ (в рифме и вне ее), кроме приведенного выше примера *Хвалынского — Волынского,* отметим здесь разложение имени *Разин* на *Ра* (древнее название Волги) и *зины* ‘глаза’ (III, 138; в свободном стихе; ср. диал. *зинуть* ‘сглазить’), строчки «Ныне в Баку Нина Бакунина» (V, 71; ср. НП, 180 и 415) и «Одни остались Асеевы, Вы Эр, покинули Расею вы, И из России Эр ушло, Как из набора лишний слог...» (I, 294). Все это — развитие и реализации независимого от рифмы способа словопреобразования: «художе⟨ственного⟩ пр⟨иема⟩ давать понятию, заключенному в одном корне, очертания слова другого корня. Чем первому дается образ, лик второго»,— как обозначил его Хлебников еще в 1908 г. (НП, 453). Кроме того, в преобразованиях СИ здесь всюду участвуют и апеллятивы.

Особенно же любопытны попытки Хлебникова установить и обыграть семантические переклички между СИ и апеллятивами, основанные на явно случайном или этимологически объяснимом звуковом сходстве, но допускающие более свободное, чем в рифме, поэтическое осмысление[16]. Так в «Трубе Гуль-муллы» СИ *Иран* появляется и в виде перифразы «Тиран без Т» (I, 239), на-

[16] Такие случаи неожиданного столкновения СИ и апеллятивов чем-то напоминает недавний рассказ о детски свежем языковом восприятии, о том, как мальчик впервые услышал одно СИ: «Когда Ачивантин мне сказал, что книга называется «Тонкий ход», я решил, уже искушенный в многозначительности книжных названий,

звание поэмы «Синие оковы» возникает как производное от фамилии *Синяковы,* слова *шкура, мамонт, вороны, разбудив* и *сбудется* оказываются «прообразами» актуальных имен *Шкуро, Мамонтов, Воронеж* и *Буденный* (III, 211). Предшествующие им каламбуры-цитаты «Орлы в Орле» — «Крошу Шкуро» подчеркивают «пророческие связи» между апеллятивами и СИ. Знаменитое «Заклятие смехом» дает сложный отголосок в XX плоскости «Зангези», в сцене «Горе и Смех» (III, 360). В тексте «Испаганского верблюда» отсутствует фамилия *Абих,* но она восстанавливается и связывается с укр. *хиба* 'разве' в строчках: «Летевший Древний германский орел (т. е. хабих≅der Habicht 'ястреб'.— *В. Г.*), Утративший ха, Ищет его В украинском разве...» (III, 133) [17].

Простые аллитерации, лишенные плана содержания, так же как и рифмы, представлялись поэту необязательной принадлежностью стиха. Однако даже там, где паронимические связи слов и диссонансные рифмы у него особенно напряжены в семантическом отношении, как, например, в стихотворении «А я...» (МС, 111), нетрудно отыскать строки, звуковая организация которых ограничивается рифмами, а также аллитерации, которые на фоне смысловых связок выглядят как «беллетристические передышки» типа *пламя повязки* или *сиянье сверкающих* (гор). Гибкость стихотворного языка недостаточна для того, чтобы можно было поэтически нагрузить все звуковые сходства между словами. Отсюда и «семантические паузы» в аллитерациях.

что речь пойдет о происках врага и других захватывающих приключениях умного разведчика или милицейского деятеля.

Но на обложке большими, солидными буквами было написано «Дон Кихот». Причем тут река Дон?» (*Ю. Рытхэу.* Под сенью волшебной горы. «Дружба народов», 1972, № 10, стр. 208).

[17] См. *А. Е. Парнис.* В. Хлебников в революционном Гиляне (новые материалы). «Народы Азии и Африки», 1967, № 5, стр. 162.— Этот замаскированный межъязыковой «перевертень» (ср. также *Айвенго — гнев я*; НП, 267) может быть сопоставлен с явными «перевертнями» при участии СИ в поэме «Разин»: «Я Разин со знаменем Лобачевского логов. Во головах свеча, боль; мене ман, засни заря» и «Мы, низари, летели Разиным» (I, 202; *низари* — окказионализм; от интересного вопроса о фонетико-орфографических вольностях в «перевертнях» мы здесь отвлекаемся). «Перевертни» провоцируют глубокие семантические связи слов, но слишком ограничивают свободу поэтического выбора. «Эзоповская речь» в собственном смысле слова, как кажется, была Хлебникову чужда.

Зато в тех случаях, когда объектом поэтической рефлексии оказывается одно какое-либо слово-понятие, а дополнительные формальные ограничения (жесткий ритм и рифму) поэт снимает, семантические связи у сходно звучащих слов подчеркиваются и обнажаются. Этот процесс Хлебников распространяет и на СИ.

Так, в стихотворении «Перун» (III, 12) слову-заглавию аккомпанирует в тексте не просто огромное количество словоформ, которые поэт «пускает на *пе*». Среди них выделяется подмножество, более тесно связанное с консонантизмом заглавия: *паря́, порох, первой, пиров, прыгают, пружинною, прямое, праведный, прет* и др., а среди этих последних — слова *пернатый* и *парень*, особенно близкие по звучанию к *Перун*.

Другим примером сопоставления СИ с апеллятивами может служить стихотворение «Нижний» (1918; V, 21), в тексте которого заглавное слово подвергается «внутреннему склонению», т. е. включению в семантическую парадигму, члены которой противопоставлены ударными гласными:

Нежный Нижний! —
Волгам нужный, Каме и Оке,
Нежный Нижний
Виден вдалеке (...) [18]

Уже в пьесе «Маркиза Дэзес» (1909—1911) французское имя героини можно расшифровать как Des S, т. е. как производное от двух русских апеллятивов, различающихся г л а с н ы м и (на письме). Ср. реплики героини: «Я не Дэзес. Я русская, я русская, поверь!» — и ее Спутника: «Я слышу властный голос: «смерьте», Просторы, ужас? Радость? Рок? Не знаю. Нестройный звук нарек развилок двух дорог»; «Я новый смысл вонзаю в «смерьте»; «Не *ять* и *е*, а *е* и *и*!» и «Бог от *смерти* и бог от *смерьте!*» (НП, 87, 81, 86). Ср. также раннюю поэму «И и Э» (I, 83). Однако и в конце своего пути, утверждая, что «первая согласная простого слова управляет всем словом — приказывает остальным» и что при этом «каждый согласный звук скрывает за собой некоторый образ и есть имя», Хлебников добавлял: «Но глас-

[18] Мн. ч. *Волгам* объясняется тем, что далее возникают два ряда образов: «И Волга иволги...» — «И Волга волка...». Ср. в «Уструге Разина» (МС, 369): «Волны Волги, точно волки...»

ные звуки менее изучены, чем согласные» (V, 235, 237). Так или иначе, но консонантные противопоставления и с участием СИ используются в его поэтике значительно более последовательно, чем вокалические [19].

Особую, смешанную группу образуют окказионализмы типа *верхарня* (ВерхарнХверх), *лелепр* (лелеятьХ ХДнепр), *волестр* (воляХДнестр) (III, 343) [20], *Людведи* (людиХмедведи) (I, 295) и под. Их амбивалентность несомненна, в каждом из них «просвечивает второй смысл» (V, 269), но почти невозможно дознаться, какова природа основного смысла — апеллятивная или ономастическая.

Фактов образования от СИ нарицательных слов-окказионализмов (общеизвестные *чингисхань, заратустрь, моцартъ, роопсь, омамаены* — МС, 100; *Достоевский-мо, Пушкиноты* — II, 89 и нек. др. типа *овладивосточить* — I.

---

[19] Сопоставление с практикой самого «будетлянского» из символистов А. Белого, выявляя множество перекличек (ср. «почти хлебниковские» *взорич* и *ледынь*), в то же время показывает, насколько дальше пошел Хлебников в систематической семантизации фонологических оппозиций. Такие стихотворения Белого, как «Асе» (1913) и «Утро» (1917), каждая строфа которых содержит знаменательные слова с общим ударным гласным,— не более, чем запоздалая параллель к *черному челну* Бальмонта. Не считая олицетворений типа *Вечность, Оторопь, Смерть, Небытие, Гений, Справедливый Судия, Купина, Небесная Жена* и под., Белый использует в поэзии небольшой набор СИ (исключение — поэма «Первое свидание»). Их преобразования — единичны: «говорящие имена» типа *Умов — ум, Каллаш — калоша, Гадес — гадость* (ср. также: *солдафонит: каста «фонов»; Как Далай-лама молодой С белоголовых Гималаев* и *струи слова Заратустр*) и нек. др. Быстро отказавшись от новой нормы в оформлении начала строк (уже в «Пепле» — 1909), так и не принятой Хлебниковым, Белый впоследствии ввел иной графический прием формального (отчасти — интонационного) подчеркивания стихового слова, не обнаруживающего при этом никаких «приращений смысла». Ср. типичные «столбики» у позднего Белого: «Так Взбрызни Же В Очи Водою забвения!» — и т. п. См.: *Андрей Белый.* Стихотворения и поэмы. М.— Л., 1966, стр. 376—377, 72, 83, 159, 179, 361, 370, 381, 408—412, 426, 436, 452—453 и др.

[20] Зангези, их создатель, слышит в толпе иронические реплики: «Безумью барщина И тарабарщина, На каком языке, господин Зангези?» Эти окказионализмы в отличие от следующего СИ формально выглядят, как апеллятивы, хотя скорее можно было ожидать обратного (ср. выше примеры типа *Гнестр*). Это еще раз напоминает, что отсутствие в рукописях и изданиях Хлебникова начальной прописной буквы как внешнего показателя СИ нельзя переоценивать. Ср. у него же названия месяцев: *Ай* и *Ау*, но *май, сенозарник, реун* и др. (МС, 172—174).

289, *очикажить* — НП, 195, *ниагарится* и *эхнатенственно* — III, 8, *Мамайцем* — V, 91, *перунничать* — V, 106), у Хлебникова относительно мало. Некоторые из них давно уже обратили внимание исследователей [21]; здесь мы их касаться не будем [22]. Стоит только в этой связи указать на одно место в стихотворении «Море» (1921): «Наше оханное судно Полетит по морю будно...» (МС, 166),— где наречие *будно* пока не удалось убедительно объяснить ни как диалектное, ни как окказионализм [23]. Если не удастся интерпретировать его и на базе «звездного языка» [24], то останется предположить связь *будно* с *Буддой* — именем из ономастического ряда, постоянно интересовавшего Хлебникова (см. *Асока*, т. е. Ашока — НП, 317 и др.; *Дзонкава* в «Ладомире», *Будда, Индия, Китай, Япония* — passim). Тем более, что образование *могда* (III, 337) свидетельствует о таком членении поэтом слова *Будда:* Буд-да.

4. Чтобы только приблизительно очертить области действительности, которые поставляли Хлебникову активно действовавшие в его творчестве СИ, перечислим, не претендуя на полноту и последовательность, сферы пристального внимания поэта. Славянская мифология и сиюминутная современность, социальная борьба и интерлингвистика, соотношение времени и пространства, природа и мораль, военно-политическая история Евразии и Древнего Египта, взаимодействие утопий, науки и искусства, город и деревня, гибель Атлантиды и телевидение, будущее архитектуры и право, история религий и новая живопись, физическая география и орнитология, комсомол и «бесконечно малые» художественного слова, астрономия и математика, Пушкин и сказания орочей и т. д.

С этой необыкновенной широтой проблем, занимавших поэта, связаны многообразие, а отчасти и вариативность ономастики в его произведениях, требующие иног-

---

[21] См., например: *N. A. Nilsson.* Усадьба ночью, чингисхань! Verbs derived from personal names as a means of expression in literary Russian. «Lingua viget...» Helsinki, 1964.

[22] Отметим, впрочем, что императивы в II, 217 выглядят как чистые СИ: *Чингисхан, Заратустра* и т. д.

[23] См.: «Поэт и слово. Опыт словаря», стр. 449.

[24] «*Б* — рост в большее, наибольшая точка силы движения» (V, 189; ср. V, 218). Если принять вариант «Полететь по морю будно...» (III, 189), то возможно, что *будно* означает ‹должно будет›: (долж)*но* + *буд*(ет) с перестановкой компонентов.

да очень подробного комментария издателей. Приведем несколько хлебниковских СИ, чтобы стало ясно, с какими сложностями сталкиваются здесь и издатель, и читатель: *Андури* и *Ундури* (МС, 217 и IV, 264), *Дева Цаца* (МС, 257; ср. V, 212), *Изанаги* (МС, 294) [25], *Винтанюк* и *Романченко* (V, 185, 192), *Зангези* [26], (алмаз) *Кизил-э* (МС, 263), *Сака-Вати-Галагалайама* (V, 196), (столица) *Го-Аспа* (НП, 372), «Госпожа Ленйн» (IV, 246), *Нечоса* (II, 155), *Бувэ* (II, 245), *Лебедия* (II, 257), *Додоня* (II, 295), *Кудабиль* (II, 139), *Боскович* (II, 146), *Немоевский* (III, 213), (материк) *А* (III, 206) и (замок) *А* (МС, 116), *Ляля* (МС, 98—99 и др.), *АСЦУ, Асцу* и *Ас+ц+у* (IV, 49; V, 215, 306—307; НП, 377), *Саян* (река? — МС, 144; V, 269; I, 301) и т. п.

Среди них оказывается множество окказиональных СИ типа *Смуглороссья* (МС, 99), *Верана* (II, 44), *Людостан* (МС, 290), *Солнцестан* (III, 63), *Путестан* (V, 72), *Финностан* (НП, 268), *Куди* (II, 139), *Ги-Ги, Зего, Вик-Вак-Вок* (III, 101) и под., нуждающихся в разъяснениях особого рода. С другой стороны, множество СИ представлено и (или только) в виде перифраз. Ср., например, в наброске о голоде в Поволжье: «Четыре области на эс Сгорели в пламени небес» (V, 80); наброски «Кто?» и «Трижды ве, трижды эм! Именем равный отцу!» (V, 97—98 и 92), посвященные Маяковскому [27]; или перифразы Цусимы и села Бурмакино во «Вломе вселенной» (III, 94; ср. II, 10) [28].

---

[25] По-видимому, ошибка Хлебникова: вместо *Изанами* (Изанаги в японской мифологии — б р а т Изанами).

[26] Это имя «эпического героя» Хлебникова возникло, по-видимому, как контаминация слов *Ганг* и *Замбези* (см. стихотворение «Единая книга» — МС, 140), хотя не исключено, что в нем отразился частично также звуковой состав слов *Коран и Евангелие* (МС, 139) и того же *Изанаги*. В набросках 1922 г. к незаконченной поэме сохранились строчки: «Вы видали, как Ганг тихо стучится в Зангези, | Зоями художника зван» (V, 117).

[27] Ср. также обращение *Вова* (III, 299), известные оценки типа *Владимир Облачный* и аббревиатурно-полемическое переосмысление «на скороговорок скорословаре» слова *хам* (из «Пришедшего хама» Мережковского, «папаши нежности нашей») как Х (лебников)+М(аяковский) (III, 293—294). Широко понимаемая аббревиация лежала и в основе «звездного языка».

[28] В «Неизданной статье» (V, 188) Хлебников, сопоставляя слова *Италия, Таврия, Волынь* (ср. еще *Беотия* — V, 191), называет их

Понятно, что анализу преобразований во всех этих случаях, их функциональному анализу и эстетическому восприятию должно предшествовать установление для подобных явных или скрытых СИ полной «энциклопедической информации». Между тем реальный комментарий к СИ не только в специальном издании (НП), но и в популярной серии (МС) содержит лакуны, объясняемые недооценкой — до недавнего времени — всего творчества Хлебникова. Показательно, что в МС оставлена, например, без каких-либо комментариев целая поэма («Поэт»). Но чтобы прокомментировать ее, потребуются специальные разыскания. Точно так же, как для идентификации в поэме «Ночь в окопе» образа того, «в ком труд увидел друга», кто «грозил углом | Московской брови всем довольным...» (МС, 243 и след.) с образом В. И. Ленина (или аргументированного отказа от этого предположения). Но в МС комментируются из всей этой важнейшей поэмы всего два СИ: *Чартомлыцкий курган* и *Рогнеда*...

Но и помимо таких очень ответственных исследований остается еще немало вопросов, ждущих разъяснений, существенных для понимания ономастической нормы поэта в связи с его «моделью мира». Остановимся здесь в заключение на двух окказионализмах Хлебникова — именах *Международник* и *Ладомир*.

Первое из них в поэме «Ночь в окопе» (МС, 242) разъясняется просто: это замена названия пролетарского гимна «Интернационал»:

Над мерным храпом табуна
И звуки шорохов минуя,
Международника могучая волна
Степь объяла ночную;
Здесь клялась небу навсегда.
Росою степь была напоена,
И ало-красная звезда
Околыш украшала воина.
«Кто был ничем,
Тот будет всем».

«разными словесными жизнями», но видит в них одну и ту же «рассудочную жизнь» (‹земля волов›), т. е. формулирует для СИ понятие межъязыковой этимологической перифразы.

Однако любопытна здесь сама замена окказионализмом интернационального СИ. Ведь общенормативные СИ как «интерлингвистический слой языка»[29], как правило, входят в тексты Хлебникова в своей обычной форме, все равно — *Миссисипи* это, *Лондон, Ахилл, Карл* (Маркс), *Чарльз* (Дарвин; но ср. II, 178 и 172—173), *Гурриэт-эль-Айн, Неясыть* или гостиница «*Боярчук*». Больше того, в своих утопиях он свободно использует слово *Радио* как СИ (IV, 290 и др.), а изредка, в отступление от собственной нормы, включает неславянские апеллятивы и «полу-СИ» и в стихотворные тексты: *гиератическим* (МС, 200), *ренессанс* и *рококо* (МС, 202), *тангенсы* и *косинусы* (I, 276), *икс* (II, 226) и (об одной) *энной* (III, 95)[30]; ср. также *либертас* (III, 84) и др. Тем более «остраненным» выступает слово *Международник*, резко нарушающее норму, установленную самим поэтом. Причина — в прозрачной членимости слова *Интернационал*, в легкости калькирования.

Второе слово — *Ладомир*. Оно воспринимается как яркий хлебниковский неологизм (ср. в одноименной поэме и *Трудомир* — МС, 286). Компонент *-мир* находит в творчестве поэта очень широкое применение, особенно в значениях, представленных исключительно частыми у него словами *мир* и *мировой*. Что касается компонента *Лад(о)-*, то здесь положение иное. Если не ошибаюсь, только в «Зангези» (III, 327) слово *лад* вовлекается в контексты, которые отражают «звездный язык». Во всяком случае в «Слове о Эль» есть слова *ладонь* и *ладья*, но отсутствует *лад*. В «Царапину по небу» Хлебников ввел сочетание *играть на ладах*, но в часть, иллюстрирующую «гамму будетлянина» (III, 78). Имя славянской богини *Лада* (МС, 262) тоже не может быть причислено к особо частым у поэта. В самом «Ладомире» корни *лад-* и *мир-* соотносятся как 1 : 10. Но идея «лада» перифрастически пронизывает всю поэму (ср. *камни уда-*

---

[29] *В. Н. Топоров.* Указ. соч., стр. 5.

[30] Но слово *минус* Хлебников последовательно заменяет словом *нет*, а слову *кинематограф* предпочитает *тенепечать, теневые книги* и *тенекниги* (с добавочным значением неизвестного тогда слова *телевидение*; см. «Лебедия будущего» — IV, 287; III, 323 и др.; ср. *цветные тени* — IV, 293). Слово *интернационал* встречается в записных книжках поэта (V, 265).

ров сердца, умные напевы, крыла и *крыло, Эль, ветер гопака, речной кумир, Песня песней, созвучие, полет* и т. п.). Прекрасное слово *Ладомир* гармонически отражает эстетику поэмы и как бы увенчивает творчество поэта, его поиски *свободы Неувяды* (МС, 203, 296) для всего человечества.

Может быть, особенно знаменательно, что слово *Ладомир,* рожденное поэтом, которого постоянно упрекали в издевательстве над русским языком, находит поддержку на современной карте древней Новгородской земли, у водораздела Каспий — Балтика, неподалеку от истоков родной поэту Волги. По территории Тарасовского сельсовета нынешнего Демянского района протекает речка *Ладомирка.* У ее берегов расположены две деревни — *Старые* и *Новые Ладомири*[31]. Столь же знаменательно, что прежнее, дореволюционное название Новых Ладомирей — *Тараканница* — представляет собой реальную параллель к метафорам *сёла насекомых* (III, 244), *столица насекомых* («Поэт» — МС, 269, ср. V, 72) и к образам самой «некрасовской» из хлебниковских поэм — поэмы «Ночь перед Советами».

Ономастическая норма в творчестве Хлебникова не знает ни пространственных, ни тематических, ни временных ограничений. «Стрелочник у встречных путей Прошлого и Будущего» (III, 23), он свободно сочетает *Разина мятеж* с *пространством Лобачевского, Астарту* с *Коненковым, Баяна* с *Ладомиром,* а кольцовскую *Сивку* с *Млечным Путем* и с «всеобщей борьбой за полет в небеса». Отношение поэта к слову и как к его собственному онома дополнительно характеризует энциклопедизм Хлебникова, «почти невероятный в XX веке»[32]. А эта черта его личности и поэтики заставляет исследователя

---

[31] В 1970 г., пройдя по р. Ладомирке до ее впадения в р. Явонь, автор зафиксировал произношение слов *Ладомирка* и *Ладомири* с ударением на первом слоге и с мягким *р.* Ср.: «Справочник административно-территориального деления Новгородской области». Новгород, 1972, стр. 42. В старом «Списке населенных мест Новгородской губернии» (Вып. II. Демянский уезд. Новгород, 1909, стр. 40—43) разночтения: *Ладомири* и *Ладомиры.*

[32] *В. Перцов.* О Велимире Хлебникове. «Вопросы литературы», 1966, № 7, стр. 46. Не останавливаясь здесь на некоторых спорных положениях и отдельных противоречиях этой статьи, согласимся, что «даже самые трудные страницы поэзии Хлебникова ждут своего

и критика с особым вниманием отнестись к таким словам поэта: «У судей могут быть все права, кроме права быть младенчески невинными в тех областях, которых они касаются» (V, 275). Случайные набеги на области хлебниковского слова должны уступить место организованной, систематической разработке всего филологически важного в наследии Велимира Хлебникова.

вдумчивого читателя» (там же, стр. 59), что «Хлебников-языкотворец может быть верно понят лишь в том случае, если он будет оценен как социальный поэт...» (стр. 67) и что «вопрос о творческом развитии хлебниковских традиций приобретает международный резонанс...» (стр. 68).

Е. А. Некрасова

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Анализ специфики употребления имен собственных в поэтических текстах представляется актуальным, так как «поэтика собственных имен (поэтическая ономастика)...— область словесно-образных средств писателя, чрезвычайно мало еще исследованная»[1]; между тем, характер использования семантического потенциала имени собственного является одним из существенных факторов в идиолекте писателя. А. Вознесенский — поэт, которому в большой степени присуще внимание к семантическому наполнению слова, поэтому выявление специфики употребления имен собственных в творчестве этого поэта может оказаться не бесполезным при создании специального раздела поэтической ономастики.

В данных заметках обратим внимание только на группу имен, на имена, являющиеся смысловым цент-

---

[1] *Э. Магазаник.* Поэтика собственных имен в русской классической литературе. Имя и подтекст. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1967, стр. 3.

ром произведения и вынесенные, как правило, в его заглавие.

Пристальное внимание к семантическому весу слова проявляется у А. Вознесенского и в его отношении к имени собственному. А. Вознесенский воспринимает имя «на слух», улавливая в его звучании смысловые нюансы, весьма существенные для раскрытия замысла произведения. В этом отношении характерен «Портрет Плисецкой» [2], начинающийся словами: «В ее имени слышится плеск аплодисментов. Она рифмуется с плакучими лиственницами, с персидской сиренью, Елисейскими полями, с Пришествием» [3].

В другом, шутливом, стихотворении пучок звуковых соответствий лежит в основе синонимических замен исходного имени собственного:

Милый Виктор Федорович,
выйди, Свитер Фертович,
Винтичек Отверткович,
Вытри — слезы — Горькович,
Ветром Свирь — строй Тертович,
Вытегра Осетрович,
Акварель Офортович,
Скворка Фьюить в форткович,
соловей — работничек,
свистни сквознячком,
чтобы девки — навзничь,
мужички — ничком! [4]

В данном стихотворении, как это вообще характерно для А. Вознесенского, не соблюдается заглавная буква в начале стихотворной строки, поэтому все начальные прописные буквы — указание на имя собственное. В связи с этим, следует обратить внимание на последнее четверостишие (выделенное специальным отступом), в котором апеллятивы начальных строк могли бы быть поставлены в один ряд с именами собственными первого столбца стихотворения; выделение этих слов из разряда

---

[2] Сб. «Тень звука». М., 1970. Большинство текстов, анализируемых в этих заметках, взято из данного сборника, поэтому в дальнейшем указания на него будут опускаться.

[3] Здесь и далее в стихотворных текстах подчеркнуто нами.— *Е. Н.*

[4] «Величальная открытка В. Бокову», в сб. «Взгляд». М., 1972.

имен собственных, видимо, связано для А. Вознесенского с ощущением их звуковой «самостоятельности», оторванности от звучания исходного имени. Не будем останавливаться на анализе такого известного стихотворения как «Гойя», где в основу развития художественных ассоциаций стихотворения положены в том числе и звуковые «переклички» с данным именем собственным.

В тех случаях, когда поэт фонетический состав имени не «раскладывает» на звуковые (и соответственно — образные) ассоциации, он использует другой прием увеличения смысловой емкости слова: «обыгрывает» внутреннюю форму имени. Так, в «Осеннем вступлении» А. Вознесенский вводит прием взаимоналожения имени собственного и омонимичного ему апеллятива. Мы не будем давать подробного анализа функционирования апеллятива как имени собственного в этом сложном и по структуре, и по образному содержанию произведении, укажем лишь на некоторые особенности употребления слова *зарев*. В первоначальном, газетном, варианте «Осеннее вступление» имело другое заглавие — «Зарев» [5]. Любопытна интерпретация выбора этого слова как заглавия, данная одним из критиков: «Вообще он (Вознесенский.— *Е. Н.*) умеет заставить читать и слушать его стихи. Можно, скажем, назвать поэму «Август», но с таким заголовком ее в газетной полосе заметит не каждый. А вот назови никому непонятным словом «Зарев», и читательский глаз непременно за него зацепится. А в специальной сноске можно пояснить, что это тот же «август», только устаревшее название — из языческого календаря. Вы хотите оспорить эстетическую значимость такого приема? Пожалуйста, но поэт так или иначе достиг цели — произведение его прочитано...» [6] Думается, что можно дать и иное объяснение выбору славянского, а не латинского наименования месяца (тем более, что в последующем издании данного произведения автор дал ему другое, описательное, название). Для поэта важны семантические обертоны имени, которые можно уловить в славянском звучании, сопоставив с другими словами, его можно переосмыслить, оживить внутреннюю форму.

---

[5] См. «Литературная газета», 25 октября 1967 г.
[6] *Л. Лавлинский.* Сердца взрывная сила. М., 1972, стр. 244—245.

А. Вознесенский вводит это необычное для современного русского языка слово в текст стихотворения как имя собственное, сопровождая его словом — переводом:

не латинское «Август», а древнее «Зарев»,
озари мне язык [7].

Далее в стихотворении следует осмысление данного звукового комплекса как апеллятива, суммарное значение которого можно условно передать как ‘август — время сбора урожая, время созревания плодов... время зрелости’.

Зарев
*за*валенных ба*зар*ов, грузовиков,
*зарев разр*умяненных от плиты *хозя*ек,
зарев,
когда чащи тяжелы и пу*з*аты,...
зарев,
когда ... *за*мерла белка,
алая, как *за*главная буквица
Ипатьевской летописи...

Развитие темы осени подводит читателя к символическому осмыслению этого периода (символическое значение слова в данном случае передается и графическими средствами — прописной буквой):

ах, *Зарев,*
дай мне откусить твоего *за*пева!

Процитированный фрагмент насыщен повторением слога *за* прежде всего в функции приставки; грамматическое построение фраз подчеркивает предметность основного значения слова (зарев *чего,* зарев, *когда...*).

В следующем фрагменте акцентируется, «осмысляется» корневая морфема анализируемого слова.

*Зарев**ает* ист*о*рия.
Зарев тур*а*, по сердцу хвати.
И в слезах, об*е*рнувшись, над т*р*упом Сах*а*ры,
львы *ревут,*
как шесты мик*р*офонов,
воздев в*е*ртикально
с помпушкой хвосты —

[7] Прием «звукового осмысления» значения имени собственного, о котором специально говорилось выше, здесь не комментируется.

Зарев!
*Зарев сб*рошенных *гр*уш,
кабинетов министров,
*пе*резрелых на *за*висть,
зарев голой *стр*аны,
как *де*ревья *без* листьев,
зарев.

В данном фрагменте, несмотря на насыщенную звукопись, акцентирующую каждый звук слова, несомненно выделяется как единое целое корневая — «глагольная» часть. Обратим внимание на следующее: глагольный неологизм *заревает,* зарев *когд* (тура), львы *ревут* (в 1-й части анализируемого фрагмента звери воют!); после рева львов как персонифицированный представляется и *зарев груш* (сброшенных!).

И, наконец, следует новый и неожиданный для читателя (и в то же время тщательно подготовленный) переход:

«Ну да, *Зарев* слушает. Я — това*р*ищ *Зарев,* Пет*р*
*З*ахар*ь*евич.
Да,
в ночь на первое *августа.* Еду со смены, дальний свет
пе*р*еключил. И все — будто кто меня окликает.
«*Зарев, Зарев!*» — кричат, как эхо, *раз*ными
колокольчиками, или бубенчики звенят:
«*За-а-рев, За-а-рев...*»

Естественно, ненавязчиво введенное деление слова на составные элементы как бы фокусирует внимание на структуре слова, семантической интерпретации которой и был посвящен предшествующий этому употреблению фрагмент произведения. При этом следует обратить внимание на то, что А. Вознесенский сам подчеркивает смысловое противопоставление вышеразобранных фрагментов, выделяя каждый из них чередованием шрифтов (курсивного и прямого). Небезынтересно отметить, что в дальнейшем в «Осеннем вступлении» поэт не использует игры шрифтов и не нарушает контраста фрагментов, осмысляющих внутреннюю форму апеллятива и имени собственного — *зарев.*

Вот еще пример ненавязчивой поэтической этимологии имени собственного. Стихотворение «Олененок»[8] начинается словами:

«Ольга, опомнитесь! Что с вами, *Ольга?..»*

В дальнейшем поэт вводит слово заглавия в текст стихотворения:

Горе застыло в зрачках удлиненных,
о *олененок,*
вмерзший ногами на двух нелюдимых
и разъезжающихся льдинах!

Хотя в приведенном тексте содержится и своя мотивация такого сопоставления (ср. «в зрачках удлиненных»), она не только не препятствует возникшему с первых строк звуковому сопоставлению, но сама получает дополнительную образную убедительность от контекстуальной связи с именем собственным.

Для поэтического творчества А. Вознесенского характерно ненавязчивое, требующее учета многих поэтических ассоциаций увеличение семантического веса имени собственного.

Разгадка семантической значимости имени собственного в творчестве А. Вознесенского иногда связана с анализом смыслового и художественного содержания произведения. Оставляя вне разбора художественно-значимую роль имени собственного *Оза* в сопоставлении с именем той же героини *Зоя* («Зоя — ору я.— Зоя!» А может, ее называют Оза?) для понимания самого художественного замысла этой поэмы обратимся к другому, более позднему произведению А. Вознесенского, также названному именем главного героя — к поэме «Доктор Осень». Из авторского разъяснения, предшествующего данному произведению, мы узнаем, что прототипом героя поэмы был *Манфред Генрихович Эсси-Эзинг,* которого подпольщики звали *Эссен,* что прототип героя поэмы, «будучи в плену, став главврачом Павлоградского лагеря, окруженный смертью, подозрительностью... превратил госпиталь в комбинат побегов к партизанам. Провоцируя признаки страшной болезни, людей

[8] Сб. «Антимиры». М., 1964 г.

списывали и вывозили из лагеря. Так было переправлено более тысячи человек».

Первое осмысление фамилии *Осень* подсказывается чисто звуковыми ассоциациями: *Эссен→Осень*. Звуковое видоизменение подлинной фамилии в художественном произведении — прием широко известный и, как правило, сводящийся к тому, чтобы сквозь звуковую оболочку имени угадывался прототип — реальное действующее лицо. Но А. Вознесенский при выборе фамилии героя своей поэмы не ограничился только этим чисто звуковым сходством. Как и во многих других случаях, поэт вводит созданное им имя собственное в живую ткань произведения, делая его «смысловым ключом» поэмы. Начав с чисто звукового соответствия (вынесенного за рамки поэтического произведения), А. Вознесенский постепенно насыщает звуковой комплекс имени собственного нюансами семантики соответствующего апеллятива, перекидывая «смысловой мостик» между содержанием деятельности героя поэмы, носящего фамилию *Осень* и содержанием понятия, выраженного словом *осень* в значении 'переходный, промежуточный период между активными (лето) и пассивными (зима) состояниями жизни природы'. Актуализация именно этих сем в смысловом объеме существительного *осень* достигается через развитие темы жизни и смерти, связанной с деятельностью «партизанского доктора».

Вы дотронулись до рубильника
биологического баланса.
Жизнь и смерть — вопросы глубинные.
Не опасно ли баловаться? [9]

Сравни дальнейшее развитие этой темы:

А в центре — как магнит двуполюсный,
иль нерв дрожит,
лежит личиночка двуполая,
в ней — *Смертожизнь.*
...Жизнь
зародилась из бездн,
называемых смертью.

[9] Эти слова вложены в уста Мефистофеля, которого доктор Осень видит во сне.

Смерть
нам приносит процесс,
называемый жизнью.

Присутствие в звуковой оболочке имени собственного *Осень* нюансов значения соответствующего апеллятива делает художественно оправданным переход от употребления имени собственного к семантически усложненному употреблению данного звукового комплекса как символа в эпилоге поэмы:

Доктор Осень, ну, вот мы и повидались...
Я замер.
Доктор Осень
глядел *сквозь* меня
золотыми глазами.
Я узнал эти *Очи*,
человечество зрящие.
Что ты зришь во мне, *Осень*,
в жизни — нужной иль зряшной?
Где какие разрухи, полеты, пороки
и затоптанные болевые пороги?..

Развивая дальше тему времени, тему «Чрезвычайного Часа», поэт еще раз сопоставляет ее с темой осени в значении пограничного, переходного периода:

...И внезапно, как слон,
в нас проснется, дубася,
очарованный звон
Чрезвычайного Часа.
...Час, *как яблонный Спас*
в августовских чертогах.
Станет планка для вас
подведенной чертою.
Вы с Россией одни.
Вы услали посредников.
Смерть — рожденью сродни.
В этом счастье последнее.
...Да не минет нас чаша
Чрезвычайного Часа.

Эта тема снова возвращает нас к началу произведения, к его заглавию, которое теперь воспринимается уже не

как звуковой вариант реальной фамилии, а как синтез основной темы поэмы — темы Чрезвычайного Часа.

Связанный заданным звуковым комплексом, поэт остановил свой выбор на слове, семантический объем которого (и прежде всего наличие многих переносных, достаточно абстрактных значений) позволил ему вобрать в себя многие смысловые нюансы поэмы и сделаться в конечном счете словом — символом, словом, воплощающим в себе большое философское содержание. Но сложность такого выбора заключается в том, что с данным словом в поэтических текстах часто связывается представление об элегически-грустном, грустно-красивом времени года («унылая пора, очей очарованье»...). Преодолеть это представление поэт до конца не смог; связь с таким восприятием анализируемого слова выразилась у А. Вознесенского в выборе тональности данного произведения, в котором самые драматические ситуации переведены в философско-обобщенный план повествования.

Рассмотренный выше способ придания смыслового содержания имени собственному сводится в конечном счете к опоре звуковой оболочки имени на семантику соответствующего апеллятива. Такой прием, как известно, широко использовался (и используется) при сатирико-гротескном способе изображения действительности. Однако мы видим принципиальное отличие конструирования символики имени собственного у А. Вознесенского от обычного приема говорящих фамилий, и это отличие, по нашему мнению, заключается в том, что символическое значение имени собственного у А. Вознесенского опирается не на общеязыковые символы, а на возникающие в процессе чтения семантические ассоциации, свойственные данному произведению, которые постепенно (и для каждого читателя по-своему) оживляют звуковую оболочку имени, делая его необходимым звеном в постижении глубинного смысла произведения.

V

ОБЗОРЫ

И. П. Литвин

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ РУССКИХ СЛОВ ЗНАКАМИ ЛАТИНСКОГО АЛФАВИТА

Проблема транслитерации русских слов знаками латинского алфавита до сих пор не получила окончательного решения и по-прежнему привлекает внимание как ученых, так и практических работников. За последние годы в советской печати и за рубежом опубликован ряд интересных статей, содержащих новые оригинальные предложения.

Не претендуя на исчерпывающий анализ современного положения в этой области, мы предлагаем здесь обзор существующих систем латинизации русского алфавита с точки зрения их пригодности для международного пользования, т. к. все они созданы именно для целей международного общения.

Прежде всего следует отметить, что речь идет не о специальных (фонетической, фонематической и т. п.) системах транскрипции русских слов, а об их «практической» передаче для введения в иноязычный текст или в разного рода публикации, предназначенные для международного пользования. В последнем случае необходимость применения единой системы передачи становится особенно очевидной.

В настоящее время в Советском Союзе, а также в зарубежных странах применяется не один десяток систем передачи русских слов и географических названий на латиницу. Сравнительным изучением этих систем в нашей стране занимались многие авторы, в том числе

Л. В. Щерба, А. А. Реформатский, Р. С. Гиляревский[1] и др.

Наиболее употребительные системы транслитерации можно разделить на две группы. Первую, более многочисленную, составляют национальные системы, основанные на графике, орфографии и традициях конкретных латинопишущих языков — английского, французского, немецкого, испанского и др. Ко второй, сравнительно немногочисленной группе, относятся условные системы, не имеющие непосредственной связи с каким-либо определенным языком.

Для того чтобы определить, какая из существующих систем транслитерации может оказаться наиболее пригодной для международного пользования или может быть положена в основу при разработке таковой, следует установить критерии, которым должна удовлетворять такая система транслитерации. Этими критериями, на наш взгляд, должны быть нейтральность, общепримени мость, однозначность, обратимость, традиционность.

Требование нейтральности системы по отношению к конкретным языкам определяется тем, что транслитерация призвана служить целям международного общения и должна быть одинаково приемлема для всех латинопишущих стран.

Общепримени мость, или универсальность системы означает возможность ее применения во всех сферах международного общения.

Требования однозначности и обратимости в пояснениях не нуждаются.

Что касается традиционности, то здесь необходимо учитывать, что в сложившейся практике разных ведомств уже в течение многих лет применяются разные системы транслитерации. Кроме «ведомственных» традиций, су-

---

[1] *Л. В. Щерба.* Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 118—126; *А. А. Реформатский.* Транслитерация русских текстов латинскими буквами.— ВЯ, 1960, № 5, стр. 96—103; *А. А. Реформатский.* О стандартизации транслитерации латинскими буквами русских текстов. «Научно-техническая информация», серия 2, № 10, 1972, стр. 32—36; *Р. С. Гиляревский.* Об описании переводов советских книг на иностранные языки (метод транслитерации). «Советская библиография», 1955, вып. 39, стр. 25—34.

ществуют традиции лингвистические, научные, уходящие своими корнями в родство языков. Принятие любой из действующих систем в качестве единой и обязательной неизбежно будет связано с ломкой каких-то традиций.

Рассмотрим обе группы систем транслитерации: насколько они последовательны и как удовлетворяют выдвинутым требованиям.

Национальные системы. Национальные системы транслитерации предназначены для введения иноязычных слов и имен собственных в текст своего языка, причем все они стремятся сделать инописьменные слова, переданные средствами своего языка, читаемыми и при этом сохранить по мере возможности фонетический облик заимствуемого слова. В табл. 1 представлены некоторые национальные системы транслитерации, а табл. 2 выборочно иллюстрирует применение этих систем на примере русских топонимов.

Из табл. 1 видно, что все национальные системы основаны на графике и орфографии конкретных языков, не выходят за рамки своего алфавита и используют свойственные или привычные для данного языка буквосочетания. Все национальные системы транслитерации представляют собой по существу системы практической транскрипции (хотя и именуются в зарубежной литературе транслитерациями). Почти все они предлагают различную передачу русских *е* и *ё* в зависимости от позиции в слове, некоторые неоднозначно передают *и* и *й*. Исходя из особенностей своих правил чтения, французская и немецкая системы двояко передают букву *с*. французская и испанская системы — букву *г*. Однако нельзя сказать, что все национальные системы до конца последовательны. Предлагая позиционную передачу *е* и *ё*, почти все системы не отражают позиционных различий *ю* и *я*. В тех же случаях, когда предлагается два варианта передачи *ю* и *я* (исп.) или почему-то только одной из этих букв (*я* — во франц.), их позиционные значения учтены не полностью. К тому же на практике эти системы далеко не всегда соблюдаются и последовательно выдерживаются.

Совершенно очевидно, что ни одна из национальных систем транслитерации не может быть рекомендована в качестве единой международной системы именно в силу

Таблица 1

Русский алфавит	Англо-американск. система BGN — PCGN 1972 *	Французская система **	Испанская система **	Норвежская система **	Немецкие системы транскрипции	
					ГДР *	ФРГ **
а	a	a	a	a	a	a
б	b	b	b	b	b	b
в	v	v	v	v	w	w
г	g	gu (или gh) — перед e, и g — в остальн. случ.	gu — перед e, и g — в остальн. случ.	g	g	g w — в окончаниях *-ого, -его*
д	d	d	d	d	d	d
е	ye — в начале, после гласн., ъ, ь e — после согласн.	ie (ye) — в начале после ъ, ь ïe — после a, o, y e — в остальн. случ.	ye (ie) — в начале, после гласн., ъ, ь e — после согласн.	je — в начале, после гласн., ъ, ь e — после согласн.	je — в начале, после гласн., ъ, ь e — после согласн.	
ё	yë — в начале, после гласн., ъ, ь ë — после согласн.	e	io — при наличии знака ¨ (трема) в оригинале e — в остальн. случ.	o — после ч, ш, щ jo — в остальн. случ.	o — после ш, ж, ч, щ, ц jo — в остальн. случ.	o — после ф, ч, ш, щ

* Системы, официально санкционированные для использования в определенных сферах.

** Системы, не имеющие статуса официальных, но широко применяемые.

Таблица 1 (продолжение)

Русский алфавит	Англо-американск. система BGN — PCGN 1972 *	Французская система **	Испанская система **	Норвежская система **	Немецкие системы транскрипции	
					ГДР *	ФРГ **
ж	zh	j	zh	sj	sh	sch
з	z	z	z	s	s	s
и	i	i	i	i ji — после ь	ï — под удар. после гласн. ji — после ъ, ь i — в ост. случ.	i ji — после ь
й	y	ï i	i	j	i j — в начале не передается после и, ы	i—в конце, между гласн. не передается после и, ы
к	k	k	k	k	k	k x — в сочет. кс
л	l	l	l	l	l	l
м	m	m	m	m	m	m
н	n	n	n	n	n	n
о	o	o	o	o	o	o

Таблица 1 (окончание)

Русский алфавит	Англо-американск. система BGN — PCGN 1972 *	Французская система **	Испанская система **	Норвежская система **	Немецкие системы транскрипции	
					ГДР *	ФРГ **
п	p	p	p	p	p	p
р	r	r	r	r	r	r
с	s	s ss — между гласн.	s	s	s ss — между гласн.	s ss — между гласн. x — в сочет. кс
т	t	t	t	t	t	t
у	u	ou	u	u	u	u
ф	f	f	f	f	f	f
х	kh	kh	j	kh	ch	ch
ц	ts	ts	ts	ts	z	z
ч	ch	tch	ch	tj — датск. tsj — норв.	tsch	tsch
ш	sh	ch	sh	sj	sch	sch
щ	shch	chtch	sch	sjtj — датск. stsj — норв.	stsch	schtsch
ъ	,,	не передается	не передается	не передается	не передается	
ы	y	y	i	y	y	y
ь	'	не передается	не передается	не передается	не передается-ся	j — перед о не перед. в ост. случ.
э	e	e	e	e	e	e
ю	yu	iou	yu — в начале iu — в ост. случ.	ju	ju	ju
я	ya	ia ïa	ya — в начале ia — в ост. случ.	ja	ja	ja

Таблица 2

Буквы	Русские названия	Англо-американская система BGN—PCGN 1972 г.	Французская система	Испанская система	Норвежская система	Немецкие системы транскрипции ГДР/ФРГ
е	Беляево	Belyayevo	Beliaevo	Beliayevo	Beljajevo	Beljajewo
	Ельня	Yel'nya	Ielnia(Yelnia)	Yelnia (Ielnia)	Jelnja	Jelnja
	Полесье	Poles'ye	Polesie	Polese	Polesje	Polesje
ё	Алёшкино	Alëshkino	Alechkino	Alioshkino	Aljosjkino	Aljoschkino
	Щелково	Shchelkovo	Chtchelkovo	Schelkovo	Stsjolkovo	Stscholkowo/Schtscholkowo
	Таежный	Tayezhny	Taejny	Taezhni	Tajosjnyj	Tajoshny/Tajoschny
ж	Жуково	Zhukovo	Joukovo	Zhukovo	Sjukovo	Shukowo/Schukowo
и	Ручьи	Ruch'i	Rutchi	Ruchi	Rutsji	Rutschji
й	Грозный	Grozny	Grozny	Grozni	Grosnyj	Grosny
	Измайлово	Izmaylovo	Izmailovo	Izmailovo	Ismajlovo	Ismajlowo
х	Ховрино	Khovrino	Khovrino	Jovrino	Khovrino	Chowrino
ц	Царицыно	Tsaritsyno	Tsaritsyno	Tsaritsino	Tsaritsyno	Zarizyno
ч	Чоп	Chop	Tchop	Chop	Tsjop	Tschop
ш	Шушенское	Shushenskoye	Chouchenskoe	Shushenskoie	Sjusjenskoje	Schuschenskoje
щ	Щукино	Shchukino	Chtchoukino	Schukino	Stsjukino	Stschukino/Schtschukino
ъ	Объячево	Ob''yachevo	Obiatchevo	Obiachevo	Objatsjevo	Objatschewo
ы	Сумы	Sumy	Sumy	Sumi	Sumy	Sumy
ь	Гольяново	Gol'yanovo	Golianovo	Golianovo	Goljanovo	Goljanowo
	Кузьминки	Kuz'minki	Kuzminki	Kuzminki	Kusminki	Kusminki
	Сетунь	Setun'	Setun	Setun	Setun	Setun
э	Эльбрус	El'brus	Elbrous	Elbrus	Elbrus	Elbrus
ю	Зюзино	Zyuzino	Ziouzino	Ziuzino	Sjusino	Sjusino
	Южный порт	Juzhny port	Ioujny port	Yuzhni port	Jusjnyi port	Jushny port/Juschny port
я	Вязьма	Vyaz'ma	Viazma	Viazma	Vjazma	Wjazma
	Чусовая	Chusovaya	Tchusovaïa	Chusovaia	Tsjusovaja	Tschussowaja
	Якиманка	Yakimanka	Iakimanka	Yakimanka	Jakimanka	Jakimanka
	Дарьял	Dar'yal	Darial	Darial	Darjal	Darjal

своего «национального характера», т. е. привязанности к определенному языку. Кроме того, это неприемлемо еще и потому, что означало бы признание приоритета одного языка и дискриминацию по отношению к другим.

Однако некоторые национальные системы получили распространение в отдельных сферах международной деятельности. Так, например, французский язык и соответствующая ему система транслитерации приняты для передачи названий почтовых и телеграфных пунктов в официальных справочниках Международного Почтового Союза и Международного Союза Электросвязи. Согласно Международному своду сигналов, принятому Межправительственной Морской Консультативной Организацией, при передаче названий морских судов и мест их нахождения пользуются английской системой транслитерации.

Применение национальных систем транслитерации за пределами зоны распространения соответствующих языков допустимо, по нашему мнению, лишь в двух случаях: а) когда имеется специальное международное соглашение, предусматривающее употребление определенного языка в данной сфере международного общения, например, в морском судоходстве; б) когда публикации (справочники, путеводители, карты и т. п.) адресованы читателям на каком-либо одном языке.

Все это приводит к выводу, что единую систему транслитерации, предназначенную для международного пользования, следует выбирать не среди национальных, а среди условных систем, нейтральных к конкретным латинопишущим языкам.

Условные системы. Прежде, чем перейти к их рассмотрению, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

1. В условных системах транслитерации речь идет не о передаче на какой-либо конкретный латинопишущий язык, а на некую «абстрактную» латиницу, т. е. знаки латинского алфавита используются здесь лишь как символы, заменяющие русские буквы.

2. Теоретически такая символическая замена одних знаков другими, принятыми в качестве эквивалентов, допускает произвольный выбор и произвольное сопоставление этих знаков. Однако практическое использование

26 базовых латинских букв и более 70 их модифицированных и диакритизированных вариантов в алфавитах разных языков закрепило за базовыми буквами определенные «международные» фонетические значения, которые, хотя и варьируются от языка к языку, в основном весьма постоянны. Поэтому вряд ли целесообразно пренебрегать наиболее распространенными фонетическими значениями латинских букв. Вопрос сводится к тому, какие латинские знаки и с какими присущими им фонетическими значениями выбрать в качестве эквивалентов русским буквам.

3. Правильное чтение транслитерированных в условной системе слов возможно лишь при знании ключа. Попытка их прочтения с позиций любого языка, т. е. принятых в нем звуко-буквенных соотношений, окажется в большинстве случаев безуспешной. Например, слово *яблоня,* переданное *jablonja* (система ИСО — Международная организация по стандартизации), англичанами будет читаться как «джаблонджа», французами «жаблонжа», испанцами «хаблонха» и т. п. Поэтому вряд ли оправданным может быть стремление отразить в условных системах транслитерации некоторые фонетические тонкости русского языка.

4. Все расширяющееся применение машинных методов обработки текстового материала выдвигает свои требования к системе транслитерации, основным из которых является однозначность, т. е. наличие только одного латинского эквивалента для одного русского знака и использование одного латинского знака для передачи только одного русского знака.

В табл. 3 приводятся действующие в нашей стране условные системы транслитерации, которые иллюстрируются в табл. 4. В зарубежной практике также употребляется, наряду с системами практической транскрипции, ряд аналогичных условных систем, но в данном обзоре мы на них не останавливаемся. Две из систем, включенных в таблицу действующих, еще не получили широкого практического применения. Это пересмотренная и уточненная система транслитерации АН СССР, изложенная в статье А. А. Реформатского «О стандартизации транслитерации латинскими буквами русских текстов», где дается альтернативная система транслитерации для использования на автоматических устройствах, и введенный

Таблица 3

Русский алфавит	Система АН СССР 1951—1956 гг.	Система АН СССР 1968—1972 гг.		Система ИСО-68	Телеграфные правила 1969	Система Министерства внешней торговли	ГОСТ 16876—71
		с диакритикой	с диграфами				
а	a	a	a	a	a	a	a
б	b	b	b	b	b	b	b
в	v	v	v	v	v	v	v
г	g	g	g	g	g	g	g
д	d	d	d	d	d	d	d
е	1) e — после согласн. 2) je — в начале слова, после гласных, ъ, ь	1) e — после согласн. 2) je — в начале слова, после гласн., ъ, ь	1) e — после согласн. 2) je — в начале слова, после гласн., ъ, ь	e	e	e	e
ё	1) 'o — после согласн. (кроме ч, ш, щ, ж) 2) o — после ч, ш, щ, ж 3) jo — в начале слова, после гласн., ъ, ь	1) 'o — после согл. (кроме ч, ш, щ, ж) 2) o — после ч, ш, щ, ж 3) jo — в начале слова, после гласн., ъ, ь	1) 'o — после согл. (кроме ч, ш, щ, ж) 2) o — после ч, ш, щ, ж 3) jo — в начале слова, после гласн., ъ, ь	ë	e	e	e/ë
ж	ž	ž	zh	ž	j	zh	zh
з	z	z	z	z	z	z	z
и	1) i	1) i — в начале слова, после гласн. и согл.	1) i — в начале слова, после гласн. и согл.	i	i	i	i

Таблица 3 (продолжение)

Русский алфавит	Система АН СССР 1951—1956 гг.	Система АН СССР 1968—1972 гг.		Система ИСО-68	Телеграфные правила 1969	Система Министерства внешней торговли	ГОСТ 16876—71
		с диакритикой	с диграфами				
и	2) ji — после ь	2) ji — после ь	2) ji — после ь				
й	j	j	j	j	i	j	j/jj
к	k	k	k	k	k	k	k
л	l	l	l	l	l	l	l
м	m	m	m	m	m	m	m
н	n	n	n	n	n	n	n
о	o	1) o	1) o	o	o	o	o
		2) ˙o — после й, ь	2) ˙o — после й				
п	p	p	p	p	p	p	p
р	r	r	r	r	r	r	r
с	s	s	s	s	s	s	s
т	t	t	t	t	t	t	t
у	u	u	u	u	u	u	u
ф	f	f	f	f	f	f	f
х	ch	x	x	h	h	h	kh
ц	c	c	c	c	c	c	c
ч	č	1) č	1) ch	č	ch	ch	ch
		2) ˙č — после ш	2) ćh — после ш				
ш	š	š	sh	š	sh	sh	sh

Таблица 3 (окончание)

Русский алфавит	Система АН СССР 1951—1956 гг.	Система АН СССР 1968—1972 гг.		Система ИСО-68	Телеграфные правила 1969	Система Министерства внешней торговли	ГОСТ 16876—71
		с диакритикой	с диграфами				
щ	šč	šč	shch	šč	sc	sch	shch/q
ъ	—	—	—	,,	—	—	,,
ы	**y**	y	y	y	y	**y**	y
ь	1) ' — в конце и после согл. 2) опускается перед гласн.	'	'	'	—	j	'
э	e	e	e	ė		e	è/eh
ю	1) 'u — после согласн. 2) ju — в начале слова, после гласн., ъ, ь	1) 'u — после согласн. 2) ju — в начале слова, после гласн., ъ, ь	1) 'u — после согласн. 2) ju — в начале слова, после гласн., ъ, ь	ju	iu	ju	ju
я	1) 'a — после согласн. 2) ja — в начале слова, после гласн., ъ, ь	1) 'a — после согласн. 2) ja — в начале слова, после гласн., ъ, ь	1) 'a — после согласн. 2) ja — в начале слова, после гласн., ъ, ь	ja	ia	ja	ja

в действие с 1 января 1974 г. новый вариант государственного стандарта [2].

Как видно из таблицы, условные системы, за исключением системы АН СССР, значительно проще национальных. Что касается других критериев оценки, то приведенные системы характеризуются следующим образом. Телеграфные правила [3], где не учитывается различие *и* и *й*, не передаются *ъ* и *ь*, латинские буквы *c, s, h*, кроме независимого употребления в качестве эквивалентов русским *ц, с, х*, входят еще в состав диграфов, передающих русские *ч, ш, щ* (*ch, sh, sc*), не удовлетворяют требованиям однозначности и обратимости. Систему Международной организации стандартизации (ИСО-68) [4] также нельзя отнести к полностью однозначным: дважды используется *j* — для передачи *й* и в составе диграфов *ju, jə* для передачи *ю, я*. Это в свою очередь допускает неоднозначную ретранслитерацию: *krajuha* — ‘краюха’ и ‘крайуха’, *krasnaja* — ‘красная’ и ‘краснайа’. Но эта неоднозначность ретранслитерации может быть нейтрализована простым предупреждением: *j* в начале слова, после согласного и гласного перед *а, и* входит в состав диграфов *ja, ju*, в остальных случаях — самостоятельная буква. Система Министерства внешней торговли [5] трижды использует букву *j*: для передачи *й, ь* и в диграфах *ju, ja*; буква *h*, наделенная самостоятельным значением как эквивалент буквы *х*, входит в состав четырех буквосочетаний, передающих согласные *ж, ч, ш, щ*: *zh, ch, sh, sch*.

Кроме того, следует отметить лингвистическую невыдержанность системы: передача согласных на английской основе, гласных — на славянской.

Система транслитерации, разработанная во ВНИИКИ и утвержденная в качестве государственного стандарта,

---

[2] ГОСТ 16876—71. Международный указатель стандартов № 12 1973 г. Госстандарт СССР. М., 1973.

[3] «Телеграфные правила». Ч. I. Приложение 3 — Написание русского алфавита латинскими буквами. М., 1969.

[4] ISO Recommendation R — 9, International System for the Transliteration of Slavic Cyrillic Characters. 2nd Edition, September 1968. Printed in Switzerland.

[5] Автору не удалось установить, кем и когда была разработана и введена в действие эта система, но она существует и регулярно используется на практике.

Таблица 4

Буква	Русские названия	Система АН СССР 1951—1956	Система АН СССР 1968—1972	
			с диакритикой	с диграфами
е	Беляево	Bel'ajevo	Bel'ajevo	Bel'ajevo
	Ельня	Jel'n'a	Jel'n'a	Jel'n'a
	Полесье	Polesje	Poles'je	Poles'je
ё	Алёшкино	Al'oškino	Al'oškino	Al'oshkino
	Щелково	Ščolkovo	Ščolkovo	Shcholkovo
	Таежный	Tajožnyj	Tajožnyj	Tajozhnyj
ж	Жуково	Žukovo	Žukovo	Zhukovo
и	Ручьи	Ručji	Ruč'ji	Ruch'ji
й	Грозный	Groznyj	Groznyj	Groznyj
	Измайлово	Izmajlovo	Izmajlovo	Izmajlovo
х	Ховрино	Chovrino	Xovrino	Xovrino
ц	Царицыно	Caricyno	Caricyno	Caricyno
ч	Чоп	Čop	Čop	Chop
ш	Шушенское	Sušenskoje	Šušenskoje	Shushenskoje
щ	Щукино	Ščukino	Ščukino	Shchukino
ъ	Объячево	Objačevo	Objačevo	Objachevo
ы	Сумы	Sumy	Sumy	Sumy
ь	Гольяново	Goljanovo	Gol'janovo	Gol'janovo
	Кузьминки	Kuz'minki	Kuz'minki	Kuz'minki
	Сетунь	Setun'	Setun'	Setun'
э	Эльбрус	El'brus	El'brus	El'brus
ю	Зюзино	Z'uzino	Z'uzino	Z'uzino
	Южный порт	Južnyj port	Južnyj port	Juzhnyj port
я	Вязьма	V'az'ma	V'az'ma	V'az'ma
	Чусовая	Čusovaja	Čusovaja	Chusovaja
	Якиманка	Jakimanka	Jakimanka	Jakimanka
	Дарьял	Darjal	Dar'jal	Dar'jal

ИРЯ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

также не удовлетворяет изложенным выше требованиям. Как и система Внешторга, она лингвистически непоследовательна. Использование английских диграфов для передачи *ж, х, ч, ш* лишает обе системы нейтральности. Неоднозначное применение *j*, а также использование диграфов *sh* и *ch* как самостоятельных знаков и в сочетании *shch* затрудняет обратимость системы.

Система АН СССР, учитывая позиционные различия йотированных гласных, позволяет более точно отразить

Система ISO-68	Телеграфные правила 1969 г.	Система Министерства внешней торговли	ГОСТ 16876—71
Beljaevo	Beliaevo	Beljaevo	Beljaevo
El'nja	Elnia	Eljnja	El'nja
Poles'e	Polese	Polesje	Poles'e
Alëškino	Aleshkino	Aleshkino	Aleshkino/Alëshkino
Ščelkovo	Scelkovo	Schelkovo	Shchelkovo/Qelkovo
Taežnyj	Taejnyi	Taezhnyj	Taezhnyj/Taëzhnyj
Žukovo	Jukovo	Zhukovo	Zhukovo
Ruč'i	Ruchi	Ruchji	Ruch'i
Groznyj	Groznyi	Groznyj	Groznyj
Izmajlovo	Izmailovo	Izmajlovo	Izmajlovo
Hovrino	Hovrino	Hovrino	Khovrino
Caricyno	Caricyno	Caricyno	Caricyno
Čop	Chop	Chop	Chop
Šušenskoe	Shushenskoe	Shushenskoe	Shushenskoe
Ščukino	Scukino	Schukino	Shchukino/Qukin
Ob"jačevo	Obiachevo	Objachevo	Ob''jachevo
Sumy	Sumy	Sumy	Sumy
Gol'janovo	Golianovo	Goljanovo	Gol'janovo
Kuz'minki	Kuzminki	Kuzjminki	Kuz'minki
Setun'	Setun	Setunj	Setun'
Ėl'brus	Elbrus	Eljbrus	El'brus
Zjuzino	Ziuzino	Zjuzino	Zjuzino
Južnyj port	Iujnyi port	Juzhnyj port	Juzhnyj port
Vjaz'ma	Viazma	Vjazjma	Vjaz'ma
Čusovaja	Chusovaia	Chusovaja	Chusovaja
Jakimanka	Iakimanka	Jakimanka	Jakimanka
Dar'jal	Darial	Darjjal	Dar'jal

в латинице фонемный состав русского слова, что является ее безусловным достоинством. Но это одновременно сильно усложняет ее и делает не полностью однозначной и обратимой. Системы ИСО-68 и АН СССР пользуются монографами с диакритикой для передачи русских шипящих и *ц* и диграфами для передачи йотированных гласных, что опирается на традиции славянских латинопишущих языков, и при этом остаются нейтральными по отношению к конкретным славянским языкам.

Представленные в табл. 3 условные системы транслитерации имеют практическое применение: телеграфный код — в сфере международной телеграфной связи, система ИСО — в библиографии и документалистике как в Советском Союзе, так и в зарубежных странах, система Внешторга — во всех официальных документах Министерства внешней торговли и связанных с ним организаций, а также в рекламных изданиях Интуриста, система АН СССР — в советских и многих зарубежных картографических произведениях, предназначенных для международного пользования.

Кроме рассмотренных условных систем транслитерации, известны и некоторые другие. В табл. 5 приводятся еще две условных системы, предложенные в последние годы, но еще не проверенные на практике. Это системы В. А. Успенского и Р. О. Якобсона [6], разработанные в двух вариантах каждая, один из которых предназначен для использования машинной техники. Системы В. А. Успенского и Р. О. Якобсона обладают многими достоинствами: обе настолько нейтральны ко всем латинопишущим языкам, что предлагают использовать некоторые латинские буквы просто как условные знаки: *q*, *x̌*, *ǰ* для передачи русских *х*, *щ*, *ъ* (Успенский) и *x*, *w*, *q* для передачи русских *х*, *ъ*, *ь* (Якобсон). Система Успенского с диакритическими знаками пользуется исключительно монографами, абсолютно однозначна и, следовательно, полностью обратима. Его же альтернативная система с диграфами использует *j* для передачи йотированных гласных, *й* и *ъ* и рекомендует двоякую передачу *й* в зависимости от положения в слове: через *jh* или *j*, что нарушает принцип однозначности. Система Якобсона в варианте для полуавтоматического телеграфа также допускает неоднозначное использование *j* — для передачи *й* и *ь* и в диграфах *ju*, *ja*. Зато его система для автоматического телеграфа совершенно однозначна и полностью обратима, так как использует в диграфах в качестве универсального модификатора лишенный самостоятельного

---

[6] *В. А. Успенский.* К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами. «Научно-техническая информация», серия 2, № 7, 1967, стр. 12—19; *Р. О. Якобсон.* О латинизации международных телеграмм на русском языке.— ВЯ, 1965, № 1, стр. 111—113.

Таблица 5

Русский алфавит	Система В. А. Успенского		Система Р. О. Якобсона	
	с диакритическими знаками	с диграфами	для полуавтоматического телеграфа	для автоматического телеграфа
1	2	3	4	5
а	a	a	a	a
б	b	b	b	b
в	v	v	v	v
г	g	g	g	g
д	d	d	d	d
е	e	e	e	e
ё	ë	jo	—	ho
ж	ž	zh	zh	hz
з	z	z	z	z
и	i	i	i	i
й	ĭ	jh — перед гласн. и ь j — в ост. сл.	j	j
к	k	k	k	k
л	l	l	l	l
м	m	m	m	m
н	n	n	n	n
о	o	o	o	o
п	p	p	p	p
р	r	r	r	r
с	s	s	s	s
т	t	t	t	t
у	u	u	u	u
ф	f	f	f	f
х	q	kh	x	x
ц	c	c	c	c
ч	č	ch	ch	hc
ш	š	sh	sh	hs
щ	x̌	xh	hh	hh
ъ	ĭ	j'	w	w
ы	y	y	y	y
ь	'	'	j	q
э	ě	eh	eh	he
ю	ü	ju	ju	hu
я	ā	ja	ja	ha

значения знак *h*, причем ставит его на первое место, что служит формальным показателем буквосочетания. Однако отход от традиционной передачи ряда букв не позволяет надеяться на то, что они заменят уже применяемые системы.

Резюмируя все сказанное, можно констатировать, что ни одна из уже применяемых на практике и вновь предложенных условных систем не отвечает в полной мере выдвинутым критериям их оценки. И все же совершенно очевидным остается тот факт, что единую систему транслитерации русского алфавита латинскими буквами, приемлемую для целей международного общения, следует выбирать именно среди условных систем.

Наиболее вероятным представляется такое решение, при котором будет найден компромисс между двумя самыми распространенными и близкими системами АН СССР и ИСО. Фонетический характер русского письма позволяет, на наш взгляд, отказаться от некоторых элементов транскрипции в системе латинизации русского алфавита в пользу последовательной транслитерации. Это упростит систему и сделает ее приемлемой для применения во всех сферах международного общения, а также, со временем, годной для использования на автоматических устройствах.

В. Сталтмане

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ ПО СОВЕТСКОЙ ОНОМАСТИКЕ (1947—1972 гг.) [1]

Первые диссертации по ономастике в советской лингвистике появились в конце 40-годов XX в. В 50-х годах это в основном были работы по топонимике [Конкашпаев,

[1] В обзоре отражены только те работы, которые целиком посвящаются определенной проблеме ономастики. Работы же, выполненные в основном на материале имен нарицательных и затрагивающие ономастическую тематику, лишь вскользь и фрагментарно,

1948[2], Лебедева, 1952, Аллендорф, Хасанов, 1953, Абдрахманов, 1954, Рипецкая, 1954, Подольская, 1956], меньше работ по антропонимике [Иртеньева, 1947, Мирославская, 1955, Михайлов, 1956, Митрофанова, 1958] и по общим вопросам ономастики [Суперанская, 1958].

Любопытно отметить, что примерно та же пропорция между топонимикой и антропонимикой в диссертациях сохраняется и в 60-х годах, только общий количественный рост работ в несколько раз увеличился. Если в 1950—1960 гг. по ономастике всего было написано около десяти работ, то в 1960—1970 гг. их количество возрос-

---

а также работы более или менее последовательно оперирующие иллюстративным материалом из области ономастики, в обзор не включены. Так, например, за пределами обзора осталась работа Г. И. Рожковой «Из истории уменьшительных образований существительных в русском языке». АКД, М., 1950, 21 стр., МГУ [Работа выполнена на материале апеллятивов. Лишь разбор суфф. *-ко, -ка* иллюстрируется личными именами собственными, здесь же высказаны попутные соображения относительно продуктивности этого суффикса в сочетании с основами личных имен в отличие от апеллятивных основ], С. А. Копорского «Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70-х годов XIX века (словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова)» АДД. Калинин, 1951, 45 стр., ИЯ АН СССР [В одном из разделов работы «Имена собственные» в общих чертах охарактеризовано употребление заглавий литературных произведений, топонимов, антропонимов, наименований литературных персонажей и т. п.]. В обзор не попала и работа В. П. Нерознака «Фракийский язык (Источники и интерпретация)». АКД, Л., 1970, 23 стр., ИЯ АН СССР [В качестве иллюстративного материала автор часто привлекает ономастику — одну из лексических групп среди скудных реликтов фракийского языка. Однако собственно ономастические вопросы в диссертации не исследуются]. Не включено в обзор и исследование Э. В. Тихоновой «Узбекская лексика в произведениях русских писателей Узбекистана». АКД. Ташкент, 1970, 24 с. Ташк. гос. ун-т [В работе освещены вопросы интерференции узбекского и русского языков в советскую эпоху. Исследования такого рода, не будучи ономастическими в собственном смысле слова, все же представляют большой интерес для ономастики, так как около 50% всех заимствованных слов, зафиксированных автором в анализируемых произведениях, составляют имена собственные и их дериваты. Любопытен сам факт высокой степени проницаемости ономастического материала, а также наблюдения автора об особенностях функционирования заимствованных узбекских имен собственных в русском языке (по сравнению с апеллятивами)].

[2] В тексте обзора фамилии авторов диссертационных работ приводятся без инициалов для краткости. Список обозреваемых работ с полными выходными данными приложен в конце.

ло в шесть раз. Естественно, что увеличение количества работ привело к расширению их тематики.

Все работы условно можно разделить на следующие группы: I. Исследования на материале имен собственных всех типов (в том числе и работы, определяющие специфику имени собственного и нарицательного), II. Исследования отдельных областей ономастики: 1. Топонимика, 2. Антропонимика. 3. Словообразование на базе собственных имен.

Другие разряды ономастики (этнонимы, мифонимы, теонимы) затронуты в двух работах только вскользь (см. ниже), поэтому их выделение в самостоятельные главы на данном материале не представляется целесообразным.

I

Нами обследовано свыше 100 диссертационных работ, но лишь в трех из них исследуются свойства имени собственного на материале всех ономастических типов. Работ, изучающих кардинальные вопросы специфики имени собственного в сравнении с апеллятивами, выполненных на материале всего ономастического комплекса, нет совсем [3].

Из работ, изучающих относительно периферийную проблематику, но на всем комплексе ономастического материала, можно назвать диссертацию Суперанской, посвященную проблеме практической транскрипции всех категорий ономастики (антропонимов, топонимов, зоонимов, астронимов и др.). Возможности использования алфавита русского языка для передачи имен собственных иноязычного происхождения рассматриваются автором на фоне общелингвистических проблем, заключающихся в специфике имени собственного в отличие от нарицательного.

Вопросам субституции, адаптации, гибридизации и калькирования всех групп имен собственных (киргизских и русских) в Киргизии посвящена работа Бутенко. Широкого профиля также работы Колоколовой и Таич, анализирующие ономастику художественной литературы.

[3] Об исследованиях, решающих эти проблемы теоретической ономастики на материале топонимии [Аллендорф, Ахманова, Жучкевич] и антропонимии [Болотов, Ермаченко], см. ниже.

В работах этого раздела использован обширный фактический материал: полевой сбор [Бутенко], справочные [Суперанская] и литературные [Бутенко, Колоколова, Суперанская, Таич] источники, работы снабжены указателями, картами [Бутенко] и словарями [Колоколова, Таич].

II

1. Топонимика

Все диссертации по топонимике — а они составляют бóльшую часть (73 из 113) ономастических исследований — можно подразделить на следующие подгруппы: 1) общетеоретические и общеметодологические, 2) региональные топонимические исследования: а) синхронные, б) диахронические (в том числе и субстратные), 3) ареальные исследования. Это деление весьма условно, поскольку в работах, изучающих современное состояние топонимии, вкрапливаются элементы исторического исследования и наоборот, в диахронических исследованиях нередко дается анализ топонимии определенного синхронного среза.

К общетеоретическим можно отнести работы Аллендорф, Ахмановой и Жучкевича. Работа Аллендорф исследует фонетические изменения в апеллятивах французского языка, вызванные переходом имен нарицательных в имена собственные. В диссертации Ахмановой рассмотрены топонимы в их взаимоотношении к номенам и терминам.

Исследование Жучкевича представляет собой теоретическое обобщение основных закономерностей топонимики в глобальном масштабе, одновременно наиболее углубленному и детальному анализу подвергаются географические названия Белорусской ССР и сопредельных территорий. Географические названия интерпретируются автором как «своеобразный язык географии, отражающий сложную и многогранную систему географических понятий».

К работам, изучающим специфику имени собственного в отличие от апеллятивов на грамматическом уровне, можно отнести исследование Лабунько, анализирующее тенденции склоняемости—несклоняемости определенных типов географических названий в русском языке и со-

держащее нормативные рекомендации. Родственных проблем касается также работа Селезневой, изучающая особенности функционирования топоформ в современных газетных текстах в связи с распространением аналитизма в данной подсистеме русского языка. Различия топонимов и апеллятивов на уровне словообразования затрагиваются частично в работах Ванагаса, Головиной, Камалова, Корнилова, на синтаксическом — Никитиной.

Эксплицитно сформулированное определение места топонимики среди других наук находим только у нескольких авторов. В большинстве случаев топонимика ими рассматривается как лингвистическая дисциплина, а топонимия как подсистема в рамках общей лексической системы языка [Бонюхов, Бучко, Головина]. В меньшинстве исследований топонимика квалифицируется авторами как специальная отрасль науки или смежная наука, находящаяся на стыке лингвистики, географии и истории [Абдимуратов, Данчинова, Жучкевич, Исаев, Поспелов, Хасанов]. С этих позиций проблемам методики топонимических исследований (использованию картографии) посвящена работа Поспелова.

Значительное место занимают региональные топонимические исследования, изучающие топонимию более или менее обширной территории, проводящиеся, как правило, в следующих планах: словообразовательный анализ и семантическая классификация топооснов [Абдимуратов, Абдрахманов, Адамович, Атаниязов, Гриценко, Гулиева, Дусимов, Еремия, Исаев, Калинина, Камалов, Караев, Каримова, Койчубаев, Лебедева, Лемтюгова, Леонович, Макалатия, Масенко, Молчанова, Муромцев, Нафасов, Никулина, Попова, Стрыжак, Султаньяев, Туркин, Хромов, Цагаева, Черняховская]. Изучению значения топонимов (ономастического и экстраономастического) посвящена работа Ковалевой.

Отдельные исследования [Ванагас, Головина, Корепанова, Поляруш] строго ограничены только словообразовательным анализом. В работах этого плана ставятся и теоретические вопросы методологии словообразовательного анализа [Ванагас, Головина, Корепанова, Полковникова], выявляется словообразовательная специфика различных классов топонимов [Головина, Поляруш]. Региональные исследования обычно сопровождаются более или менее обстоятельным историко-этимологи-

ческим анализом топонимов [Абдимуратов, Атаниязов, Галас, Данчинова, Дусимов, Еремия, Исаев, Камалов, Караев, Каримова, Койчубаев, Ковалева, Леонович, Масенко, Муромцев, Нафасов, Стрыжак, Туркин, Цагаева]. В отдельных работах этой группы показано, как в топонимах сохраняются архаические формы языка [Абдимуратов, Камалов, Койчубаев, Масенко] и диалектные особенности [Галас, Головина, Гриценко, Дамбе, Каримова, Лебедева, Масенко]; обращается внимание на то, что в географических названиях нередко засвидетельствованы исторические события [Дамбе, Жучкевич, Стрыжак, Султаньяев, Цагаева], в том числе и древние миграции населения [Головина, Камалов]; путем выявления топонимических ареалов делается попытка восстановления этно-лингвистической карты прошлого [Еремия, Калинина, Молчанова]. В ряде работ проиллюстрирована мысль о том, что физико-географические свойства рельефа и местности своеобразным путем отражаются в топонимии соответствующего региона [Жучкевич, Исаев, Кусков, Мокиенко, Никитин].

Отдельные работы включают в себя топонимические словари [Галас, Головина, Карпенко, Малько, Ященко], в которых, как правило, привлекаются диалектные данные, материалы из родственных языков, устанавливается этимология топонимов.

Для новейших исследований характерно стремление преодолеть локальную ограниченность региональных исследований. Авторы прослеживают топонимические ареалы, выходящие за пределы обследуемой местности [Гулиева, Каримова, Карпенко, Мокиенко], привлекают аналогичные материалы из родственных [Галас, Гулиева, Каримова, Карпенко, Корепанова, Мокиенко, Попова] и неродственных языков [Галас, Молчанова, Цагаева], а также приводят параллели из топонимии смежных территорий [Адамович, Гулиева, Камалов, Каримова, Карпенко, Койчубаев, Масенко, Попова, Цагаева]. В ряде работ такой подход приводит к изучению системной организации топонимии [Еремия, Карпенко, Корепанова, Мокиенко, Стрыжак, Черняховская] и дает возможность авторам делать теоретические выводы [Ванагас, Головина, Гулиева, Жучкевич, Карпенко, Стрыжак].

Отдельные работы [Овчинникова, Субаева] посвящены интерференции топонимии в языках народов СССР.

Вопросы калькирования, адаптации и субституции топонимов в русской передаче попутно затрагиваются и в других работах, предметом исследования которых являются нерусские топонимы [Гриценко, Глинских, Гулиева, Попова, Султаньяев, Туркин]. Именования мыз Южной Эстонии по-немецки исследованы в работе Уусталу.

В качестве вопросов прикладной ономастики в последних работах нередко рассматриваются вопросы оригинальной орфоэпии и орфографии нерусских топонимов [Молчанова], а также высказываются соображения о русской передаче и орфографии иноязычных топонимов [Абдрахманов, Данчинова] и вносятся предложения по усовершенствованию этой передачи [Абдимуратов, Атаниязов, Попова].

Вопросы передачи и стандартизации иноязычных топонимов на русских картах исследуются в работе Поспелова, установлению правильного написания иноязычных географических названий на узбекском языке посвящена работа Хасанова. Проблемам вариативности фонетических преобразований заимствованных топонимов в современном английском языке посвящена работа Мартьяновой.

Работы по микротопонимике строятся обычно в том же плане, что и синхронные региональные топонимические [Кадырова, Никитин, Прищепчик] исследования.

Отдельные диссертации посвящены сравнительно-историческому изучению топонимии более или менее обширной местности [Никулина] или топонимии, содержащейся в определенных памятниках [Подольская, Полковникова]. В этих работах, как правило, охарактеризована морфологическая структура топонимов своего времени, определены источники номинации и этимология топонимов [Никулина], производится инвентаризация основных лексических элементов, используемых в качестве топооснов [Подольская, Полковникова], показано, что́ может дать топонимия и для истории языка [Подольская].

В плане, принципиально отличающемся от региональных, построены ареальные исследования топонимии, идущие не от территории (региона), а от топоформанта или тополексемы на территории, т. е. прослеживающие распространение определенных феноменов на различных

территориях [Бонюхов, Бучко, Вальдман]. В работах Бучко, Вальдман историко-ареальное исследование топонимии сочетается с рассмотрением общих вопросов теории топонимики.

Субстратная топонимия рассматривается в работах Беккер, Вержбовского, Гиндина, Глинских, Корнилова, Матвеева, Муминова, Рипецкой, представляющих собой ареальные исследования обширных территорий. Это изучение русской топонимии финно-угорского происхождения на севере Европейской части СССР [Матвеев], топонимия догреческого субстрата на юге Балканского полуострова [Гиндин], проблемы гунно-болгарского происхождения некоторых топонимов в Евразии [Корнилов], селькупские топонимы в западной Сибири [Беккер], славянская топонимия между Одрой и Вислой [Рипецкая], русская топонимия субстратного происхождения в Междуречье Тавды и Исети [Муминов], русская топонимия мансийского происхождения в бас. р. Тавды [Глинских], субстратные литуанизмы в белорусской топонимии [Вержбовский]. В перечисленных работах, как правило, устанавливаются основные пласты топонимов с последующим структурным и семантическим анализом [Беккер, Корнилов, Муминов]. Широко применяются методы этимологического анализа [Гиндин]. Топоминические данные используются для освещения этно-лингвистической ситуации в пределах изучаемой территории в прошлом, а также для уточнения древних миграций населения [Калинина]. Затрагиваются вопросы адаптации субстратного материала. В работах диахронического плана в качестве материала использованы исторические памятники, материал, собранный в экспедициях, и различные литературные источники.

Выделяется ряд работ, материал которых выходит за пределы имен собственных, но с последними органически связан — местная географическая терминология [Конкашпаев, Малько, Марусенко, Мокиенко, Толстой, Юзбашев]. В силу специфики изучаемого материала значительное внимание в них уделяется вопросам взаимоотношения топонимической и апеллятивной лексики [Мокиенко], определяется место географических терминов в системе диалектной и научной географической терминологии [Юзбашев] и т. п. В этих работах, как правило, используется свежий материал, собранный в

экспедициях, для сравнения привлекается диалектный материал, современные и исторические письменные источники, а также топонимия смежных территорий и других языков. В плане изучения сравнительной славянской семасиологии и структуры семантического поля построена работа Толстого.

Во многих работах — как синхронных, так и диахронических (особенно выполненных в конце 60-х годов и позже) широко применяется метод картографирования анализируемых топонимических явлений [Атаниязов, Бонюхов, Бучко, Гриценко, Корепанова, Корнилов, Марусенко, Матвеев, Молчанова, Муминов, Никулина, Овчинникова, Поспелов], реже использован статистический метод [Адамович, Бучко, Еремия, Лабунько, Овчинникова]. Нередко в качестве приложения даются словари приводимых в работе топонимов [Абдимуратов, Атаниязов, Галас, Глинских, Гулиева, Карпенко, Корепанова, Мокиенко, Муминов, Султаньяев, Хасанов, Ященко], различного рода указатели [Вержбовский, Матвеев] и списки топонимов [Беккер, Бонюхов, Еремия, Исаев, Кадырова, Койчубаев, Корнилов, Лебедева, Молчанова, Никулина, Овчинникова, Попова, Хасанов], анкеты для сбора материала [Марусенко], таблицы и диаграммы [Еремия].

Относительно изученности отдельных классов топонимии можно сказать следующее: все классы топонимов в совокупности (это, как правило, работы, изучающие топонимию определенной местности) охватывают 32 работы, ойконимию — 15, ойконимию и микротопонимию — 1, гидронимию — 12 (в трех работах изучены только названия рек), гидро- и оронимию — 1, микротопонимию — 2, географические термины — 5, урбанонимию — 1. В немногих работах структурные особенности анализируемой разновидности топонимов выявляются на фоне других классов топонимов [Адамович, Головина, Масенко, Поляруш, Стрыжак]. В редких случаях для сравнения привлекается ономастический материал, лежащий за пределами топонимии: антропонимы, этнонимы, [Головина, Масенко].

В большинстве работ исследована топонимия СССР. Изучению топонимии зарубежных стран посвящено 8 работ [Аллендорф, Вальдман, Гиндин, Данчинова, Леонович, Малько, Мартьянова, Рипецкая].

К работам, изучающим вопросы теоретической антропонимики, можно отнести диссертации, исследующие семантико-грамматические особенности имени собственного в отличие от имени нарицательного на материале французского языка [Ермаченко] и английского языка [Ьолотов, Иртеньева]. Правда, как эти, так и другие общие вопросы ономастики затрагиваются попутно и в других исследованиях [см. ниже].

Значительное место среди исследований по антропонимике занимают работы, посвященные исторической тематике [Железняк, Зинин, Мирославская, Налбандян, Недилько, Сухомлин, Устинович, Фролов, Юркенас]. Ряд работ ставит перед собой задачу — проследить процесс возникновения и становления антропонимических систем: русской [Зинин, Мирославская, Фролов], белорусской [Устинович], украинской [Недилько, Сухомлин], сербохорватской [Железняк].

Беспредельность материала в этих работах ограничивается территориальной и хронологической — XII—XV вв. [Железняк], XVII [Фролов], XIV—XVIII [Устинович], XVII—XVIII [Зинин, Недилько, Сухомлин] — привязанностью материала, пределами изучаемого источника [Мирославская], определенным (словообразовательным) уровнем языка [Железняк]. В работах изучающих восточнославянскую антропонимию, особое внимание уделено антропонимической системе, функционировавшей в языке в «дофамильный» период: пути освоения и словообразовательная система канонических имен, особенности возникновения, функционирование и лексико-семантический состав имен-прозвищ, структура развернутых многословных именований, становление фамилий [Бирилло, Зинин, Мирославская, Недилько, Фролов], вытеснение неканонических имен календарными [Фролов]; выделены основные словообразовательные модели фамилий [Зинин, Мирославская, Недилько, Сухомлин], уделено внимание социальной дифференциации фамилий [Зинин, Мирославская]. Очерчена территориальная распространенность основных антропонимических формантов [Зинин], показана продуктивность тех или иных словообразовательных типов по материалам отдельных источников-документов [Мирославская, Недилько], дан лексико-семантический и этимологический анализ фамилий [Су-

хомлин]. Для сравнения систематически привлекается ономастический и апеллятивный материал из других славянских языков [Недилько].

В отдельных работах выявляются структурные элементы древних антропонимов [Железняк, Юркенас].

Ряд работ посвящен описанию антропонимической системы определенного языка: белорусской [Бирилло], молдавской [Косничану], узбекской [Бегматов], казахской [Жанузаков], таджикской [Гафуров], японской [Капул] или антропонимии определенного региона [Чучка, Поротников]. В работах этого типа синхронное исследование дополняется историческим [Бегматов, Бирилло, Гафуров, Жанузаков, Косничану, Редько, Чучка]. Изучению современных украинских фамилий посвящена работа Редько.

К собственно синхронным проблемам антропонимики можно отнести грамматическую характеристику антропонимов [Иртеньева], установление частотности и географического распространения наиболее типичных именных моделей [Бирилло, Редько]. В синхронно-диахроническом аспекте представлены словообразовательный анализ фамилий и лексико-семантический анализ антропооснов [Капул, Косничану, Чучка]. Попутно в этих работах затрагиваются теоретические проблемы: место ономастики в ряду гуманитарных наук, проблема семантики собственного имени, специфика антропонимов в области словообразования, морфологии и акцентуации [Редько], комплексное изучение всех членов антропонимической системы, функционирующей в живой разговорной речи одного компактного ареала [Поротников, Чучка].

В работах, посвященных изучению антропонимии неславянских языков, наряду с описанием структуры антропонимов и семантики — антропооснов [Бегматов, Гафуров] дается этно-лингвистическая характеристика антропонимической системы, описываются традиции наречения ребенка, выясняется влияние религии, культурно-исторических и социальных факторов на антропонимию [Бегматов, Гафуров]. Особое внимание в этих работах уделено вопросам правописания [Косничану] и практической транскрипции антропонимов [Жанузаков, Капул]. Передаче античных антропонимов (из древнегреческого и латинского языков) в литовском языке посвящено специальное исследование [Думчюс]. Одному из

пластов армянских личных имен, именам, заимствованным в различные языковые эпохи из иранских языков, посвящена работа Налбандяна. Анализ материала в ней проведен в культурно-историческом, структурном и в этимологическом аспектах.

Две диссертации Данилиной и Митрофановой посвящены деривации личных имен, т. е. образованию производных, выражающих эмоционально-экспрессивные оттенки. В этих работах проведен тщательный анализ деривационного аппарата личных имен с учетом стилистической дифференциации дериватов [Данилина], показаны системные отношения внутри этих форм [Митрофанова], особое внимание уделено образованию именнеологизмов и их деривации [Данилина], затронуты вопросы теоретической ономастики: 1) специфика личных имен в отличие от других антропонимов, 2) своеобразие лексического значения личного имени, 3) вопросы тождества — отдельности слова на материале личных имен [Данилина].

Преимущественно антропонимический материал положен в основу работ, предметом исследования которых является ономастика в литературных произведениях [Магазаник, Михайлов, Невелева]. Из других разрядов ономастики эпизодически затрагиваются топонимы, зоонимы, теонимы, хрематонимы [Колоколова, Таич] (см. ниже).

Работы рассматриваемого направления лежат на грани лингвистики и литературоведения (поэтики). В них ставится ряд специфических проблем, обусловленных своеобразием анализируемого материала: стилистические функции имен собственных в художественной литературе [Колоколова, Магазаник, Михайлов, Таич], взаимосвязь nomina propria и nomina appellativa [Колоколова, Таич], поэтика имен собственных и широкий контекст [Магазаник], соотношение ономастикона поэтического и реального [Таич], системность поэтической ономастики и роль ее в создании подтекста всего произведения [Магазаник]. Структурно-типологический анализ антропонимии (вернее мифонимии) древнеиндийского эпоса представлен в работе Невелевой.

Отдельные главы работы Моминой посвящены анализу употребления названий народов Востока — этнонимов в русском языке XVII в.

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НА БАЗЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Значительное место среди диссертаций занимают исследования процесса словообразования, мотивирующей основой в котором является имя собственное. Подобно тому, как местные географические термины, не являясь собственно топонимами, изучаются в топонимике на том основании, что этот слой лексики тесно связан с топонимией, имеет склонность переходить в топонимию и тем самым представляет потенциальный источник ее пополнения — так и ономастическая лексика служит базой для расширения состава апеллятивной лексики. К исследованиям этого типа можно отнести работу Щетинина, посвященную изучению перехода собственных имен в нарицательные на материале английских фамилий, и Шарашовой, анализирующую образование имен нарицательных от имен собственных (на материале русских названий растений).

Несколько работ посвящено образованию названий лиц от географических названий в современном русском языке [Абдуллаев, Горпинич, Левашов, Павлова, Петровичева]. В них решаются такие вопросы как: 1) выбор производящей основы (топонима или оттопонимного прилагательного на *-ский*) для образования названий жителей и этнонимов [Павлова, Петровичева], 2) влияние структуры (морфонологии) топонима на выбор суффикса [Абдуллаев, Петровичева], 3) выяснение причин появления параллельных образований [Абдуллаев, Петровичева], 4) норма и выбор дублета [Павлова, Петровичева], 5) особенности образования мужских и женских соответствий [Левашов, Петровичева], 6) употребительность форм единственного и множественного числа [Петровичева], 7) роль диалектной основы в формировании системы названий жителей [Абдуллаев, Павлова). Работа Абдуллаева выполнена на материале письменных памятников XV—XVIII вв. Она выявляет исторические изменения продуктивности отдельных словообразовательных суффиксов, хронологические границы появления и функционирования отдельных словообразовательных формантов, а также тенденции развития словообразовательной системы в XV—XVIII вв. Широко проблема оттопонимной деривации представлена в работе Горпинича, затра-

гивающей, кроме указанных, еще и вопросы хронологических и территориальных границ распространения отдельных словообразовательных моделей и привлекающей для сравнения материал других славянских языков.

В заключение остановимся на степени изученности ономастического материала различных районов нашей страны.

РСФСР: Новгородская область — историческая топонимия [Подольская, Полковникова, Мирославская], микротопонимия — [Никитин]; Псковская область — ойконимия [Лебедева], микротопонимия [Никитин]; местная географическая терминология [Мокиенко]; Калининская обл.— микротопонимия [Никитин]; Кировская обл.— ойконимия, гидронимия, микротопонимия [Головина]; Рязанская обл.— ойконимия [Никулина]; Курская обл. — гидронимия [Ященко]; Краснодарский край — гидронимия [Гулиева]; Северо-Осетинская АССР — обзор топонимии [Цагаева]; Чувашская АССР — обзор топономии [Корнилов]; Башкирская АССР — гидронимия [Камалов]; Татарская АССР — взаимодействие русской и татарской топонимии [Субаева]; Архангельская, Вологодская области — топонимия русского Севера [Матвеев]; Коми АССР — топонимия [Овчинникова, Туркин]; Ханты-Мансийский национальный округ (бассейн рек Васюгана и Югана) — гидронимия [Калинина]; Свердловская, Тюменская области — субстратная топонимия [Муминов]; Томская область — ойконимия [Глинских]; топонимия [Ковалева], субстратная топонимия [Беккер]; Горно-Алтайская АО — субстратная гидронимия и оронимия [Молчанова]; шорские топонимы [Бонюхов]; Якутская АССР — гидронимия [Гриценко]; Камчатка — обзор топонимии [Кусков].

Союзные республики: Латвийская ССР — обзор топонимии [Дамбе]; Эстонская ССР — ойконимия [Уусталу]; Литовская ССР — гидронимия [Ванагас, Вержбовский]; Белорусская ССР — обзор топонимии республики [Жучкевич], ойконимия [Адамович, Лемтюгова], микротопонимия [Адамович, Прищепчик], географические термины [Толстой]; Украинская ССР — ойконимия [Бучко, Галас, Карпенко, Поляруш, Черняховская], гидронимия [Корепанова, Масенко, Муромцев, Поляруш, Стрыжак], микротопонимия [Поляруш], географические термины (названия рельефа) [Марусенко]; Молдавская ССР —

ойконимия [Еремия]; Грузинская ССР — топонимия отдельной области [Макалатиа]; Азербайджанская ССР — географические термины [Юзбашев]; Туркменская ССР — ойконимия [Атаниязов]; Каракалпакская АССР — ойконимия [Абдимуратов]; Хорезмская обл.,— топонимия, гидронимия, оронимия [Дусимов]; Узбекская ССР — топонимия [Караев, Каримова, Нафасов], вопросы транскрипции [Хасанов], урбанонимия [Кадырова]; Таджикская ССР [Хромов] — топонимия; Казахская ССР — топонимия [Койчубаев, Султаньяев], ойконимия [Абдрахманов], гидронимия [Попова], географические термины [Конкашпаев]; Киргизская ССР — обзор топонимии [Бутенко].

Как явствует из вышеизложенного, в большинстве работ исследована топонимия РСФСР, много работ по территории Украинской ССР, единичные работы по Латвийской, Литовской, Грузинской, Молдавской, Эстонской ССР и по другим территориям.

В области антропонимики имеются синхронные и исторические описания русской, литовской, армянской, белорусской, украинской, таджикской, казахской, молдавской, узбекской и киргизской антропонимических систем.

СПИСОК АВТОРЕФЕРАТОВ [4]

Абдимуратов К. Топонимика Каракалпакии. АКД. Нукус, 1966, 24 с. Ин-т истории, яз. и лит-ры Каракалпакского филиала АН Уз. ССР).

Абдрахманов А. Некоторые вопросы топонимики Казахстана. АКД. Алма-Ата, 1954, 12 с. (Ин-т яз. и лит-ры АН Каз. ССР).

Абдуллаев А. А. Названия лиц, образованных от географических имен и терминов в русском языке XV—XVIII вв. АКД. М., 1968, 15 с. (МГПИ).

Адамович Е. М. Топонимия и микротопонимия Случчины. АКД. Минск, 1966, 20 с. (Белорусск. гос. ун-т).

Аллендорф К. А. Проблема имени собственного на материале топонимических наименований Франции. «Уч. зап. МГПИИЯ», т. 5, 1953, стр. 125—134.

Атаниязов С. Топонимика Юго-Восточного Туркменистана. АКД. Ашхабад, 1966, 22 с. (Отд-ние обществ. наук АН Туркм. ССР).

[4] В трех случаях, когда авторефераты по диссертации отсутствовали, в список были включены: 1) статья автора, отражающая основное содержание диссертации [Аллендорф], и 2) сама диссертация, поскольку ее содержание не было отражено в печати [Иртеньева, Конкашпаев].

Ахманова Г. И. К вопросу о дефинитивном слове и дефинитивности словосочетания. АКД. М., 1972, 25 с. (МОПИ).

Бегматов Э. Антропонимика узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, 18 с. (Ин-т яз. и лит-ры АН Уз. ССР).

Беккер Э. Г. Селькупские топонимы западной Сибири. АКД. Томск, 1965, 18 с. (Томск. гос. ун-т).

Бирилло Н. В. Белорусская антропонимия. АДД. Минск, 1969, 47 с. (Ин-т яз. и лит-ры АН БССР).

Болотов В. И. Актуализация антропонимов в речи (на материале английского языка). АКД. Л., 1971, 21 с. (Ин-т языкозн. Ленингр. отд. АН СССР).

Бонюхов А. А. Структура и семантика шорских топонимов. АКД. Томск, 1972, 19 с. (Томск. гос. ун-т).

Бутенко Н. П. Русские собственные имена в Киргизии и некоторые вопросы взаимодействия языков. АКД. Минск, 1967, 20 с. (Белорусск. гос. ун-т).

Бучко Д. Г. Украинские топонимы на *-івці, -инці*. АКД. Львов, 1972, 22 с. (Львовск. гос. ун-т).

Вальдман К. Н. Разрушение древнеанглийских сложных топонимов. (На материале топонимики Кента). АКД. Л., 1972, 18 с. (Ленинградский гос. ун-т).

Ванагас А. Образование названий рек Литовской ССР. АКД. Вильнюс, 1966, 16 с. (Вильн. гос. ун-т).

Вержбовский А. А. Белорусско-литовские лексические взаимосвязи. АКД. Вильнюс, 1961, 31 с. (Вильн. гос. ун-т).

Галас К. И. Топонимика Закарпатской области (Названия населенных пунктов). АКД. Ужгород, 1960, 15 с. (Киев. гос. ун-т).

Гафуров А. Лично-собственные имена в таджикском языке. АКД. Душанбе, 1964, 14 с. (Отд-ние востоковед. и письм. наследия АН Тадж. ССР).

Гиндин Л. А. Исследования по древней топонимии юга Балканского полуострова. АКД. М., 1966, 24 с. (ИРЯ АН СССР).

Глинских Г. В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды. АКД. Томск, 1972, 26 с. (Томск. гос. ун-т).

Головина Э. Д. Топонимия бассейна р. Моломы (словообразовательный анализ). АКД. Л., 1971, 15 с. (Ленингр. гос. ун-т).

Горпинич В. А. Словообразование имен прилагательных и названий жителей от топонимов в восточнославянских языках. АКД. Киев, 1966, 22 с. (Отд-ние лит-ры, яз. и искусствоведения АН Укр. ССР).

Гриценко К. Ф. Названия рек и озер Якутии. АКД. Томск, 1968, 20 с. (Томск. гос. ун-т).

Гулиева Л. Г. Опыт исследования гидронимии Кубани. АКД. М., 1969, 19 с. (ИЯ АН СССР).

Дамбе В. Ф. Исследования по вопросам топонимики Латвийской ССР. Доклад на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Рига, 1962, 38 стр. (Ин-т яз. и лит-ры АН Латв. ССР).

Данилина Е. Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке. АКД. М., 1970, 20 с. (МГПИ).

Данчинова И. А. Синхроническая стратификация английских топонимов. (На материале назв. населенных пунктов гор. типа). АКД. Улан-Удэ, 1970, 20 с. (МГУ).

Думчюс И. Античные имена собственные в литовском языке. АКД. Вильнюс, 1958, 13 с. (Вильнюсский гос. ун-т).

Дусимов З. Топонимы Северного Хорезма. АКД. Ташкент, 1970, 17 с. (Ин-т яз. и лит-ры АН Уз. ССР).

Еремия А. И. Исследования в области современной молдавской топонимии (Названия нас. пунктов). АКД. Кишинев, 1967, 20 с. (Кишиневск. гос. ун-т).

Ермаченко М. Н. Семантико-грамматические особенности имен собственных (на материале французского языка). АКД. М., 1970, 26 с. (МГПИИЯ).

Жанузаков Т. Лично-собственные имена в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1960, 19 с. (Ин-т яз. и лит-ры АН Каз. ССР).

Железняк И. М. Словообразовательная система сербохорватской антропонимии раннеисторического периода (XII—XV вв.). АКД. Киев, 1969, 15 с. (Отд. лит-ры, яз. и искусствоведения АН УССР).

Жучкевич В. А. Общие и региональные географические закономерности топонимики. АДД (др. геогр. наук). Минск, 1970, 35 с. (Белорусск. гос. ун-т).

Зинин С. И. Русская антропонимия XVII—XVIII вв. (на материале переписных книг городов России). АКД. Ташкент, 1969, 22 с. (Ташкент. гос. ун-т).

Иртеньева Н. Ф. Употребление артикля с именами собственными личными в современном английском языке. М., 1947 (диссертация без автореферата).

Исаев Д. Топонимика Северной Киргизии. АКД. Фрунзе, 1972, 22 с. (Киргизск. гос. ун-т).

Кадырова Ш. М. Микротопонимы Ташкента. АКД. Ташкент, 1970, 28 с. (Ин-т яз. и лит-ры АН Уз. ССР).

Калинина Л. И. Хантыйские топонимы Западной Сибири. АКД. Томск, 1962, 17 с. (Томск. гос. ун-т).

Камалов А. А. Гидронимия Башкирии. АКД. Уфа, 1969, 20 с. (Башкирский гос. ун-т).

Капул Н. П. Очерки японской ономастики. АКД. М., 1965, 24 с. (Ин-т народов Азии АН СССР).

Караев С. Опыт изучения топонимии Узбекистана. АКД. Ташкент, 1969, 26 с. (Ин-т яз. и лит-ры АН Уз. ССР).

Каримова Л. Г. Топонимы в североузбекских говорах. АКД. Ташкент, 1972, 23 с. (Ташкентск. гос. ун-т).

Карпенко Ю. А. Топонимия Буковины. АДД. Киев, 1967, 29 с. (Отделение лит-ры, яз. и искусствоведения АН Укр. ССР).

Ковалева Н. Б. Русская топонимия бассейна реки Ини (семантический анализ). АКД. Томск, 1972, 20 с. (Томский гос. ун-т).

Койчубаев Е. Основные типы топонимов Семиречья. АКД. Алма-Ата, 1967, 24 с. (АН Каз. ССР).

Колоколова Л. И. Ономастика в художественной речи А. П. Чехова. АКД. Киев, 1970, 23 с. (Киев. гос. ун-т).

Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины. (Дисс. канд. геогр. наук). Ташкент, 1948, 267 с. (АН Каз. ССР, Сект. геогр.).

Корепанова А. П. Словообразование гидронимов бассейна Нижней Десны. АКД. Киев, 21 с. (Отд-ние лит-ры, яз. и искусствоведения АН УССР).

Корнилов Г. Е. Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике. АКД. Л., 1966, 19 с. (Ленингр. отд-ние ИЯ АН СССР).

Косничану М. А. Лексико-семантическое и структурно-грамматическое

исследование личных имен в молдавском языке. АКД. Кишинев, 1971, 21 с. (Кишиневск. гос. ун-т).
Кусков В. П. Топонимика Камчатки. АКД. (канд. геогр. наук). Л., 1972, 21 с. (Ленингр. гос. пединт).
Лабунько О. И. Склонение географических названий в современном русском литературном языке. (Наименование населенных пунктов). АКД. М., 1964, 13 с. (МОПИ).
Лебедева А. И. Топоминика Псковской области. (Лингвистический анализ). АКД. Л., 1952, 17 с. (ЛГУ).
Левашов Е. А. Названия лиц по местности в современном русском языке. (Вопросы словообразования). АКД. Л., 1968, 20 с. (Ленингр. Отд-ние ИЯ АН СССР).
Лемтюгова В. П. Топонимия Минщины. АКД. Минск, 1966, 23 с. (ИЯ АН БССР).
Леонович О. А. Топонимы Калифорнии. (Лингвистический анализ названий населенных пунктов). АКД. М., 1972, 17 с. (Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков).
Магазаник Э. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. АКД. Самарканд, 1967, 24 с. (Самарк. гос. ун-т).
Макалатиа П. Н. Топонимика Пшави Арагвского ущелья (часть I — лингвистическое исследование, часть II — словарь топонимов). АКД. Тбилиси, 1971, 28 с. (Тбилисский гос. ун-т).
Малько Р. Н. Названия рельефа в чешском и словацком языках. АКД. Минск, 1970, 17 с. (Ин-т языкознания АН БССР).
Марусенко Т. А. Названия рельефа в украинском языке (на славянском фоне). АКД. Киев-Каменец-Подольский, 1967, 18 с. (Каменец-Подольск. пед. ин-т).
Мартьянова М. Н. Фонетические варианты заимствованных топонимов в современном английском языке. АКД. М., 1971, 21 с. (Ин-т языкознания АН СССР).
Масенко Л. Т. Гидронимия бассейна Южного Буга. АКД. Киев, 1972, 25 с. (Ин-т языковедения АН УССР).
Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. АДД. Свердловск, 1970, 43 с. (ИРЯ АН СССР).
Мирославская А. Н. Собственные имена в «Новгородских записных кабальных книгах 100—104 и 111 годов». АКД. М., 1955, 16 с. (МОПИ).
Митрофанова О. Д. Личные собственные имена с суффиксами субъективной оценки в современном русском языке. АКД. М., 1958, 16 с. (МГПИ).
Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование. АКД. М., 1956, 20 с. (МГПИ).
Мокиенко В. М. Лингвистический анализ местной географической терминологии. (Псковские апеллятивы, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне). АКД. Л., 1969, 22 с. (ЛГУ).
Молчанова О. Т. Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области. (Лингвистический анализ). АКД. Томск, 1968, 22 с. (Томск. гос. ун-т).
Момина М. А. Этнические термины и названия должностных лиц и сословий в русском языке XVII в. (на материале «Описания Китая» Н. Г. Спафария). АКД. Л., 1965 (Ленинградск. гос. ун-т).
Муминов М. Т. Русская топонимия субстратного происхождения в

междуречье Тавды и Исети. АКД. Томск, 1970, 22 с. (Томский гос. ун-т).

Муромцев И. В. Семантико-структурные типы гидронимов бассейна реки Северского Донца. АКД. Харьков, 1968, 26 с. (Харьк. гос. ун-т).

Налбандян Г. М. Армянские личные имена иранского происхождения (культурно-историческое, этимологическое исследование). АДД. Тбилиси, 1971, 53 с. (Тбилисский гос. ун-т).

Нафасов Т. Топонимы Кашкадарьинской области. АКД. Ташкент, 1968, 24 с. (Ин-т яз. и лит-ры АН Уз. ССР).

Невелева С. Л. Мифология и антропонимия древнеиндийского эпоса (на материале II книги Махабхараты). АКД. Л., 1971, 16 с. (Ленинградск. гос. ун-т).

Недилько О. Д. Антропонимия Северной части Левобережной Украины (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.). АКД. Киев, 1969, 28 с. (МГПИ).

Никитин А. В. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (Опыт анализа топонимов-ориентиров). АКД. М., 1967, 24 с. (МОПИ).

Никулина З. П. Топонимия междуречья Оки, Прони и Осетра (Лингвистический анализ названий населенных пунктов). АКД. Кемерово, 1964, 16 с. (МОПИ).

Овчинникова Е. И. Коми топонимия в лексической системе русского языка. АКД. Томск, 1970, 24 с. (Томск. гос. ун-т).

Павлова Л. Г. Образование наименований лиц по месту жительства (на материале жителей Ростовской области). АКД. Ростов-на-Дону, 1972, 32 с. (Ростовский-на-Дону гос. ун-т).

Петровичева Г. И. Образование имен существительных со значением «лицо по его отношению к местности и национальности». АКД. М., 1967, 22 с. (МГПИ).

Подольская Н. В. Топонимика Новгородской земли по данным Новгородских письменных памятников XI—XV вв. АКД. М., 1956, 15 с. (ИЯ АН СССР).

Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV—XVI вв. (Однокоренные названия с разными суффиксами). АКД. М., 1970, 21 с. (МГПИ).

Поляруш Т. И. Сравнительное исследование словообразования гидронимии, микротопонимии и ойконимии (на материале топонимии северо-восточного Левобережья Украины). АКД. Киев, 1971, 24 с. (Ин-т языковедения АН УССР).

Попова В. Н. Гидронимы Павлодарской области. (Лингвистический анализ). АКД. Томск, 1966, 21 с. (Томск. гос. ун-т).

Поротников П. Т. Антропонимия замкнутой территории (на материале говоров Талицкого района Свердловской области). АКД. Казань, 1972, 18 с. (Казанский гос. ун-т).

Поспелов Е. М. Топонимика и картография. АДД. (геогр. наук). М., 1970, 36 с. (Ин-т географии АН СССР).

Прищепчик А. М. Микротопонимия Столбцовщины. АКД. Минск, 1970, 19 с. (ИЯ АН БССР).

Редько Ю. К. Современные украинские фамилии. (Происхождение, словообразование, территориальное распространение). АДД. Киев, 1969, 32 с. (Отд-ние лит-ры, яз. и искусствоведения АН УССР).

Рипецкая О. Ф. Славянская топонимика между Одером и Вислой в

немецком языке XII—XVIII вв. АКД. Львов, 1954, 15 с. (Львов. гос. ун-т).
Селезнева Л. Б. Примыкающий номинатив в системе географических собственных имен русского языка (на материале газет). АКД. Иркутск, 1972, 20 с. (Иркутск. гос. ун-т).
Стрыжак А. С. Гидронимия среднеподнепровского Левобережья. АКД. Киев, 1965, 19 с. (Отд-ние лит-ры, яз. и искусствоведения АН УССР).
Субаева Р. Х. Взаимодействие русского и татарского языков в топонимии Татарской АССР. АКД. Казань, 1963, 20 с. (Казан. гос. ун-т).
Султаньяев О. А. Топонимика Кокчетавской области. (Лингвистический анализ). АКД. Томск, 1969, 24 с. (Томск. гос. ун-т).
Суперанская А. В. Лингвистические основы практической транскрипции имен собственных. АКД. М., 1958, 19 с. (ИЯ АН СССР).
Сухомлин И. Д. Основы полтавской ономастики (по материалам Полтавских актовых книг XVII ст.). АКД. Харьков, 1964, 20 с. (Харьковск. гос. ун-т).
Таич Р. У. Ономастика М. Е. Салтыкова-Щедрина (на материале «Господ Головлевых», «Истории одного города» и «Сказок»). АКД. Одесса, 1971, 24 с. (Одесск. гос. ун-т).
Толстой Н. И. Опыт семантического анализа славянской географической терминологии. АДД. Л., 1972, 27 с. (Ленингр. гос. ун-т).
Туркин А. И. Топонимия Нижней Вычегды. АКД. М., 1972, 20 с. (Ин-т языкознания АН СССР).
Устинович А. Антропонимия Гроденщины и Брестчины XIV—XVIII вв. АКД. Минск, 1970, 22 с. (Ин-т языкознания АН БССР).
Уусталу К. Й. Немецкая топонимия Южной Эстонии. (Названия мыз). АКД. Тарту, 1972, 21 с. (Тартуский гос. ун-т).
Фролов Н. К. Антропонимия Приворонежья XVII в. АКД. Воронеж, 1972, 20 с. (Воронежск. гос. ун-т).
Хасанов Х. К. Вопросы транскрипции географических названий на узбекском языке. АКД. М., 1953, 14 с. (Ин-т географии АН СССР).
Хромов А. Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана. АДД. Душанбе, 1970, 63 с. (Таджикский гос. ун-т). II часть работы посвящена исследованию иранской топонимии Средней Азии.
Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. АДД. М., 1971, 42 с. (Ин-т языкознания АН СССР).
Черняховская Е. М. Топонимия Львовщины. АКД. Львов, 1966, 20 с. (Львовск. гос. ун-т).
Чучка П. П. Антропонимия Закарпатья. АДД. Киев, 1970, 42 с. (Киевский гос. ун-т).
Шарапова М. К. Нарицательные образования от имен собственных. (На материале русских названий растений). АКД. М., 1968, 13 с. (МГПИ).
Щетинин Л. М. Переход собственных имен в нарицательные как способ расширения словарного состава языка. (На материале английских фамильных имен). АКД. М., 1962, 17 с. (МГПИ).
Юзбашев Р. М. Опыт исследования азербайджанских географических терминов. АКД, Баку, 1962, 23 с. (Азерб. гос. ун-т).
Юркенас Ю. Древние сложные имена в письменных памятниках Великого княжества Литовского. АКД. Вильнюс, 1966, 16 с. (Вильн. гос. ун-т).
Ященко А. И. Гидронимический словарь Курской области. АКД. Л., 1966, 18 с. (Ленингр. гос. пед-н-т).

VI

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ

И. П. Литвин

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ТРАДИЦИОННЫХ» НАЗВАНИЯХ

Традиционными в русском языке считаются названия объектов зарубежных стран, русская форма которых отличается от их национальной формы в нормализованной русской передаче, а также названия международных объектов, не имеющие национальной формы или имеющие несколько национальных форм на разных языках. Традиционные названия существуют в географической номенклатуре всех стран. Это сравнительно небольшая по количеству группа топонимов, однако в нее, как правило, входят наиболее известные имена, такие как названия стран, столиц и крупнейших городов мира, наиболее значительных островов, заливов, рек, горных систем, выдающихся горных вершин, морей, океанов.

Среди традиционных названий, принятых в русском языке, следует различать подлинно традиционные и традиционно неправильные. К подлинно традиционным относятся:

1) названия международных объектов, не имеющих государственной принадлежности и, следовательно, национальных форм, например, Средиземное море, Тихий океан. Такие названия обычно переводятся на всех языках (англ. Mediterranean Sea, Pacific Ocean, фр. mer Méditerranée, océan Pacifique, исп. Mar Mediterráneo, Océano Pacífico, нем. Mittelmeer, Stiller Ozean, венг. Földközi-tenger, Csendes-óceán, чешск. Středozemní more, Tichý ocean и т. д.);

2) названия международных объектов, имеющие больше чем одну национальную форму, каждая из которых яв-

ляется официальной в пределах распространения данного языка. Например, Дунай — Donau (нем.), Duna (венг.), Dunărea (рум.), Dunaj (чешск.), Дунав (болг., сербохорв.), Альпы — Alpi (ит.), Alpes (фр.), Alpen (нем.);

3) перевод национальных названий: Огненная Земля вм. Тьерра-дель-Фуэго (Арг.), Франконский Лес вм. Франкенвальд (ФРГ), Лазурный берег вм. Кот-д'Азюр (Фр.), Большое Невольничье озеро вм. Грейт-Слейв-Лейк (США);

4) русифицированные формы иноязычных названий: Валенсийский залив вм. залив Валенсия (Исп.), Багамские острова вм. острова Бахама (Вест-Индия), Боденское озеро вм. озеро Бодензе (Австр., Шв., ФРГ), Сена, Гаронна вм. Сен, Гаронн (Фр.);

5) названия, вошедшие в русский язык через язык-посредник: Финляндия вм. финск. Суоми, Албания вм. алб. Шкиперия, Саксония вм. нем. Заксен, Париж вм. фр. Пари, Неаполь вм. ит. Наполи.

Традиционно неправильными мы считаем названия, которые передаются по-русски с отступлением от принятых правил передачи: Гамбург вм. Хамбург (Hamburg), Гринвич вм. Гринидж (Greenwich), Гулль вм. Халл (Hull), Виргиния вм. Вирджиния (Virginia), Гондурас вм. Ондурас (Honduras), Аргентина вм. Архентина (Argentina).

Причины появления таких форм названий различны: несоответствие фонетических и графических систем русского и иностранных языков, недостаточная разработанность в период заимствования научно-методических основ и конкретных правил передачи, использование на ранних этапах международного общения языков-посредников и др. В настоящее время в русском языке закрепилось более 1200 традиционных названий. Все они собраны и зафиксированы в серии Инструкций по русской передаче географических названий с каждого языка, издаваемых Главным управлением геодезии и картографии (всего издано около 50 Инструкций). Здесь же приводятся правильные формы названий, т. е. точно оговаривается, в чем именно традиционность каждого из них.

Вторая международная конференция ООН по стандартизации географических названий (Лондон, 1972 г.) провозгласила «крестовый поход» против традиционных названий, т. е. призвала к постепенному искоренению их

и замене национальными формами. Эту инициативу, безусловно, следует приветствовать.

Такая работа в Советском Союзе уже началась. Исчезли с наших карт Балканские горы, их заменила Стара-Планина; все увереннее пробивает себе дорогу Лос-Анджелес вместо, казалось, прочно укоренившегося искажения Лос-Анжелос, а затем недолговременного Лос-Анжелес; южноамериканскую горную систему все чаще называют Андами вместо Кордильеры или Кордильеры, или Анды; уже мало кто помнит, что столицу Чили еще двадцать лет назад писали Сант-Яго вместо правильного Сантьяго.

Однако процесс этот чрезвычайно сложен, он связан с ломкой привычных понятий, с отказом от широко известных географических названий. Поскольку традиционными являются наиболее известные названия, они уже давно и прочно вошли в активный лексический фонд русского языка, где дали большое количество производных по его законам и моделям (Париж — парижане, ср. свердловчане, горьковчане; Прага — пражский, ср. брага — бражничать; Греция — греческий, ср. жрец — жреческий) и даже устойчивые словосочетания (Рим — папа римский, римское право, римский нос). Совсем отказаться от подобных названий очень трудно, да и нужно ли? Ведь многие из них уже давно стали достоянием русского языка.

Однако безусловно возможно и необходимо значительно уменьшить их количество. На первых порах это можно сделать за счет менее известных названий, названий сравнительно небольших объектов, а также за счет исправления некоторых традиционно неправильных форм. Так, без особого ущерба мы можем отказаться от таких традиций, как Вашактун (город древних майя в Мексике, найденный археологами), Альмерийский залив (Испания), Шатильон (Франция), Ливерпуль (Англия), Доусон (США) и т. п. и ввести в употребление правильные формы: Уашактун, зал. Альмерия, Шатийон, Ливерпул, Досон. Можно и нужно сократить количество переводных топонимов, заменив их транскрипцией: Блу-Маунтинс вм. Голубые горы (Австралия), о-ва Перлас вм. о-ва Жемчужные (Панама), Голд-Рейндж и Грин-Маунтинс вм. Золотой хребет и Зеленые горы (США), Коллине-Металлифере вм. Рудные горы (Италия) и др.

Замена традиционных названий национальными — это вклад в дело международной стандартизации географических названий, это прогрессивная тенденция современности.

Б. З. Букчина

О ДЕДЕ МОРОЗЕ

Постоянная тема предновогодних номеров газет и журналов — *елки, Снегурочки, Деды Морозы...* Едва ли не чаще всего упоминают доброго *Деда Мороза*, несущего радость детям и взрослым.

Обращает на себя внимание правописание этого имени. Мы просмотрели декабрьские и январские номера газет «Правда», «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «Труд», «Учительская газета», «Красная звезда», «Московская правда», «Советская Россия» и «Пионерская правда» и убедились, что в современной орфографической практике используются в данном случае следующие варианты:

1. *Дед Мороз*

...встречает *Дед Мороз* и *Снегурочка* (Уч. газ., 31 декабря 1968 г.) ...*Дед Мороз* и Снегурочка (Труд, 27 декабря 1968); В стране *Деда Мороза* (Пионер. правда, 7 января 1969); В солдатских ботинках стоит египетский *Дед Мороз* у украшенной туи (Правда, 3 января 1969).

2. *Дед-Мороз*

Деды-Морозы теперь пошли не те (Комс. пр., 1 января 1969); Интервью берет *Дед-Мороз* (Моск. комсом., 26 декабря 1968); 16 Снегурочек и два *Деда-Мороза* появились в штате работников магазина (В. М., 25 декабря 1968).

3. *дед Мороз*

...*дед Мороз* и Снегурочка поспевают всюду (Сов. Россия, 26 декабря 1968); ...много хлопот в дни новогодних праздников у *дедов Морозов* (Сов. Россия, 28 декабря 1968); ждет приглашения в гости вереница *дедов Морозов* (Сов. Россия, 20 декабря 1968).

4. *дед-мороз*

...в канун Нового года *дед-мороз* приходит во многие семьи (Правда, 26 декабря 1968); Кому не знакомо чувство ожидания *деда-мороза?* ...верим в доброго и всесильного *деда-мороза*; ...тринадцать лет уже перевоплощается в *деда-мороза* В. И. Бубнов (Огонек, 1968, № 2, стр. 14).

Показательно, что разные варианты написания мы иногда находим в одних и тех же источниках. Так, в «Московской правде»: «Родина *Деда Мороза*» (1 января 1969) и «Селезневуза 60. Он выступает в роли *Деда-Мороза*» (27 декабря); в «Огоньке»: Я — *Дед Мороз* (1969, № 1); ...после Нового года полномочия *деда-мороза* я бы сложил, а вот бороду его себе оставил» (1968, № 52).

Как показывают приведенные примеры, разнобой в правописании этого имени касается двух сторон: 1) прописной и строчной буквы, 2) раздельного и дефисного написания [1].

Чем же вызван этот разнобой?

Тем ли, что редакторы и корректоры не знакомы с действующими правилами и словарями? Тем ли, что написание сочетания *Дед Мороз* может быть подведено под разные правила и тем самым как бы представляется некоторая свобода выбора написания? Тем ли, что наименование это отсутствует в современных словарях, и корректоры вынуждены давать «свое» написание, руководствуясь при этом не очень четкими правилами?

Оказывается, разнобой возник не стихийно, а полностью отражает те рекомендации, которые дают авторы различных современных орфографических пособий. И начинается этот разнобой в таких авторитетных орфографических книгах, как «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 1956 г.) и в «Орфографическом словаре русского языка». В «Правилах» и в «Орфографическом словаре», составленном в соответствии с «Правилами», даны разные написания (§ 98 «Правил» — *Дед Мороз*; Орфографический словарь — *дед-мороз*). А в пособии Д. Э. Розенталя «Справочник по правописанию и литературной правке» § 15 — *Дед-Мороз.*

[1] Интересно, что дефис употребляется только в тех случаях, когда или обе части этого имени или одна из них пишутся с прописной буквы; когда же обе части написаны со строчных, отсутствие дефиса исключается: нам не встретилось написание *дед мороз.*

В Толковых словарях русского языка пестрота написания отражает разнописания источников (Словари, очевидно, не ставили перед собой задачи унификации написаний). Поэтому в «Словаре современного русского литературного языка» статья озаглавлена *Дед-Мороз*, а в двух примерах, приведенных в статье, даны два разных написания — *Дед Мороз* и *дед-Мороз*.[2]

Дед-Мороз
Посеребренный блеском звезд,
В полночной тишине
Почтенный старец *дед Мороз*
Прошел по всей стране.
Жаров, Дед Мороз;

...И ты здоров ли, *дед-Мороз*?
А. Островский, Снегурочка, Пролог, явл. 2.

А в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: *Дед-Мороз* (Д прописное — в начале строки), *деда-мороза* — сказочное существо, румяный старик с седой бородой, олицетворяющий мороз. Елочный дед, елочная игрушка, изображающая *деда-Мороза*.

Итак, показания современных словарей подтверждают существование разных написаний. Но если разные способы написания стали привычными, то, возможно, и нет необходимости в унификации написания такого частного орфографического случая. Однако известно, что разнобой даже в частных случаях вызывает затруднения в школах, в работе издательств. Об этом свидетельствует и письмо ученицы 8 класса из г. Грозного Ларисы Гуженины: «Почему,— пишет она,— в разных художественных книгах, на открытках, на телеграммах, в сборниках диктантов это слово пишется по-разному: *Дед Мороз, Дед-Мороз, дед-мороз, дед мороз*?» Следовательно, унификация, установление большего единообразия необходима.

Из чего же можно было бы исходить при регламентации написания?

Прежде всего — о прописной и строчной букве. Собранный материал показывает, что есть тенденция раз-

---

[2] Варианта написания *дед-Мороз* нет в приведенной нами классификации, так как такое написание не встретилось в имеющихся материалах.

граничивать *Дедов Морозов* (сказочных героев) и *дедов-морозов* (елочные игрушки).

В первом случае — это собственные имена, названия действующих лиц в баснях и других литературных произведениях. Их написание с прописной буквы узаконено действующими правилами (§ 98); *дед-мороз* (со строчных букв и через дефис) — елочная игрушка — это уже не собственное имя, а нарицательное (Купить пять *дедов-морозов* и мишек) [3]. Например: «Внимание студентов из далекой Африки привлекло в отделе игрушек — русский *дед-мороз*» (Труд, 22 декабря 1968); «Все для елки Вы можете купить: бусы, шары, *деды-морозы*, снегурочки» (В. М., 4 декабря 1968) и «...в большом выборе: игрушки, стеклянные, картонажные, ватные *Деды-Морозы*, наборы елочных украшений...» (В. М., 19 декабря 1967). Но деды-морозы не всегда четко разграничиваются на «собственных» и «нарицательных».

Однако — не это показательно. Общее положение другое: с прописных букв пишется *Дед Мороз* — собственное имя (кстати, в «Правилах» это написание и приведено в разделе «Прописные буквы»). Со строчных — *дед-мороз* приводится как имя нарицательное. Разграничение таких написаний «узаконено» тем «разнобоем», который мы отметили в «Правилах» и «Орфографическом словаре». Вариант, приведенный в Словаре,— это не отступление от рекомендаций «Правил».

Психологически это можно понять так:
Дед Мороз — сказочный герой — это свободное сочетание двух слов: «Дед, которого зовут Мороз», как скажем, Дед Иван. *Дед-мороз* — это сложное существительное. О том, что различаются морфологически *Деды Морозы* и *деды-морозы*, свидетельствует и такой факт: в словосочетании *Дед Мороз* не только сохраняется самостоятельное оформление составных частей, но первая часть может свободно присоединять аффиксы (Дедушка Мороз).

Разграничение прописных и строчных букв, связанное с разграничением собственного и нарицательного имени, влечет за собой и разные написания — раздельное и дефисное. В дефисном написании графически как бы пока-

---

[3] Показательно, что в Орфографическом словаре 1936 г., в котором даны в основном словнике собственные имена, приводится следующее разграничение: *Мишка* и *мишка* — игрушка.

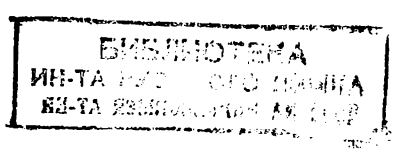
зано, что два слова вступают на путь превращения в одно обозначающее общее понятие.

«Во всех случаях, когда надо соединить в одно целое два слова или два иных элемента для обозначения одного объекта, может быть употреблен дефис»,— пишет А. А. Реформатский [1]. В разговорной речи такое «сращение» двух слов выражается в том, что первое начинает утрачивать способность к самостоятельному изменению по падежам, утрачивает грамматическую изменяемость и в косвенных падежах сохраняет начальную форму (*дед-мороза, дед-морозов*).

Итак, в разнописании сочетания *дед-мороз* переплетаются такие факторы как, с одной стороны, сложная и теоретически мало исследованная проблема — проблема собственного имени и, с другой стороны, тенденция к превращению сочетания в слово. Однако, это не снимает с составителей пособий обязанности установить единообразие и четче показать, что *Дед Мороз* и *дед-мороз* — не орфографические варианты и что они могут сосуществовать, как два слова: собственное и нарицательное. При выборе одной из форм пишущий должен дифференцировать эти явления.

Таким образом, мы имеем дело с двумя разными словами.

Дед Мороз — герой сказок — пишется с двух прописных букв и без дефиса (что и соответствует § 98 «Правил»), и *дед-мороз* (игрушка) — как сложное существительное — через дефис (что соответствует написанию, данному в современных словарях: орфографическом, орфоэпическом).

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА
ИН-ТА

[1] *А. А. Реформатский.* «Дефис и его употребление». «Вопросы русской орфографии». М., 1964.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I

Общие вопросы ономастики

А. М. Комков
Проблемы стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах 5

II

Личные имена, фамилии, топонимика

В. Д. Бондалетов
Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) 12

Б. С. Шварцкопф
О социальных и эстетических оценках личных имен 47

А. В. Суперанская, А. В. Суслова
«Нестандартные» русские фамилии 59

А. Ванагас
Принципы и структура словаря современных литовских фамилий 71

А. Б. Пеньковский
Русские личные именования, построенные на двухкомпонентной модели «имя + отчество» 79

В. Сталтмане
О двояком морфологическом оформлении иноязычных хоронимов в русском языке 107

www.ruslang.ru

III
Склонение собственных имен

Л. П. Калакуцкая
Склонение собственных имен (фамилий) в отношении к норме 116

Л. К. Граудина
Норма употребления топонимов с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* 140

Л. К. Чельцова
Особенности склонения иноязычных географических названий на *-ы*, *-и* 164

Б. З. Букчина
О склонении географических названий типа *республика Болгария* 171

IV
Собственные имена в художественной литературе

В. П. Григорьев
Ономастика Велимира Хлебникова (индивидуальная поэтическая норма) 181

Е. А. Некрасова
Некоторые наблюдения над употреблением имен собственных в произведениях А. Вознесенского 200

V
Обзоры

И. П. Литвин
К проблеме транслитерации русских слов знаками латинского алфавита 209

В. Сталтмане
Обзор диссертационных работ по советской ономастике (1947—1972 гг.) 226

VI

Краткие заметки

И. П. Литвин
О так называемых «традиционных» названиях 246

Б. З. Букчина
О Деде Морозе 249

ОНОМАСТИКА И НОРМА

Утверждено к печати Институтом русского языка
Академии наук СССР

Редактор издательства **Т. М. Скрипова**
Художник **А. И. Когановский**
Художественный редактор **Т. П. Поленова**
Технический редактор **Т. Д. Панасюк**
Корректоры **Л. И. Карасева, Г. И. Сурова**

Сдано в набор 12/XII 1975 г. Подписано к печати 10/VI 1976 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,8.
Тираж 15 000. Тип. зак. 111. Цена 83 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

83 коп.